

Анн Бренон

Катары

Ересь Добра

"Это Бог дает Добру Своё бытие, и Он есть его
причиной..."

Джованни де Луджио

Книга о двух началах (около 1240 г.)

Вступление - в форме посвящения

- Жаку Лакарьеру
- Катары и гностики
- Обновление изучения катаризма
- Горные тропы

1. Две Церкви

- Церковь апостолов
- Настоящая Церковь
- Идеология великой битвы
- В поисках прото-катаров
- Церкви европейских катаров

2. Путь праведности и истины

- В домах катаров
- *L'orden dels eretges*/Орден еретиков
- *Ordenament de sancta Gleisa*/Орден святой Церкви
 - Пастырская миссия
 - Таинство спасения
- Дорога Апостолов
 - Предписания Евангелия
 - В справедливости и правде
 - Свидетельствование собственным примером
- Отступничество Церкви Римской
 - Церковь, которая сдирает шкуру
 - Церковь, которая говорит большую ложь
 - Церковь-идолопоклонница

3. *L'entendensa del Be* / Устремление к Добру

- "Эти вечные обвинения в манихействе"
- Корни христианского дуализма
- Схоластика двух начал
- Изгнание и Царствие
 - Падение ангелов
 - Земля забвения
- Христос: тень и свет

- Природа Христа
- Дева Мария во тьме
- И избави нас от зла
- Вечность Добра
 - Вера, таинство и дела
 - Устремление к счастливому концу
 - И все будут спасены
 - Конец мира и тень небытия
 - Неизбежность бытия

4. Воплощение

- Спиритуальное христианство
 - Построение религиозного фундамента
 - Дух и буква
- Иконоборческое христианство
 - Простота культа
 - Воспроизводство жизни
- Рациональное христианство
- Нестяжательское христианство
 - Братство душ
 - *Utopia*
- Страсти
 - Крестовый поход
 - Инквизиция
 - Зима катаризма

Заключение.

Жаку Лакаррьеру, с добрыми воспоминаниями

Вступление в форме посвящения.

Это небольшое эссе я посвящаю с огромной благодарностью человеку из *Земель под поверхностью*, где *Проторенный путь* нависает над горизонтом, исчезающим между Форез и Маргерид, за залитыми светом холмами и долинами, ведущими в Окситанию. Переводчику *гностиков*.

Всё, что я читала у Жака Лакарьера, наполняло меня желанием. Потому что именно благодаря его маленькой книжечке *Гностики*¹, такой легкой и дружеской, которая однажды, зимним днем, попала мне в руки, я исполнилась желания написать историю средневековых еретиков. Итак, я начала подъем по лестницам, которые оказались такими светлыми и открытыми. И это желание родилось еще до того, как я прочитала последние слова:

"... гнозис не был побежден окончательно. Он возродился намного позже, в другом месте, в одиночестве и молчании иных гор, в сердце Пиренеев и Корбьер, где его история повторилась, с тем же величием и трагедией, до самого костра Монсежюра."

Конечно же, он говорил о катаризме. Хотя его фраза не была так уж точна, по крайней мере, в деталях. Катары жили в густо населенных местностях охотнее, чем в молчании и одиночестве; и через семьдесят пять лет инквизиторской травли после огромного костра 16 марта 1244 года, их трагедия не утратила ничего из своего величия - ни из своего ужаса; и наконец, практически не существует никаких связей между гнозисом и теологией Добрых Людей. Но в глубинном смысле, это справедливое утверждение, его стоит рассмотреть, исследовать и поразмышлять над ним. Груз молчаливых столетий, словно горные снега, лежат между поздней античностью гностиков и Средними веками катаров, между Александрией и Монсежюром. Мы начинаем наш рассказ спустя столетия после того, как затонула эта Атлантида; но мы пойдем вслед за Жаком Лакаррьером, который, улыбаясь, ведет нас, во имя тех, для которых "родина - это не земля, но утраченное небо, о котором они сохранили память". Потому что, добавили бы катары, "мы не от мира и мир не для нас".

Катары и гностики.

¹. Jacques Lacarrière. *Les gnostiques*. Albin Michel, Spiritualités vivantes, 1994. Цитаты из стр. 167 и стр. 38.

И те, и другие, гностики и катары, погребенные под снегами столетий, чувствовали ностальгию по утраченной небесной родине. И те, и другие были отвергнуты сильными мира сего, демонизированы и, в конце концов, уничтожены.

Возможно ли изучить и написать историю подобных диссидентских движений, особенно, если они были долгое время забыты после своего исчезновения? Несомненно, существуют параллели между посмертной исторической судьбой гностиков и катаров. Людей преследовали, их память очернили, а их писания уничтожили. Имена и тех, и других появлялись в истории, подобно морской пене на поверхности воды, но то, кем они были, оставалось в глубине. Можно сказать, что их имена стали символом победы Церкви, заявлявшей, что она вела против них праведную войну ортодоксии с заблуждениями. Но они сами, еретики, очерненные в официальных реляциях победителей, то есть в книгах опровержений, написанных ересиологами, источниках в высшей степени полемических и враждебных, не имели другой реальности, кроме карикатурной.

Вдобавок, на катаров долгое время одевали нео-манихейское облачение, представляя их инородным телом, вонзенным, подобно занозе, в плоть средневекового христианства, занозе, которую Церковь была обязана вытащить. Краткий анализ предыдущих историков - в основном писавших до середины XX-го века - показывает, что, основываясь исключительно на источниках средневековых опровержений, они изображали еретиков как экзотических мечтателей, верящих в двух богов, одного доброго, а другого - злого; их пессимизм угрожал всякому организованному обществу; их страстная ненависть к миру, плоти и репродуктивности представляла опасность для европейской демографии и могла затормозить наступление Нового времени. В середине XX-го столетия немецкий историк Арно Борст² мог ничтоже сумняшеся написать, что их исчезновение, как изначально запрограммированное, вовсе не было трагедией, потому что отвечало их глубинному желанию покинуть этот мир - что, в конце концов, и произошло, благодаря Инквизиции, взявшей на себя ответственность за этот процесс.

И если гностики были описаны только Отцами Церкви первых веков, а катары - только в цистерцианских памфлетах XII-го века и доминиканских Суммах опровержений XIII-го века, что мы могли знать о реальности их времени, о настоящих гностиках, о людях из плоти и крови и преисполненных надежд? История, в отсутствие разнообразных документальных источников, не имела средств применить к этому феномену критический метод, и приходилось оставлять всё, как есть - если не начинать, конечно, спекулировать, пользуясь исключительно точкой зрения победителей.

Однако, тогда же, в середине XX-го века, произошло два очень похожих события, потрясших основы и открывших исторические перспективы, как в области изучения гностиков, так и катаров. Это было, прежде всего, грандиозное открытие в Наг Хаммади в 1945 году, когда на свет Божий появилась

². *Die Katharer, Stuttgart 1953.*

гностическая библиотека, где были коптские переводы утраченных греческих текстов, которые почти сразу же начали публиковаться. Начиная с 1939 года, в архивах многих европейских библиотек, в основном благодаря розыскам ученого доминиканца Антуана Дондейна, были найдены многочисленные фрагменты рукописных книг катарского происхождения, ритуалов и трактатов на латыни и на окситан³. Новое появление на свет средневековых еретиков было, конечно же, менее зрелищным, чем античных диссидентов, и корпус их текстов был более скромным, однако, не менее существенным. И те, и другие, начали, наконец, во второй половине XX-го века показывать нам своё истинное лицо.

В Наг Хаммади было найдено огромное количество разнообразных гностических текстов: апокрифы Нового Завета, философские трактаты, инспирированные платонизмом, и роскошные мифологические построения, говорящие нам о том, что человек - узник в этом злобном мире и является творением трансцендентного Бога. Он может достичь спасения только через особого рода знание - *гнозис* - пробуждающее его сознание и воспоминание о его истинном происхождении. Практически то же самое говорится в недавно открытом коптском Евангелии от Иуды, опубликованном в 2006 г. Оно тоже в свою очередь - часть этой огромной теологии, где человек - чужой в этом мире, мир чужой Богу, а Адам и его потомки, заключенные в телесные тюрьмы, ожидают искры знания, которое позволит им вернуться в небесную отчизну.

Катаризм появляется из его собственных книг - причем не полностью противореча схемам средневековых полемистов, но дополняя и значительно разясняя их - как христианский спиритуализм и Церковь спасения душ. Разница между ним и гностическими движениями значительна, но в то же время, как это ни парадоксально, их объединяет общая атмосфера.

Очень средневековые по способу выражения, катары имеют и черты раннего христианства: оставляя место в своих проповедях для настоящего мифологического мира, они практически никогда не выходили за пределы канонических Писаний. Их космогония, вдохновленная ностальгией по небесной отчизне, откуда были изгнаны души, знаменательна своей библейской простотой; им неизвестны сложнейшие гностические нагромождения - не говоря уже о священных книгах манихейства. Теология катаров отмечена определенной рациональностью, особенно удивительной в средневековом контексте, еще и по сравнению с тем, что они называли предрассудками Церкви Римской. И, наконец, очень трудно определить катаризм как гнозис: здесь нет никакого спасительного тайного знания, предназначенного для горстки избранных; единственным их откровением есть откровение Христа: Благая весть, Евангелие, которое следует проповедовать всем, и открывать дорогу к универсальному спасению. Добрые Люди катаров сформировали публичные открытые Церкви, а не были закрытым

³. Сегодня нам известны два трактата на латыни: Анонимный Трактат (Лангедок, около 1220 г.) и Книга о двух началах Джованни де Луджио (Северная Италия, около 1250 г.), а также три ритуала: ритуал на окситан, к которому прикреплена копия так называемой Лионской Библии катаров (южные провинции Окситании, около 1250 г.), ритуал на латыни, к которому прикреплена копия Книги о двух началах, ритуал на окситан, находящийся в Дублине (копия имеет происхождение из вальденских долин Пьемонта, около 1350 г.). Это собрание текстов переведено и прокомментировано в *Ecritures*.

инициативным движением - только репрессии заставили их уйти в подполье. Церкви катаров не проповедовали спасение через просветление и познание, а благодаря вере и "святому крещению Иисуса Христа Духом Святым и через возложение рук Добрых Людей": таинство *consolament*. То, что часто носило название дороги апостолов.

Обновление изучения катаризма

Но я уже чувствую, до какой степени все эти утверждения требуют подробного анализа. Частично это является целью данной книги, верной своему посвящению другу гностиков. Ее название, *Ересь Добра*, содержит реминисценцию другой книги другого автора: исследования, достаточно значительного для своего времени, которое великий итальянский медиевист Рауль Манселли назвал *Ересь Зла - L'eresia del Male* (Неаполь, 1963). Ересь Добра, ересь зла - говорим ли мы об одном и том же? Конечно, да. Во времена Арно Борста и господства точки зрения католических полемистов катаризм окружала мрачная аура негативной религии вездесущности зла в этом мире. Сегодня открытие евангелизма трактатов и ритуалов катаров и проповедей Добрых Людей, известных нам из показаний их верующих и друзей, зафиксированных в реестрах Инквизиции, мы намного больше знаем об этой ереси. Очарованные Добром, их высшей теологической ценностью, бесконечно больше, чем мыслями о зле, окситанские Добрые Люди, которых верующие называли *lo Be* - Добро, определяли своё учение как *la entendensa del Be*, или *de tot Be*⁴ - устремление к Добру/дорога Добра.

Ведь это с аналогичным подходом сто лет назад пастор Уилфред Монод, отец Теодора Монода, назвал *Проблемой Добра* прекрасное исследование, которое он посвятил тому, что традиционно христианская теология определяла как "проблему зла"... В этой вечной проблеме зла коренится весь христианский дуализм.

La entendensa del Be к тому же является аргументом, с помощью которого катары защищались от обвинений в вере в двух богов, которые им инкриминировали католические полемисты. С их точки зрения, только Добро, символизирующее Отца Небесного, обладает реальностью и вечностью, а зло, иллюзорное и эфемерное, является на самом деле квазинебытием - "тексты катарского происхождения заявляют об онтической несостоятельности и бессилии злого Творца..." писал Рене Нелли⁵

Рене Нелли, писатель и философ, был одним из великих французских интеллектуалов, неустанно работавших над обновлением изучения катаризма: в 1959 г. он опубликовал перевод и комментарии к собранию текстов катарского происхождения, извлеченных к тому времени из глубин европейских библиотек, под названием *Писания катаров*. Наиболее значительному из

4. Сегодня написали бы *lo Ben*, и *l'entendensa del Ben*, в современной окситанской орфографии.

5. В статье "Природа зла... О неравенстве двух начал", *Folklore*, 1969, p. 21.

открытых еретических трактатов, Книге о двух началах епископа итальянских катаров Джованни де Луджио, он посвятил в 1975 г. свой главный труд, *Философия катаризма*, где исследовал теологические рефлексии еретиков, апогеем которых был абсолютный дуализм, одновременно открывший как христианские, так и интеллектуальные перспективы августиновской схоластики первой половины XIII века.

Если мы уж упоминаем каркассонца Нелли, то нельзя не остановиться и на имени тулузца Жана Дювернуа, который в те же годы занимался - и до сих пор еще занимается - постоянными и методическими исследованиями документальных источников катаризма. Его Сумма, *Религия катаров*, вызвала, после своего выхода в 1977 г.⁶, целый скандал в академической среде, потому что она полностью разбила "традиционное" видение этой ереси как ветви восточного манихейства. Впервые, благодаря изучению полного собрания документов - известных нам трактатов и ритуалов катаров - был проведен исчерпывающий анализ исторических данных средневекового религиозного феномена, несправедливо называемого катаризмом, и выявлен его исключительно христианский контекст культуры того времени - со всеми его архаизмами, традиционными и новаторскими аспектами. И сегодня, разумеется, уже мало кто из исследователей отказывает катарам в их средневековой христианской идентичности.

Вклад Жана Дювернуа в недавнее обновление изучения катаризма был бы невозможен без работы над источниками: его достойная восхищения работа над архивами Инквизиции Юга позволила ему почти полностью расшифровать и перевести их, предоставив их в распоряжение исследователей и широкой публики, и к тому же, предоставить слово самим катарам. Сегодня почти каждый знает, к примеру, изумительный *Реестр Жака Фурнье, епископа инквизитора Памье (1318-1325)*, опубликованный Жаном Дювернуа в 1965 г., и, особенно, бестселлер Эммануэля Ле Рой Лядюри, *Монтайо, окситанская деревня* (1975). Катары, мужчины и женщины, стали отныне узнаваемы, вместе с их миром и их обществом, их надеждами и страхами; уникальными свидетельствами о проповедях Добрых Людей, воспоминаниями об их литургии, а иногда эхом их шуток.

Горные тропы.

Итак, поскольку мы видим, что разнообразных - и достоверных - материалов великое множество, это позволяет нам рискнуть познать катаризм как он есть. И здесь мы сделаем эту попытку. Эта книга будет, скорее, погружением в глубь духовности катаризма, чем еще одним рассказом об истории ереси в средневековой Европе между XI и XIV веками, ее укоренении, репрессиях и уничтожении. Но слушайте внимательно: катаризм это не безмятежная философия наподобие *new age*. Это воплощенная Церковь, с ее корпусом практики, ритуалами и верованиями, составлявшая одно целое с обществом. И несмотря на свой вневременный евангелизм, он является очень конкретным

⁶ Jean Duvernoy, *La religion des cathares*, Privat, 1977, постоянно переиздается. И сегодня эта книга является очень актуальной по теме.

христианским ответом на средневековую реальность: никогда не следует отрывать их еретические рефлексии от их почвы и их плоти. В то же время, насколько это возможно, мы попытаемся следовать настоящей дорогой вверх, потому что в катаризме следует подниматься, с одного уровня на другой, с одной площадки на другую, пока не увидишь горизонт, если это удастся. Чтобы достичь дороги карнизов или дороги по хребту, тропы, лавирующей между религиозными рефлексиями и видениями, нам следует никогда не отрывать от текста. И всегда применять принципы критической истории, требующей уважения к внутренней логике, которой руководствовалась собственная рефлексия еретиков.

Мы будем также сопоставлять все возможные источники, не боясь сравнивать данные документов, отстоящих друг от друга на десятилетия, или имеющих противоположные точки зрения, потому что так мы сможем увидеть историческое развитие, и просеять его через сито рефлексии; и тогда нам вряд ли удастся закрыть глаза на несомненное единство, скрепляющее фундамент еретической мысли.

И сразу же уточним термины: без особого энтузиазма я буду употреблять слово "катары", не соответствующее реалиям исторической действительности, однако необходимое для того, чтобы было понятно, о ком идет речь. Этот оскорбительный и уничижительный термин - игра слов фальшивой эрудиции, где смешиваются образ античного манихейца, помешанного на чистоте, и средневекового колдуна, поклоняющегося коту - черт, которые, вместе с несколькими другими, составляли отличительную характеристику врага в образе средневекового еретика. Но никогда эти люди сами не использовали названий "катары", "совершенные", "патарины", "публикане", "фифлы", "манихейцы", "ариане", ни, конечно же, "Альбигойцы". Они называли себя просто христианами, или апостолами, или еще бедняками Христовыми. Верные уважительно называли их Добрыми Христианами, Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами.

По той же причине, и даже с некоторой сдержанностью я буду использовать здесь термин "католическая" для обозначения средневековой Церкви, выявлявшей и подавлявшей ересь. Сегодня слово католический означает реалии Нового времени, возникшие после Тридентского собора: а в XII - XIII веках оно все еще имело довольно общий смысл универсализма. Еретики сами претендовали на католичность своей Церкви. Я буду предпочтительнее употреблять здесь слово "Римская", говоря о Церкви Римской или о Римских клириках - хотя, в начале XIV века точнее было бы говорить об Авиньонском папстве...

И поскольку мы следуем логике диссидентов, а не их противников, то, несмотря на уступку в слове "катары", мы будем стараться употреблять здесь словарь самих еретиков. Добрые Мужчины и Добрые Женщины, но никогда совершенный или совершенная. Но что делать с названием еретик, с концепцией ереси, которые, хотим мы того или нет, неустранимы? Примем это к сведению. Мы будем употреблять его здесь, но, конечно же, без тени ценностного суждения, наложенного Историей, хорошо знающей, что именно по причине *ереси* этих мужчин и женщин *по-настоящему* осуждали и казнили. Мы будем употреблять его с уважением к греческой этимологии этого слова, означающего *выбор* -

свободный религиозный выбор. Выбор, в котором они были уверены до такой степени, что шли за это на костер.

Вести нас по этим горным тропам еретического выбора будут религиозные писания самих катаров, трактаты и ритуалы XIII и XIV веков, происходящие из еретических общин Лангедока и Италии; а также весь массив архивов инквизиторской институции Юга, современной катарам, содержащей тысячи отражений слов исчезнувших Добрых Людей. Кроме того, не забудем и по контрасту, о вкладе антиеретической средневековой литературы, которая, начиная с XI века, рисует нам негативный образ сумятиц, что приносят еретические споры в монолитный христианский мир. И нас *a priori* не должны шокировать ни совпадения, которые нам будут навязывать, ни слухи, которые всегда будут кружить - мы знаем, что еретики, пока они не исчезли, всегда пытались отстаивать своё существование и отличие.

Дорога проложена. Наша дорога в основном будет проходить через средневековую Окситанию. Здесь нам постоянно придется следовать за отметками, поставленными на стволах деревьев и стенах: нас будут сопровождать валуны и острые камушки текстов. И, наконец, мы увидим, как на горизонте вырисовывается голубая линия гор, на фоне которых видна "праведная твердыня Монсегюра" (Рене Нелли), и направимся к вершинам, под самое небо. Отсюда открываются врата в "Царство Божие, что не от мира сего" (Ио 18,36), куда шли Добрые Люди "дорогой справедливости и правды" апостолов, путь к свету Добра.

Прибывая к вершинам пиренейских перевалов, откуда открывалась ненадежная свобода земель королевства Арагон, окситанские беженцы от Инквизиции старались снять свои одежды, на которых были нашиты желтые фетровые кресты, кресты еретического бесчестья, на ношение которых они были осуждены, и прятали их под колючими кустами. На этой мрачной заре XIV века Добрый Человек Пейре Отье проповедовал пастуху из Монтайю о своих небесных надеждах:

"Не бойтесь больше, но пребывайте в радости: ибо нас ожидают прекрасные дни. Если бы Вы знали, какие награды нам обещаны, но мы не можем сказать об этом никому, кто не сделается добрым христианином, иначе Вы бы не вынесли всей горечи жизни на земле." (Показания Пейре Маури, 1324)⁷

7. Перевод Жана Дювернуа, JF 925-926

1. Две Церкви.

Если можно в нескольких словах сказать о судьбе средневековой ереси, называемой катаризмом, то лучше всего передать это образом пропасти, пересекающей дорогу. Пропасти между двумя концепциями христианской легитимности, отделяющей одну от другой, и позволяющей и той, и другой структурировать свое отличие. Но кто первым стал углублять эту пропасть? Как возникла эта дьявольская диалектика выявления и исключения, приведшая через два или три столетия к тому, что одна религиозная форма уничтожила другую? Две Церкви, как ясно сказано в проповеди, относящейся к первым годам XIV столетия, одного из последних великих пастырей той из двух Церквей, которая вскоре должна была исчезнуть - Пейре Отье, которого инквизитор Бернард Ги сжег на Пасху 1310 года перед кафедральным собором Сен-Этьен в Тулузе:

Есть две Церкви: одна гонима, но прощает (Мтф. 10, 23), а другая владеет и сдирает шкуру; и только та, которая бежит и прощает, следует прямой дорогой апостолов, ибо она не лжет и не обманывает; а та Церковь, которая владеет и сдирает шкуру, это Римская Церковь...⁸

Церковь апостолов

Церковь преследуемая и Церковь-преследовательница. И если единственной христианской добродетелью есть следование примеру Христа и апостолов, то так поступала преследуемая Церковь. Добрый Человек проповедовал в тот день, весенний день 1302 г., в скромном доме семьи скотоводов из Разес для молодого пастуха из Монтайю, которого он хотел сделать добрым верующим. И он достиг своей цели, потому что Пейре Маури, даже когда в огне исчезли все Добрые Люди его юности, не покорился, и на протяжении двадцати лет, пока его самого не поймали и не осудили в августе 1324 г., отстаивал свою веру против инквизиторской травли.

То, что проповедовал Добрый Человек Пейре Отье, нанизывая друг на друга грозные определения, не было ни легким, ни удобным. Потому что те, кто будет следовать примеру Христа и апостолов, будут преследуемы в этом мире:

Я покажу тебе дорогу к спасению Божьему, как Христос показал Своим апостолам, и Он не лгал и не обманывал. И это мы следуем этой дорогой, и я скажу тебе причину, по которой нас называют еретиками. Это потому, что мир ненавидит нас, и неудивительно, что мир нас ненавидит (1 Ио.3,13), потому что так же он ненавидел Господа Нашего и преследовал апостолов Его... (*id*)

Добрый Человек говорил, как наследник апостолов, как представитель законной Церкви Христовой. Доброй Церкви, истинной Церкви. Той, которая не лжет и не обманывает, которая не владеет и не сдирает шкуру, но

⁸. *In ibid.*, 924.

ведет к спасению Божьему. Тогда, в тот момент, когда он говорил, эта Церковь была обескровлена после более чем столетия систематических преследований - в Окситании крестовый поход против альбигойцев (1209-1229), потом, начиная с 1233 г., установление Инквизиции на завоеванных землях. Но Пейре Отье был из тех, кто отказывался допускать, что его Церковь когда-нибудь сможет исчезнуть. Для него и его товарищей, эти постоянные репрессии и неустанная ненависть, которые они терпели от мира, были лишним доказательством праведности их дела. Они были преследуемой Церковью, которую каленым железом выжигала Церковь-преследовательница.

На преследования преследуемая Церковь могла отвечать только кротостью - как говорят сегодня, оружием абсолютного ненасилия, то есть учения Христова. "Прямая дорога апостолов" - это "бежать и прощать". В ответ на агрессию можно только бежать; в ответ на анафемы и проклятия, только прощать; и говорить слова Евангелия. Слово бежать прекрасно раскрывает реалии долгой практики подполья, которая уже давно, со времен великого костра Монсегюра (1244), вынуждала служителей катарских Церквей искать убежища в Ломбардии и на Сицилии, где репрессии начались позже. И Добрые Мужчины, и Добрые Женщины, стали бродячими проповедниками, осуществляя своё служение тайно, под сенью овинов, подвалов и пастушеских хижин. Слово прощать, без сомнения, является наиболее абсолютной христианской ценностью. Для Доброго Человека, который проповедовал, эта ценность исходила прямо от Отца Небесного - не желавшего потерять ни одну из душ, своих детей; преследуемая в этом мире Церковь не могла сомневаться, что и души преследователей когда-нибудь получают это прощение Божье. Добрый Человек Пейре Отье ясно дал понять это своим верующим - что не мешало ему иногда сурово и язвительно высказываться против Римских клириков; Церковь, которая сдирает шкуру, в этом мире пастухов и скотоводов была той Церковью, которая стригла шерсть с овец с такой жадностью и алчностью, что сдирала вместе с шерстью и шкуру.

Церковь, которая сдирает шкуру, это также Церковь, которая владеет. Церковь богатства и власти, идущая во главе сильных мира сего; это Церковь Римского папства, утверждающая свою власть над "королями, баронами и князьями". Еще за два столетия до Пейре Отье, в середине XII века и далеко от Окситании, в епископстве Льежа и архиепископстве Кельна, в Рейнских землях, уже сжигали еретиков. Но тогда Римская Церковь еще стеснялась руководить этими расправами. Если она выявляла и твердо осуждала ереси на епископских судах и заявляла о моральном авторитете ордена Сито - то она еще испытывала страх перед тем, чтобы самой осуждать еретиков на костер - ничто в святых Писаниях, несмотря на полную переориентацию христианских идеалов со времен крестовых походов, позволявшую убивать неверных, не разрешала формально казнить отступников от учения Христа. Религиозные власти прихода или города в этом случае давали возможность проявить себя гражданским властям - то есть, направленному в нужную сторону христианскому народу, который хватал нераскаявшихся еретиков, тех, кто отказывался признавать свои ошибки, чтобы вершить правосудие. Через несколько десятилетий Инквизиция действовала уже в полном согласии с каноническим правом, при этом мудро прибегая к уловкам светской власти.

Возле Кельна, где-то около 1143 г., прево - или премонтрантскому аббату – Эвервину де Стейнфельду, близкому к Бернарду де Клерво, поручили опросить еретиков, которых готовились предать огню. Он проводил с ними всё свое свободное время, конечно же, пытаясь привести их к раскаянию, впрочем, безуспешно. Позже, став свидетелем их костра и потрясенный христианской смертью этих мучеников, он написал своему духовному учителю, "светочу Сито", очень подробное письмо, которое сохранилось среди корреспонденции Бернарда из Клерво. Этот текст, являющийся одновременно отчетом о событиях и личным свидетельством, представляет собой, несмотря на раннюю датировку, один из лучших документов, ясно описывающий программу еретиков, называемых катарами. Мы находим здесь краткий синтез всех элементов, которые встречаются в позднейших текстах, начиная от ритуалов и трактатов катаров следующего столетия, где эти элементы раскрываются глубже. Мы сразу же замечаем, насколько формулировки, которые премонтрантский аббат вкладывает в уста рейнских еретиков своего времени, звучат в унисон проповедям, говорившимся через два столетия последними великими окситанскими Добрыми Людьми. Уже тогда, до 1150 г., осужденные заявляли, что они представляют собой лучшую Церковь, истинную христианскую Церковь. Они называли себя "христианами", "апостолами" или "бедняками Христовыми" и доказывали свое апостольское служение наследованием Христа и традициями бедности и отрешения от мира:

"Вот какова их ересь: они говорят, что сами являются Церковью, потому что они одни следуют Христу; и что они идут путем апостолов, ибо они не ищут мира, и не владеют ни домами, ни полями, ни серебром. Как Христос не имел ничего, так Он не позволял и ученикам Своим ничего иметь. "Но вы, говорят они нам, вы присоединяете дом к дому, и поле к полю, и вы ищете того, что от мира..."⁹

Аргументы рейнских апостолов против богатства Церкви Римской – особенно орден, возникших после Реформы, цистерцианцев и премонтранцев – были очень чувствительными и содержали в себе, на целое столетие ранее, причину раскола между конвентуалами и Спиритуалами, разделившего меньших братьев Франциска из Ассизи; внутри Римской Церкви даже нищенствующие ордена имели огромные коллективные владения: эта Церковь оставалась "Церковью, которая владеет".

... и даже те среди вас, которые считаются наиболее совершенными, то есть монахи и каноники, если они не владеют сами, то владеют сообща, то есть они все же владеют. (*там же*)

То, как рейнские еретики определяли свою собственную Церковь, особенно впечатляет. Как и Пейре Отье в XIV столетии, и почти теми же словами, они утверждали своё апостольское наследие и обосновывали легитимность этого наследия именно наличием преследований и мученичества – что подтвердила их смерть на костре, как и смерть Пейре Отье и его товарищей:

⁹. Письмо Эвервина Бернарду из Клерво, 1143. Перевод. А. Brenon, *Archipels ...*, 50-53.

Сами о себе они говорят: 'Мы, бедняки Христовы, бежим, гонимые из города в город (Мт.: 10, 23), как овцы среди волков (Мт. 10,16), и мы сносим гонения как апостолы и мученики; однако мы ведем жизнь святую и преисполненную ограничений (...) Мы сносим все это, ибо мы не от мира; но вы, которые любите мир, вы заключили пакт с миром, ибо вы от мира (парафраза Ио. 15,19)" (*там же.*).

Точная цитата Евангелия от Матфея служит основой бесконечного подпольного служения "Церкви, которая гонима и прощает", и соотносится с тем, что говорил окситанский Добрый Человек. Все это абсолютно отвечает цитатам из евангелиста Иоанна – Евангелия или Первого Послания – размышления над которыми в течение столетий все больше заставляли еретиков выходить из сферы притяжения мирских благ. Именно у рейнских апостолов мы можем впервые четко увидеть противостояние двух Церквей, Церкви Божьей и Церкви мира сего – того мира, который ненавидит нас, как он ненавидел и преследовал Господа Нашего, как говорил Пейре Отье. Эти неопровержимые христианские корни дуализма просматриваются также и в метафоре о добрых и дурных деревьях, приносящих, соответственно, добрые и дурные плоды. Эта метафора является одним из главных аргументов, можно сказать, лейтмотивом, позднейших проповедей катаров – дурные плоды мира сего выявляют их дурное происхождение:

Лживые апостолы, изменившие Слову Христову, вы ищите тех, кому вы принадлежите, вы свернули с пути, вы и отцы ваши. Мы же и отцы наши – наследники апостолов, и остаемся ими по благодати Христовой, и так будет до конца времен. И чтобы разлить вас и нас, Христос сказал: 'По плодам их узнаете их' (Мт. 7,16). Наши плоды – это наследование Христа." (*там же*)

Рейнские апостолы еще до середины XII века уже имели достаточно разработанный дискурс, позволявший им оправдывать в историческом аспекте расхождение между двумя Церквями – каждая из которых имела собственных апостолов, считавшихся, разумеется, лживыми апостолами противоположной партией. В частности, Эвервин, используя их же терминологию, не колеблется назвать людей, сожженных в Кельне, "псевдоапостолами" или "апостолами Сатаны". Двумя столетиями спустя, земной сын Пейре Отье, Жаум Отье, сам Добрый Человек и блестящий проповедник – он был сожжен в Каркассоне в марте 1309 года – приводит тот же тип аргументов, позволявших каждой из двух Церквей опираться на собственные корни апостольского служения:

Как он говорил, есть два Писания, из которых одно – Римской Церкви, а одно их (Добрых Людей); и то, которое их (Добрых Людей), было передано Тем, Кто пришел в мир, из уст Духа Святого, и это благое и истинное Писание. Но потом пришел Сатана, который написал Писание по примеру первого, и оно есть у Римской Церкви... (Показания Пейре Маури)¹⁰

Здесь идет речь не столько о разных святых Писаниях - потому что, в частности, экземпляр сохранившейся катарской Библии представляет собой

¹⁰. J.F. 932

исключительно канонический текст, только переведенный на окситан - сколько о том, что Добрый Человек в данном случае говорит о разнице двух апостольских традиций, каждая из которых основывается на собственной трактовке священных текстов и имеет свою собственную иерархию христианской Церкви. Церковь окситанских Добрых Людей – или Церковь рейнских апостолов – та, которая "бежит и прощает", представляет собой истинную Церковь Божью, "гонимую и ненавидимую" в этом мире, со времен Христа и апостолов, сильными мира сего, и в особенности, Церковью мира сего, Церковью "которая владеет и сдирает шкуру".

Настоящая Церковь

У нас нет никаких причин отказывать религиозному движению, которое называют катарами, называться Церковью; и оно само отстаивало это имя с самого начала своего исторического существования – то есть, на протяжении двух столетий это фиксируется настолько четко, что становится неизмеримо большим, чем просто достойной доверия гипотезой. Иначе говоря, именно сущность его характера как Церкви позволяет нам определять религиозность, о которой мы говорим и, верно или неверно, называем ее катаризмом, отличая от других туманных средневековых "еретических" веяний.

Мы специально выбрали и поместили в начале этой книги тексты, отстоящие друг от друга, как во времени, так и в пространстве. Тем не менее, очевидна полная их созвучность, объединяющая последних окситанских Добрых Людей, Пейре Отье и его братьев, от рейнских апостолов, сожженных за два столетия до них. Но и между серединой XII века и началом XIV-го, существуют многочисленные тексты, подтверждающие реальность этой Церкви, *sancta Gleisa*, или *Gleisa de Deu* ритуалов окситанских катаров, и здесь нам предоставится много возможностей упоминать об этом или ссылаться на это. Кроме того, сразу же заметно, что та идеальная Церковь, которую защищали рейнские апостолы, - эта Церковь Божья, противопоставляемая Церкви мира сего, собственно, и есть ими самими, и сам Эвервин показывает в своем свидетельстве: один из еретиков, с которым Эвервин пытался говорить чуть ли не до самого его костра, тот, который вместе со своим товарищем упрямо отстаивал свою веру перед епископальным судом в Кельне, являлся епископом.

Двое из них, которых они называли епископом и его товарищем, спорили с нами на собрании клириков и мирян, где присутствовал Монсеньор Архиепископ и представители высшей аристократии; они защищали свою ересь словами Христа и апостолов... (Письмо Эвервина cit.)

В этом упоминании о "товарище" еретического епископа, мы узнаем общую практику наличия *socius*, постоянного союза двух христианских монахов, бывших вместе в силу своего обета общинной жизни, что отвечало евангельскому слову (Мт. 18, 20): "Где двое или трое собраны во имя Моё, там и Я посреди них". Подобной характеристике монашеского чина отвечали, в XIII и XIV веках – причем неограниченно – как Добрые Люди катаров, так и доминиканские инквизиторы, у каждого из которых постоянно был его *sòci* (на окситан) – или даже *socia*, если это касалось Добрых Женщин. Подобное

упоминание о такой практике у епископа рейнских апостолов в 1143 году можно объяснить, как первый признак монашеского чина у этого раннего еретического клира – что стало одной из неотъемлемых характеристик катаризма. Кроме того, апостолы объяснили Эвервину, что они объединены в смешанные общины, имеющие свою иерархию и разделенные на три степени: слушатели, верующие и избранные или христиане. Это можно перевести как верные, послушники и монахи. Только избранные или христиане, крещенные Духом через возложение рук, были облечены священнической властью:

Они публично признали также, что они крестят и крещены сами, но не водой, но огнем и Духом, приводя свидетельство Иоанна Крестителя... (...) ... И что это крещение возложением рук, которое они практикуют, они совершают согласно свидетельству Луки в Деяниях апостолов... И что когда кто-то из них крестится, они называют его избранным и говорят, что он имеет власть крестить других людей, которые окажутся достойными... (*id*)

Эти общины мужчин и женщин, собранные вокруг своего епископа, получали просвещение путем катехизиса (что означало переход от стадии слушателя к верующему) и таинство вступления в христианскую жизнь (от верующего к избранному или христианину): это, несомненно, является формой религиозной организации, напоминающей Церковь, в раннехристианском смысле этого слова. Именно это отстаивали сами рейнские апостолы, аргументируя цитатами из Нового Завета свои притязания на звание истинной христианской Церкви. Как ритуалы катаров, так и собрания позднейших документов, развивают и углубляют эти базовые характеристики. Так, во времена поразительного возрождения катаризма, которого добился в первое десятилетие XIV века, от Пиренеев до Гаскони, Добрый Человек Пейре Отье, встав во главе дюжины товарищей, с большой точностью были возрождены и структуры его подпольной Церкви, поколебленные столетием преследований.

Если прекрасно документированные источники, из которых мы узнаем о рейнских еретиках этой ранней эпохи XII столетия, сохранились только по чистой случайности, следует ли думать, что катаризм на самом деле обосновался и укоренился в землях между Германией и Фландрией? Однако, существует важное документальное досье на эту тему, принадлежащее архиепископу Кельна и составленное через двадцать лет после сведений, предоставленных нам Эвервином, в виде серии проповедей против ереси, отредактированных в 1160 г., другим рейнским клириком, Экбертом, каноником Бонна, и затем аббатом Шонау – братом Элизабет де Шонау, близкой к Хильдегарде Бингенской. Экберт де Шонау предоставляет массу дополнительной информации, хотя не такой высокой пробы, как у Эвервина, а скорее, носящей отпечаток злобных слухов. В частности, мы узнаем о том, что костер 1143 г. не уничтожил всю ересь в регионе, потому что до 1154 года начались новые кампании преследований, которые уже не прерывались. Экберт подтверждает, что у еретиков были епископы, и даже называет имена двух из них, Арнольда, сожженного в 1163 году, и Дитриха, сожженного в 1167 году со своими товарищами Арнольдом и Марсилем – во время огромных массовых костров в Бонне, Майнце и Кельне.

Экберт де Шонау является также полемистом, который выдумал название "катары", или даже "катаристы". Это слово, которое он употребляет для обозначения осужденных еретиков, доходя даже до того, что называет их епископов "архикатарами" – что должно вызывать определенную ассоциацию: образ какого-нибудь фольклорного восточного ересиарха, который должен быть осужден уже в силу своей странности. Экберт преследует лишь одну цель – демонизировать еретиков своего времени, указывая на их происхождение от ужасных античных манихейцев:

Те, которых сегодня называют катарами, происходят от некоторых учеников Мани, которых в то время называли катаристами. У Мани, основателя ереси, было множество учеников... После его смерти они поссорились и разделились на три группы... Те, которых называли катаристами, были еще более извращенными, чем другие... (Экберт, Проповедь 1)¹¹

Термин *катар*, на который он ссылается и который по-немецки звучит как *Ketzer*, или кошачья морда (*Katze*) (то есть поклоняющийся дьяволу в образе кота), начинает употребляться в рейнских землях до уничтожения этого феномена, а в XIII ст. попадает в словарь Римской курии. Но никогда в Средневековье этот термин не употреблялся в качестве обычного названия европейского еретического феномена, который мы, с высоты нашего XXI века, привыкли называть катарами. В любом случае, в Окситании он употреблялся чрезвычайно редко, разве что в ученой речи какого-нибудь инквизитора XIV века. В землях языка ойль, на переломе XII-XIII веков, употребляли слово "катьер" или "шатист". Только немецкоязычные историки XIX и XX столетий добились успеха во введении в обиход – с помощью эзотерической и туристической популярности - слова "катар".

Однако нельзя сделать это достаточной причиной, чтобы перестать употреблять данное слово. Теперь мы употребляем его из-за простого языкового соглашения. Это соглашение помогает нам избегать употребления других местных, иногда странных и смешных терминов, и мы будем обозначать здесь под словом "катары" определенное еретическое движение в форме смешанных монашеских общин, организованных в Церкви и собранных вокруг епископов, практикующих спасительное таинство крещения Духом и возложения рук и претендующих на законное наследие Церкви Христа и апостолов; то самое еретическое движение, объявившее преследовавшую его доминирующую Церковь, лживой Церковью. Хотя само слово "катары", каким бы произвольным оно ни было, не употреблялось до 1160 г., мы будем называть "пред-катарами" или "прото-катарами" еретические движения, предшествовавшие появлению данного слова, но уже имевшие полностью или частично его характеристики, как например, рейнские апостолы 1143 г. Подчеркнем, что мы не можем назвать так всех еретиков XI и XII веков скопом. Тем не менее, мы можем охарактеризовать как "катаров" и тех, кто жил достаточно далеко от Рейна, а именно еретические Церкви, отвечающие определенным выше критериям: публикан Бургундии и Шампани, окситанских, итальянских Добрых Людей, повсюду называемых манихейцами и еретиками.

¹¹. Robert Moore, *The birth of popular Heresy*, Univ of Toronto Press, 1995, p. 94.

И мы также будем употреблять слово "катары" для обозначения последней маленькой подпольной окситанской Церкви, Церкви Пейре Отье и его братьев, которую инквизиторы XIV века, Жоффри д'Абли, Бернард Ги, Жак Фурнье и их коллеги, всю сожгли живьем в Каркассоне, Тулузе и Памье. Катар Пейре Отье, скорее всего, никогда даже и не слышал слова «катары».

Идеология великой битвы.

Катары: были ли они еретиками? И как они появились? Загадка происхождения великой средневековой ереси, возможно, никогда не будет полностью разгадана. Вспомним снова образ пропасти, которая пролегла между христианами, между религиозными формациями, которые претендовали на наследие Христа и апостолов, и вновь заявили о себе в эпоху Тысячелетия. Без сомнения, уже до того эту пропасть старательно углубляли, но именно в это время в текстах вновь появляется слово, упоминание, изобличение, которое со времен поздней античности, казалось, полностью исчезло из менталитета и практики: *ересь, еретик*.

Всё произошло в контексте первых феодальных разбродов, когда Западная Европа ошетилилась башнями, раздробилась и укрылась за укреплениями, а власть держалась на острие меча многочисленных воителей. Но наступила и весна, когда христианский народ смог утолить голод и заняться спасением своей души, когда возникли новые деревни, а земля покрылась "белым покровом церквей". Но то было и время безрассудства, движимого дыханием великой битвы архангела с драконом, когда ожили древние мифы Апокалипсиса и воплотились в современности: в тихом свете монастырей, оплотов божественного мира, клюнийские монахи представляли себя белыми небесными когортами, призванными оказывать сопротивление хаосу мира сего "князем которого есть Сатана" (Ио. 12, 31 ; Ио. 14, 30 и т.д.) и черным легионам зла. И одним из этих грозных и гротескных легионов зла, были еретики, описание которых появляются под пером монастырских хронистов: служители дьявола, агенты Антихриста, колдуны, манихейцы. В Шампани, в Аквитании, в Перигоре, в Тулузе, в Ломбардии, их ловили, приводили в епископские суды, и даже жгли: в скупых писаниях тех времен Церковь изображалась окруженной врагами цитаделью, но внутренними врагами; вряд ли стоит воображать себе вторжение пришедших с Востока манихейцев, осадивших Рим и христианские земли.

Углубленный анализ хроник и церковной переписки, выявляющих еретиков и сообщающих о первых репрессиях, приводит нас к более широкому и сложному видению. Очевидно, еретики Тысячелетия – и позднейшего времени – это сверкающий гребень волны, несущей надежды на духовное обновление, которые питал тогда весь христианский народ. Весь XI век мечтает о возвращении к идеалам Евангелия и образцу апостольской жизни. И вскоре сама Церковь, под руководством реформаторского папства, казалось, встала во главе этого движения. Но, в конце концов, великий ветер многообещающей реформы – грегорианской Реформы – завершился усилением борьбы с ересью.

Это было время, когда Римская Церковь понемногу освобождалась от всякой светской опеки – особенно от зависимости от германских императоров, осуществляла очищение и внутреннюю реорганизацию, представляя себя как высший авторитет. Под руководством великих пап - Григория VII и его последователей - она реформировала религиозные кадры, пересмотрела основания экклезиологии, призвала к порядку своих служителей и прелатов, и встала во главе настоящей культурной революции, которая всерьез и надолго замутнила христианские идеалы. Папство также ответило на призыв суровых отшельников, позволив им основать новые монашеские ордена, отвечающие образу жизни апостолов. В то же самое время, в том же самом движении, в религиозном контексте появились такие слова, как христианский мир, крестовый поход, неверные, а также еретики. Реформированные монашеские ордена, первым среди которых, несомненно, был орден Сито, основанный в 1100 году, возглавили эту новую битву.

Начавшись с середины XI века, Грегорианская Реформа, независимо от духовного и религиозного возрождения, к которому она стремилась, стала своего рода движением установления порядка в христианском мире. Воинствующего порядка. Опираясь на апокалиптическое изображение великой битвы, папство видело себя во главе ангельских когорт, воюющих с силами зла. Оно хотело упорядочить этот мир, определяемый как христианский, по образцу Иерусалима небесного. Папа, викарий и представитель Иисуса Христа на земле, является его естественным сувереном: его власть намного превышает власть светских правителей - императора, королей или сеньоров. Таковы основы идеологии понтификальной теократии, наложившей глубокий отпечаток на историю средневекового папства.

Эту идеологию невозможно понять безотносительно от идеологии великой битвы, на которой основывалась легитимность духа крестовых походов. Действующие лица были определены и вооружены. Ангельские когорты воплотились в христианское рыцарство, которое, как класс светских воителей, должно стать сакрализованным – так родилось "чудовищное христианство", представленное рыцарскими орденами, тамплиерами и госпитальерами. Они одновременно были и монахами, посвященными Богу, и солдатами, обязанными убивать¹². Когда враги были определены, следовало с ними воевать и уничтожать. От Святой Земли до Испании это были неверные сарацины.; в Византийской империи это были греческие схизматики, которых следовало обратить добровольно или насильно; на границах Пруссии это были язычники, которых следовало евангелизировать крестом и мечом; и, наконец, в каждом епископском городе был еще внутренний враг, еретики. Новая Церковь, Церковь Рима и Сито, стала воинствующей Церковью, и в этом мире то, чего хотела Церковь, "было угодно Богу!".

Английский медиевист Роберт Мур прекрасно продемонстрировал, как превращение диссидентства в ересь и репрессии против нее принесли плоды, которые пожидало всё средневековое христианское общество. Как возникла культура преследований, выросшая из последовательного исключения нон-конформистских групп - неверных, еретиков, греческих схизматиков, евреев,

¹². Jean Flori, *Chevaliers et chevalerie au Moyen Age*. Hachette, 1998. Того же историка об идеологии великой битвы: *Guerre sainte, Jihad, croisade*. Le Seuil, 2002.

прокаженных, ведьм и т.д. Пока весь этот мир не превратился в "общество преследования"¹³. Собственно, то же самое, только другими словами, сформулировал и Пейре Отье...

В поисках прото-катаров

Где же нам искать происхождение ереси в данном контексте: в фантазиях клириков? Те несчастные, которых жгли на первых средневековых кострах - в Орлеане в 1022 г., в Монфорте, в Пьемонте, в 1025 г., а также в Аквитании, в Тулузе и других местах – не были ни лживыми пророками, ни колдунами. Как и более поздние их братья, они были воплощением силы религиозного сопротивления, внутренней по отношению к христианскому миру: сопротивления во имя забытых идеалов Евангелия и старинных литургических практик. Тогда же родилась и идеология великой битвы; и с новой силой она принялась расширять и углублять великую пропасть.

Тексты XI столетия, выявляющие первых еретиков, немногословны и карикатурны. Словно темные, неизведанные дороги. Здесь трудно определить, где индивидуальный религиозный бунт, где реакция крупных клириков, а где проявляются характерные черты религиозной ереси. Во время Грегорианской реформы – во второй половине XI века – эти религиозные бурления вроде бы утихли; сама реформаторская Церковь стала критиковать своих прелатов, живших богатой и разгульной жизнью. Но она перенесла поиск святости в область новых религиозных орденов - картезианцев, цистерцианцев, премонстранцев, фонтеврестов – оставляя очень немного христианскому народу для удовлетворения духовного голода. Не пытались ли еретики ответить на этот вызов, распространяя как можно шире евангельское слово? Священное слово, которое с такой силой противоречило властным аппетитам и воинствующим замашкам Церкви Рима и Сито, воинствующей Церкви, "Церкви, которая владеет и сдирает шкуру"?

Сегодня мы не можем различить этих еретиков, кроме как изучая акты их осуждения, не можем рассмотреть их, кроме как в свете их костров. Но мы также и видим, что репрессии не сломили сопротивления, а только привели к его структурированию, что впоследствии повлекло, в свою очередь, ужесточение репрессий. Так возникла ужасная механика репрессий, когда неприятие порождает исключение, а исключение - неприятие. Адская диалектика.

Но даже тогда, до и после Грегорианской реформы, тексты, закованные в деревянный, антиеретический язык, все более непроницаемый и заезженный, все же позволяют нам различить глубинный смысл христианского сопротивления доминирующей Церкви. Стремление к евангельским идеалам и апостольской жизни является рефреном этого сопротивления, но также и достаточно свободный религиозный выбор, который часто рационально аргументирует неприятие таинств и "суеверных" практик римского клира. Эта общая атмосфера религиозного диссидентства является, как и некоторые другие аргументы и практики, признаком связи еретиков XI века и катаров XII века.

¹³. Robert I. Moore, *La persécution, sa naissance en Europe*. 10/18, 1998

Потому следует поставить вопрос о том, не являлись ли многие из этих первых еретиков уже тогда аутентичными «прото-катарами». Даже если эти характерные черты, позже известные нам значительно детальнее, у еретических групп XI века проявляются очень расплывчато и спорадически.¹⁴

Следует ли тогда, в эпоху чуть позже Тысячелетия, когда Адемар де Шабанне, монах из Сен-Сибард в Ангулеме, говорит о том, что в Аквитании проповедуют еретические группы, предполагать в них прото-катаров, поскольку эти "еретические слуги дьявола", по-видимому, представляли собой организованный клир? Заметим также, что эти еретики высказывались против культа распятия теми же словами, которые двумя столетиями позже мы слышим из уст Добрых Людей; что они вели ту же примерную апостольскую жизнь, в постах и воздержании, "отказываясь от благ мира сего"; и, наконец, что они "говорят, как философы и ведут себя как святые".

Письмо монаха по имени Эриберт, обнаружившего в начале XI столетия группу еретиков в Перигоре, выглядит в этом плане еще более убедительным. "Новая ересь родилась в мир", заявляет он; ее проповедуют "служители абсолютного беззакония", которые не колеблются называть себя апостолами; они лицемерно демонстрируют свою "апостольскую жизнь", они воздерживаются от мясной пищи и выявляют показное благочестие, "совершая сотни коленопреклонений" – что явно напоминает литургию катаров. В теологическом плане, их ересь тоже была достаточно определенной: "месса для них не значит ничего", особенно это касалось таинства на алтаре, евхаристии, сущности Римской религиозности; они критиковали церковное пение, "не поклонялись ни распятию, ни статуе Господа", аргументируя свой отказ от Римского идолопоклонства теми же фразами и теми же аргументами из Писания, что и катары. Правда, нет никаких сведений об их церковной организации; Эриберт ограничивается лишь упоминанием о том, что в их общинах были "миряне, оставившие все свое добро, но также клирики, священники и монахи"; и что все они чрезвычайно искусны в проповеди Писаний.

Ломбардский хронист конца XI века, Ландульф Старший, пишет о группе еретиков, арестованных в замке Монфорте, в Пьемонте, и сожженных в Турине около 1025 года. Он описывает суровых, одетых в черное людей, появляющихся у ложа умирающих, чтобы спасти их души. Ими руководят "старшие и понтифики" – термин, означающий, скорее всего, епископов. Сходство поведения "манихеев" из Монфорте с катарами бросается в глаза, но может быть оно более визуальное, чем реальное? Однако, более ранний документ, появившийся в середине XI века, представляет еще одну древнюю группу средневековых еретиков, закончивших свою жизнь на костре, то есть, каноников кафедрального собора Орлеана, сожженных в 1022 году по приказу капетинга Робера Благочестивого, которые уже тогда практиковали характерное для катаризма таинство. Эти заметки, приписываемые монаху по имени Пауль, и

¹⁴ О ересях XI века, см.: Jean Duvernoy, *Religion ...* : Pierre Bonnassie и Richard Landes, "Une nouvelle hérésie est née en ce monde", в *Les sociétés méridionales autour de l'An Mil*, CNRS éd. 1992, p. 435-459 ; A. Brenon, "Les hérésies de l'An Mil. Nouvelles perspectives sur les origines du catharisme", *Archipels...* 31-48 ; "Le choix hérétique médiéval: la voie des apôtres et des martyrs", *Choix hérétique...* 51-65.

сохранившиеся среди документов собора Святого Отца в Шартре, являются намного более достоверными, чем хроники Рауля Глабера или Адемара де Шабанне, которые карикатурно изображают великих еретических клириков как гротескных колдунов, совершающих чудовищные оргии. Монах Пауль вкладывает в уста этих каноников глубокие теологические – и абсолютно прото-катарские аргументы:

Они говорят, что Христос не родился от Девы, не страдал за людей, что Он не умирал, не был по-настоящему положен во гроб и не воскресал... Они не считают, что освящение священником на алтаре, является таинством тела и крови Христовой... (Заметки монаха Пауля)¹⁵

То, что исповедовали ученые еретики XI века, это настоящий докетизм, чисто спиритуальная или божественная концепция природы Христа; они отрицали воплощение, как это делали и катары, что, само собой, приводило к полному отрицанию евхаристии:

Для них месса ничего не значит, и они учат не причащаться, а просто съедать кусочки благословленного хлеба... (*id*)

То, что прежде всего побуждает нас видеть в этом не простое совпадение "согласия" катаров и Орлеанской ереси, так это благословление канониками хлеба на манер Добрых Людей, без преосуществления, но также и то, что они, очевидно, сверх того практиковали очень специфическое катарское таинство, то есть, спасение путем крещения покаянием, Духом и возложением рук. Вот как объясняли это еретические каноники, согласно монаху Паулю:

Мы откроем тебе врата спасения; и ты войдешь через возложение наших рук, и с тебя будут смыты все грехи; ты получишь дар Духа Святого, который откроет тебе глубинный смысл и истинное достоинство Писания... (*id*)

Были ли эти двенадцать каноников кафедрального собора в Орлеане в 1022 году прото-катарами? А возможно, и не стоит удивляться, встречаясь в данном случае с настоящими ранне-христианскими обрядами – крещением Духом, упоминаемым в Деяниях Апостолов и являющимся ключевым христианским таинством покаяния в ранней Церкви; дарованием Духа Святого-Утешителя, ниспосланного на Пятидесятницу; практикой возложения рук – о существовании которой упоминается у части епископального клира до Грегорианской реформы... Как и у Орлеанских каноников, теология и практика катаров несомненно прекрасно вписывается в христианскую традицию. Интересно, что термины "глубинный" и "истинный", которые употреблены выше, означают, что, возможно, здесь идет речь об иной интерпретации Евангелия, отличной от общепринятой. И мы еще встретимся с тем, что Добрые Люди имели эту другую, евангельскую и апостольскую традицию. И, наконец, не забудем, что эти двенадцать каноников из Орлеана были на самом деле сожжены.

¹⁵. *Archipels...* 44-45.

Церкви европейских катаров

Эти заметки, касающиеся Орлеанских еретиков, не так уж изолированы, как кажется; около 1048 года Роже, епископ Шалона, написал Вазо, епископу Льежа, что многие крестьяне его епархии следуют учению и ходят на тайные собрания "манихеев", лживо претендующих на "передачу Святого Духа через кощунственное возложение своих рук", и что наиболее неотесанные среди них после обучения проявляют способности умело проповедовать Писание...

Корни катаризма, конечно же, были более глубокими и укоренились намного ранее середины XII века, когда тексты начинают сигнализировать о его расцвете.

Сразу же после Грегорианской реформы, в начале XII века, появляется все больше упоминаний – и костров – еретиков, уделявших крещение возложением рук; и сразу же появляются первые упоминания о еретических епископах. Еще до смерти на костре прото-катарских апостолов в Кельне, разговаривавших с Эвервином (1143), появляется первая церковная переписка, где говорится об аналогичном феномене в епископском городе Льеж, скорее всего, в 1135 году; в этом не очень ясно датированном письме капитул Церкви Льежа сообщает Римской курии о поимке и казни на костре группы еретиков, имеющих церковную структуру:

Эта ересь... имеет своих христиан, своих священников и других прелатов, как и мы ¹⁶

Это, возможно, первое точное упоминание о епископской иерархии катаров, идентичной иерархии рейнских епископов, о которой сообщает Эвервин, а позже Экберт. Эти еретические общины очень похожи. Льежский текст, к тому же, отмечает, что эти еретики носят монашеское одеяние, и претендуют на то, что их общины "распространены от Мон Вимер, названия одной местности во Франции... по всей Галлии и в наших городах". Кстати заметим, что в соответствии со старинными хрониками, именно в Вертюс, по другую сторону Мон Вимер, или Мон Эме, в Шампани, стал известен первый средневековый еретик, крестьянин по имени Лиотар, выявленный "около 1000 года"; и что именно у подножия горы Мон Эме в 1239 году было сожжено более 180 катаров Шампани вместе с их епископом – общины и иерархия катарской Церкви Франции.

Начиная со второй половины XII века, сведения становятся более многочисленными и подробными. О еретиках, которые уже без сомнения являются катарами, говорят в различных регионах христианского мира: от Льежа до Рейнских земель, но также в Шампани, Бургундии, Фландрии, Тулузэ, Аженуа и Альбижуа, в Италии и – даже еще дальше, в Боснии и по всей Византийской империи, Греции, Болгарии и Малой Азии. Однако эти общины не являлись единственными представителями религиозного диссидентства своего времени. Церковь Рима и Сито выявляла и других смелых проповедников, которых она

¹⁶. A. Brenon, "Un ordre épiscopal", *Archipels...* 176-177.

преследовала по всей Западной Европе. Для удобства мы можем вместе с Жаном Дювернуа определить два главных еретических течения в этом бурлящем христианстве, одно "реформистское", а другое радикальное¹⁷. Эвервин де Стейнфельд сам различает эти течения. Кроме псевдоапостолов, то есть, прото-катаров, свидетелем казни которых он был, он знал также и "других еретиков", с которыми первые постоянно спорили.

Но эти "другие еретики" не были организованы в Церковь; они ограничивались критикой извращений Рима, говоря, что: "апостольское достоинство было испорчено вовлечением в мирские дела" – считая учение Римской Церкви недействительным. Они также не верили в действительность таинств, уделаемых священниками, но исповедовали здоровый реформизм, отрицая культ святых, чистилище и весь комплекс "предрассудков" Церкви Римской. Мы знаем некоторых пламенных реформаторов такого типа, несмотря на карикатурные их изображения католическими хронистами – Эон Стелла в Бретани, Пьер де Брюи в Дофинэ, или монах Генрих в Мансе и Аквитании. Они появляются то тут, то там в течении всего столетия, словно предтечи великой фигуры Вальдо, основателя Лионских Бедняков или вальденсов. Но ни одно из этих движений не претендовало на то место, которое занимала Римская Церковь – на собственную истинную апостольскую Церковь с епископальной иерархией и собственным таинством спасения душ. Если бы в 1180 годах Вальдо не столкнулся с непримиримостью папы и архиепископа Лионского, последовательно отвергавших их бедное братство, и назвавших их вначале раскольниками, потом еретиками, то он мог бы основать еще за тридцать лет до Франциска Ассизского первый нищенствующий орден. Но, несмотря на несомненные совпадения в деталях, линия катаров была абсолютно иной.

Кампании насилия и репрессий, которые, на протяжении тридцати лет (1135-1167) потрясали общины катаров в Рейнских землях, очень отразились на их развитии; но в те же 1165 годы тексты словно освещают для нас иные места в Европе, где катаризм укоренился менее хаотично и более глубоко – Италию и особенно Окситанию. В то время, как северный катаризм, попавший между церковным молотом и феодальной наковальней, уже в первой трети XIII века, перед тем, как исчезнуть, видится нам только в мрачном дыме костров, на Юге Церкви катаров, при поддержке децентрализованных сеньорий и в соседстве с не столь агрессивным клиром, смогли структурироваться и достичь полного расцвета.

Когда весной 1145 года знаменитый Бернар из Клерво, "светоч Сито", вместе с папским легатом прибыл в Тулузу и Альбижуа в погоне за своим старым врагом монахом Генрихом, он там его не обнаружил. Еретический проповедник практически растворился в массе народного религиозного сопротивления. В южных бургах и *castra*, таких, как Верфей, сам именитый мэтр цистерианской мысли был высмеян фрондирующей и антиклерикальной *интеллигенцией*. Тем не менее, его секретарь Жоффри д'Оксерр оставил нам несколько интересных замечаний: в бургах этих отдаленных земель возле Тулузы и Альби, публично живут еретические общины, состоящие из мужских и женских религиозных домов; некая пара из тулузской аристократии оставила свое

¹⁷. По этому вопросу см. Jean Duvernoy, *Religion...*

имущество детям, чтобы отдаться религии, поселившись, соответственно, в мужском и женском домах. То есть уже тогда в Лангедоке ересь исповедовали открыто, и она была связана с аристократической кастой.

Двадцать лет спустя, в 1165 г., в *castrum* Ломбер, в Альбижуа, под защитой местных сеньоров, некий "ересиарх" по имени Оливье и его "Добрые Люди" осмелились защищать публично – и свободно – свои взгляды перед прелатами Юга, в присутствии виконтов Раймонда Тренкавеля и Сикарда де Лотрек, а также Констанции Французской, графини Тулузской. Отчет, сохранившийся об этой встрече, к сожалению, не очень внятный. Тем не менее, он содержит ясное подтверждение тесных связей этой явно организованной ереси с южной знатью; соотношение сил не позволило Римской Церкви устроить ни малейших репрессий.

В Акте, датируемом маем 1167 г., того самого года, когда сожгли рейнского епископа Дитриха и его товарищей, мы видим явное существование организованных катарских Церквей в лоне окситанских графств¹⁸. Именно в это время в *castrum* Сан-Фелис де Лаурагэ, на пограничье графства Тулузского и виконства Тренкавель Альби, и под защитой местных сеньоров, открыто собралась генеральная ассамблея всех существующих в Западной Европе еретических организаций. Их тогда было шесть: четыре в Окситании – Церкви Альбижуа, Тулузэ, Каркассе и Аженуа (или долины Арана), а еще Церковь Франции и Церковь Ломбардии. Три из них уже имели собственных епископов: Марк в Ломбардии, Робер д'Эпернон во Франции, и Сикарт Селлерье в Альбижуа; а тремя другими управляли советы Церкви. Этим собранием, созванным по просьбе Тулузской Церкви, и которое вполне можно квалифицировать как собор, руководил иерарх одной из братских Церквей греческого христианства, Никвинта или Никита, епископ богумилов Константинополя, совершавший в то время путешествие по Западной Европе.

На повестке дня тогда стоял вопрос об организации и консолидации местных структур Церкви. Новые Церкви избрали епископов: Берната Раймонда для Тулузэ, Жирота Мерсье для Каркассе и Раймонда Казалис для Аженуа/Долины Арана; новоизбранные епископы получили от Никиты епископальное посвящение, после чего все присутствующие епископы наново были им посвящены, как и все собравшиеся там общины Добрых Мужчин и Добрых Женщин. Высокий гость произнес речь (на каком языке? на латыни? на греческом?) и по просьбе тулузцев сказал проповедь о братских отношениях, существующих между всеми христианскими Церквями; и наконец, он помог тщательно разграничить канонические территории Церквей Тулузэ и Каркассе.

Эти события мая 1167 г. известны по уникальному акту, сохранившемуся в копии XVII века, опубликованной каркассонским историком Гийомом Бессе¹⁹, с оригинала 1225 г., составленного катарской Церковью Каркассе и сейчас утраченного, так называемой "хартии Никвинты" – архаический вариант имени Никита. Этот текст, вызывающий сомнения, как и

¹⁸. Об этой религиозной структуризации см. Julien Roche, *Une Eglise cathare, l'évêché du Carcassès...* Cahors, 2005.

¹⁹. *Histoire des ducs, marquis et comtes de Narbonne*, Paris, 1660.

всякая поздняя копия, был дважды просеян через решето исторической критики - в 1960 году и совсем недавно. И каждый раз историческое сообщество неопровержимо признавало его аутентичность²⁰. Следует сказать, что на основании тщательного лингвистического, кодового и текстологического анализа, осуществленного специалистами (архивисты палеографы Института исследований и Истории Текстов, CNRS), оказалось, что очень многие данные, содержащиеся в хартии Никиты, подтверждаются и дополняются другими источниками, а сама "аутентичность этого текста доказывается хотя бы его незначительностью" (Антуан Дондейн). В конце концов, действительно непонятно, с какой целью каркассонец XVII века мог бы сфабриковать, без никакой выгоды для себя, подобную фальшивку – одновременно чрезвычайно сложную и не имеющую практического смысла. Этот текст не представлял большого интереса для историографов времен Людовика XIV, и вряд ли он тогда мог вычислить, какое значение будет играть этот текст через несколько сот лет в исследованиях катаризма.

Главной неясностью в этой поздней копии является упоминание в тексте названия Церкви Раймонда де Казалиса: *aranensis*, Долина Арана, как говорится в транскрипции Бессе. Дело в том, что между XII и XIV веками нет никаких упоминаний, позволяющих предположить существование какой-либо еретической организации в этой маленькой пиренейской долине. Кроме того, в то же самое время есть очень много свидетельств об активности катаризма и существовании реальной Церкви в Аженуа. Появилась гипотеза о том, что Гийом Бессе плохо прочитал в этом месте оригинальный документ, где, возможно, было слово *agenensis*, а не *aranensis*, хотя совершить такой ляпсус довольно сложно. С другой стороны, копии, составленные в конце XVII века нотариусами миссии Доата в архивах Лангедока – особенно документов Инквизиции Каркассона, впоследствии пропавших, содержат много ошибок в транскрипции названий и собственных имен.

Из хартии Никвинты становится ясно, что ересь в Лангедоке в середине XII века на самом деле развивалась стремительными темпами; она была там укоренена уже давно, потому что Церковь на то время имела посвященного епископа. К тому же, весьма вероятно, что из-за игры слов и неправильного прочтения разными переписчиками – что даже более правдоподобно, чем предположение, что *Agenensis* могло превратиться в *Aranensis* - Оливье 1165 года и Селлерье 1167 года, это одно и то же лицо. Этот первый известный нам катарский епископ Альбижуа является также последним свидетелем существовавшей ранее линии передачи еретической традиции в Окситании, берущей свое начало, возможно, от северных епископов, епископов Франции или Рейнских земель. С того времени, после общего посвящения епископов, совершенного в Сан-Фелис епископом Константинополя, апостольская преемственность была обеспечена - или подтверждена наново. Епископы, посвященные в 1167 году, посвящали других, в частности своих преемников. Но мы никогда не узнаем, какой именно епископ первым посвятил Сикарта Селлерье;

²⁰. Monique Zerner (dir) *Le catharisme en discussion. Le "concile" de Saint-Félix (1167)*. Nice, 2001. Опубликован латинский текст хартии. Об этом также говорится в статье Мишеля Рокеберта "Деконструкционизм и исследования катаризма" в Martin Aurell (под ред.), *Les cathares devant l'Histoire*, 2005, p. 105-133.

какие епископы возлагали руки на Роберта д'Эпернона, Дитриха, Арнольда, или епископа апостолов, сожженных в Кельне в 1143 году...

Епископ Ломбардии, Марк, избранный миланскими общинами, был посвящен Никитой еще перед ассамблеей в Сан-Фелис в Лаурагэ; другие документы отмечают, что богумильский иерарх, по дороге из Греции, сделал первую остановку у итальянских катаров; а потом Никита и Марк вместе подались в Окситанию. О Робере д'Эперноне, епископе Франции, мы почти ничего не знаем; он был избран еретическими общинами, достаточно многочисленными и активными в Шампани, о чем свидетельствуют репрессии против них (Реймс, Провенс, Вертюс) и Бургундии (Везеле, Шарите-сюр-Луар, Невер), а возможно даже, очень спорадически, в Иль де Франс. Несмотря на массовые казни на кострах, эта активность сохранялась еще, ни много ни мало, до конца XIII века: катарский епископ "Франции" по имени Гийом Пьер еще был в итальянском убежище в Вероне в 1277, а потом был пойман Инквизицией в 1289 г. Когда я употребляю здесь слово Франция, перевод архаического латинского слова *Francia*, то обозначаю этим юрисдикцию этой Церкви, а не слово, обозначающее намного большую территорию государства Франция, находящегося под юрисдикцией владения Капетингов; катарская Церковь Робера д'Эпернона, конечно же, не распространяла свою экспансию так широко.

В Сан-Фелис в 1167 году не были представлены Церкви Рейнских земель: появившись первыми, они первыми и пострадали от систематических репрессий; а катарские общины Окситании в то же самое время имели лучшую динамику; уже тогда они были связаны апостольской традицией через посвящение епископа; уже тогда они были достаточно многочисленны, чтобы разделиться на четыре автономных Церкви на территории двух крупных феодальных княжеств, графства Тулузского и виконтства линьяжа Тренкавелей - Альби, Каркассон, Безье и Лиму, куда следует еще несомненно добавить третье территориальное образование, графство Фуа. Около 1225 года из Тулузской Церкви и Церкви Каркассе выделилась пятая Церковь - Разес, хотя Церковь Аженуа и дальше была вполне жизнеспособной.

Конечно же, следует проявлять осторожность, потому что дошедшие до нас документы частичны и неполны, и очень опасно из этих фрагментарных документов делать обобщенный синтез. Является ли исторический динамизм окситанских Церквей более ранним, чем развитие их сестер в Италии? По-видимому, до миссии Никиты в Ломбардии еще не было епископов; в последующие десятилетия, начиная от Церкви Марка, общины итальянских катаров разделились на много Церквей, и каждая группа имела своего епископа. Итальянские доминиканские полемисты лезли из кожи вон, чтобы убедить всех в том, что причиной этого религиозного дробления являлись личные расхождения – персональные амбиции или теологические противоречия. Но источники итальянских коммун говорят нам о том, что ересь была достаточно распространена уже в 1170 году в таких городах, как Флоренция, Орвието, Витербо, Феррара и многих других.

Под конец XII века в Италии было шесть катарских Церквей: Децензано и Конкоретто в Ломбардии; Церковь Виченцы и Марки Тревизе в Венеции; Церковь Баньоло, между Мантуей и Болоньей; Церковь Флоренции,

действовавшая по всей Тоскане; и наконец, Церковь Долины Сполете, куда входил и Рим. Таким образом, можно подсчитать, что на переломе XII-XIII веков в Западной Европе существовала дюжина катарских Церквей; а чтобы иметь глобальную визуию этого феномена, следует добавить еще Боснийские Церкви, о которых мы точно не знаем, где были расположены их престолы, и пять богомильских Церквей греческого христианства, названные Никитой в 1167 году на соборе в Сан-Фелис. До нас дошла речь, или скорее проповедь епископа Никиты, где он, кроме всего прочего, упоминает о необходимости братских отношений между всеми Церквями:

Потом Папа Никвинта сказал Церкви Тулузской: вы просили меня сказать вам, были ли обычаи ранних Церквей тяжелыми или легкими, и я отвечаю вам, что семь Церквей Азии были разделены и разграничены между собой, чтобы ни одна не имела к другой претензий. И (сегодня) Церкви Ромская (Константинополь) и Драгометии (Македония), и Меленгии (Пелопонес?), и Болгарии и Далмации разделены и разграничены между собой, и никакая из них не имеет к другой претензии, и они живут в мире между собою. Сделайте так же. (Хартия Никвинты)

То, что проповедовал отец Никита – поскольку слово "папа" означает здесь "отец", а не титул вроде "папы Римского" (боснийские катары даже называли своих епископов *Djed*, дед), совпадает с имеющимися у нас в наличии фактами: между всеми Церквями были равные отношения, у них отсутствовала централизованная пирамида, как в Римской Церкви, основанная на иерархии епископов и архиепископов и увенчанная суверенитетом Понтифика; наоборот, эти Церкви жили в полной автономии, сохраняя между собою простые добрососедские отношения, по примеру семи новозаветных Церквей Азии или богомильских Церквей. Так сделали Церкви Тулузэ, Альбижуа, Каркассе, Аженуа и Разес.

Несмотря на свои децентрализованные структуры, еретики знали, что они принадлежат к единой общине, и что все они являются братьями в христианском мире; апостолы Льежа и Кёльна еще в 1150 году с гордостью заявляли, что они распространены по всей земле до самой Греции; и именно из Греции приехал с пастырским визитом на Запад отец Никита, навестивший вначале общины в Италии, а затем в Окситании; мы также видим очевидные связи между Церквями Севера и Юга. Прежде всего, доказательством этого является появление Робера д'Эпернона в Лаурагэ; но были также и другие визиты: например, на переломе XII и XIII веков, когда обострились репрессии в Бургундии, не щадившие ни знать, ни клириков, обратившийся в ересь каноник кафедрального собора в Невере, чтобы избежать костра, бежал к своим братьям в катарскую Церковь Каркассе, в счастливую Окситанию.

От рейнских апостолов до пиренейца Пейре Отье, от Тосканы до Шампани, от берегов Босфора до Фландрии и Тулузской Гаскони, в течение двух столетий катаризм был общеевропейским феноменом. Мы можем сказать, что история катаризма является конфронтацией в мире переоценки ценностей – между Грегорианской реформой и рождением централизованных монархий – двух религиозных концепций, двух Церквей. Но, в отличие от Церкви "которая владеет и сдирает шкуру", Церковь, "которая бежит и прощает" не была одной

структурой. Она состояла из многих поместных Церквей, автономных между собой и различных по историческим обстоятельствам, в которых им приходилось жить. Церкви Окситании известны нам лучше других: здесь ересь жила и развивалась в привелегированном положении; но и с приходом репрессий, породивших известные нам документы, она все равно была исключительно активной – вот почему на этих страницах мы преимущественно будем говорить об окситанском катаризме.

Но эти двенадцать или тринадцать латинских катарских Церквей, пять или семь греческих Церквей, несколько боснийских Церквей, в мерцающем свете их особенной судьбы, были связаны между собою намного более сильными связями, которые никогда бы не могла обеспечить стоящая над ними централизованная структура по типу Римского Понтификата: я говорю о единстве их веры и ритуала; их вера была основана на епископской иерархии, непосредственно связанной с апостолами Христа и представлявшей истинную христианскую Церковь; их религиозная практика несла в себе множество архаики, отражавшей связь с ранней Церковью; а их сложная и фундаментальная литургия крещения возложением рук была дыханием Святого Духа-Утешителя. *Consolament*.

2. Путь праведности и истины

"Огромное количество мужчин и женщин..."

Такой фразой какой-то неизвестный еретический клерк, составивший хартию Никвинты, написал об Ассамблее, прошедшей "в *castrum* Сан-Фелис, где огромное количество мужчин и женщин Церкви Тулузской и других соседних Церквей собрались, чтобы получить *consolament...*"; до того, как он перечислил названия этих различных Церквей. И мы словно пытаемся сами слиться с этим "огромным количеством мужчин и женщин", немного зачарованные этой грандиозной толпой и удивительной, характерной для нее смешанностью полов. Можно ли представить себе, что в Средневековье, так сказать, в публичном месте, а не в монастыре или в аббатстве, происходило бы великое собрание клириков, священников и монахов, католических и римских, где смешалось бы множество ряс, клобуков, епитрахилей, митр, плащей, вуалей и чепцов? Или просто представить себе, как на соборе, например, Латеранском, вместе с кардиналами и прелатами, заседали бы аббатисы и монахини...

Эти мужчины и женщины катарских Церквей, возможно, прибывшие издалека, чтобы присоединиться к толпе в Сан-Фелис, выбрать своих епископов и воспользоваться присутствием высокого гостя из Константинополя, чтобы в тот майский день 1167 года получить повторное крещение, на самом деле, были посвященными монахами и монахинями, а не простыми верными, привлеченными известным проповедником. Начиная с эпохи Тысячелетия, обличители ереси дают нам понять, что многочисленные диссидентские общины были смешанными, и там присутствовали клирики, монахи, миряне и женщины, простые женщины. Эвервин в 1143 году отмечает присутствие женщин в общинах апостолов - "вдов, дев и их (экс) жен" – которые были не просто послушницами, но достигали более высокого ранга, избранных или христианок, и которые тоже имели право уделять крещение путем возложения рук. Циничные и насмешливые хронисты пишут о том, как в Шампани казнили на кострах безобразных старух и отказывавшим прелатам в близости юных девушек. В Сан-Фелис мы попадаем во внутренний мир общества катаров, и участие женщин в ереси там подтверждается с большой силой: упоминание об "огромном количестве мужчин и женщин" говорит нам о том, что еретические Церкви, допуская в таком количестве женщин в свою среду, без всякой монастырской закрытости, не соответствовали стандартам, принятым в Римской Церкви.

В катарских домах

Этих мужчин и женщин, братьев и сестер в ереси, которых мы теперь можем назвать Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами, было очень много в Окситании под конец XII - первые годы XIII столетия.²¹ Скорее всего,

²¹. О социологии окситанского катаризма и его практиках: A. Brenon, *Les femmes cathares*, Perrin-Tempus, 2005 : Gwendoline Hancke, *Femmes en Languedoc et L'hérésie en héritage*, La Louve éd. 2006.

они носили монашеские одежды, простые черные одежды, если верить хронисту Пьеру де Во-Серней. С того времени их повседневная жизнь открыта для нас благодаря многочисленным и обширным документальным источникам - хроникам крестового похода против альбигойцев и, особенно, реестрам Южной Инквизиции. Можно сказать, что инквизиторы достаточно часто употребляют выражение "облеченный еретик", для того, чтобы отличить катарских монахов от простых верных.

По свидетельствам населения Юга, допрашиваемого инквизиторами в середине XIII века, и иногда вспоминая жизнь своей бургады тридцать или сорок лет назад, те времена, когда война и репрессии еще не разрушили их мир, "множество мужчин и женщин" катарских Церквей Тулузы, Альбижуа или Каркассе ходило по улицам и жило в своих общинных домах. "В те времена", вспоминали горожане, домохозяйки, ремесленники, крестьяне, рыцари, "еретики открыто жили в деревне; они открыто держали свои дома..." Этот феномен отмечен в Лаурагэ, в Кабардес, в Миневруа, на склонах Монтань Нуар, на зеленых холмах и суровых высокогорьях графства Фуа, в земле д'Ольме, в Альбижуа до самого Кверси, в Аженуа и других местах, и даже по другую сторону Пиренеев, до самой Каталонии.

Эти "катарские дома" были повсюду в городах и деревнях. Когда подозреваемые называют цифры, то эти цифры ошеломляют: пятьдесят еретических домов в Мирпуа, семьдесят, а то и сто в Виллемур. В этих домах, каждый Добрый Мужчина "и его еретические товарищи", каждая Добрая Женщина "и ее еретические подруги", жили на виду у всего населения, в общинах, молились, работали и следовали своим правилам и постам. Без сомнения, это были монашеские общинные дома, ячейки, основа катарских Церквей. Эти общины, судя по своему количеству и расположению в густонаселенных пунктах, были явно малочисленными и не шли ни в какое сравнение с огромными бенедиктинскими или цистерцианскими монастырями, раскинувшимися по всей сельской местности Западной Европы. Пользуясь случаем, хотелось бы прямо здесь покончить с цепкой легендой, что Добрые Мужчины и Добрые Женщины были склонны к тому, чтобы изолироваться от мира и медитировать в своих "головокружительных цитаделях". Наоборот, они предпочитали селиться в самом центре бургад, живя в гуще христианского народа.

И еще одно наблюдение: по-видимому, катаризм, по крайней мере, в Окситании, не был по преимуществу городским феноменом. Намного чаще, чем в больших епископских городах - Тулузе, Альби, Каркассоне, Нарбонне - он гнездится и укореняется во владениях сельской аристократии, сеньориях графских вассалов, то есть, в динамичном и пестром обществе *castra*. *Castrum* - это вид укрепленного поселения, характерного для сельской местности Юга между XI и XIII веками; эти растущие бургады были построены на возвышенностях, окружены стенами, обвиваясь вокруг старой феодальной башни, а иногда церкви. Разные общественные классы мирно сосуществовали там - аристократическая каста, обедневшая и раздробившаяся на многочисленных совладельцев; лавочники, кузнецы, нотариусы, менялы и купцы, иногда устраивавшие мирные буржуазные и консульские революции; относительно богатые крестьяне, которых иногда нельзя было отличить от ремесленников.

Таков был контекст, в котором расцвел окситанский катаризм, где на улицах тут и там открывались дома Добрых Мужчин и Добрых Женщин, где на площадях их часто встречали и приветствовали.

Они не были чужаками в деревне; очень часто это местные уроженцы или жители соседней деревни. Почти всегда знатная семья сеньора сама подавала пример, вступая в религиозную жизнь, особенно дамы: благочестивые родственники любили навещать свою бабушку-Добрую Женщину "и ее еретических подруг" в их доме; сеньоры и рыцари преданно участвовали в общих религиозных церемониях. Неужели горожане и крестьяне могли остаться в стороне от этого? *Castrum* был удивительным примером фортифицированного поселения средиземноморского феодализма, где три сословия общества, жестко сегрегированные в других местах - те, кто воюет, те, кто молится, и те, кто работает - жили на одном и том же узком пространстве, постоянно встречаясь. Рыцарская каста жила очень близко к населению, а их монахи жили среди них же. Всякое слово, всякий образец и выбор христианской жизни распространялись в этом обществе с быстротой ветра. Внутри стен *castrum* никто никогда не говорил ни о ереси, ни о еретиках - все здесь были христиане. Очень часто сам приходской священник дружил с Добрыми Людьюми. Вовлечение в их среду аристократической касты было дополнительным свидетельством их респектабельности. Наличие Добрых Женщин было причиной укоренения религиозности катаров в самом сердце общества. В абсолютно нормальном средневековом контексте катарский дом был завершенным видом монастыря в миру.

На протяжении нескольких десятилетий мы можем наблюдать, как во многих окситанских сеньориях под сюзеренитетом Тулузы, Альби, Каркассона и Фуа, без всяких препятствий процветала христианская религия, в других местах объявляемая еретической, а здесь избавленная от всяких репрессий. Даже великие князья не выказывали особого рвения в ее преследовании; в 1177 г. граф Раймонд V Тулузский, искренне враждебный к ереси, мог лишь написать капитулу Сито, что он не в состоянии побороть ее, потому что ересь поддерживают все его вассалы. Его сын Раймонд VI (1198-1221) вообще выявлял крайнюю небрежность в этом вопросе. Династия Тренкавелей, виконтов Альби, Каркассона, Безье и Лиму, долгое время оказывала ереси еще большее содействие. И, наконец, графы де Фуа пошли еще дальше, непосредственно вовлекаясь в катарскую Церковь: на переломе XII - XIII веков графини и дочери семейства де Фуа сами становились Добрыми Женщинами. Так было даже с Южными прелатами, которые, исходя из тех же знатных родов, предпочитали элегантно не обращать внимания на ересь, против которой неустанно метали громы и молнии папы и цистерцианские легаты. Могущественные и влиятельные семьи отдавали своих вдов и сыновей в обе Церкви. Самый младший сын Доброй Женщины Гарсенды дю Ма был приором в католическом монастыре. Бернат Раймонд де Рокфор, римокатолический епископ Каркассона до 1205 г., был, скорее всего, добрым католиком, но ему совсем не мешало то, что его мать, один из его братьев и две его сестры были Добрыми Людьюми. В течение целого, если не больше, поколения, соотношение сил в окситанских сеньориях было в пользу катарских Церквей, и это исключало любые преследования.

Это «множество мужчин и женщин» мирно следовало своим ритуалам и публично практиковало свой культ в общинных домах в самом сердце Южных *castra*, представляя собой одновременно монашеский орден, проповедующий и служащий примером в глазах христианского народа, и настоящей Церковью, обеспечивающей спасение душ. Добрые Мужчины и Добрые Женщины были монахами и монахинями, живущими в общинах; но в их общинных домах не было никакой закрытости, а их Церкви, руководимые иерархией епископов и диаконов, исполняли также священническую функцию проповеди Евангелия и сакрального служения. Скорее дополняя, чем конкурируя на местном уровне с приходскими священниками Римской Церкви, они обращались к тем же верным, часто имея общую паству с этими священниками. Но в христианском народе бургад, в семьях особо преданных катарской Церкви, из среды которых выходили новые Добрые Мужчины и Добрые Женщины, стал формироваться более узкий круг верных, которых называли *верующими* - термин "верующий еретиков" вскоре будет означать в словаре Инквизиции преступление особого рода.

В первые годы XIII столетия, во времена так называемого "катарского мира", перед вторжением крестоносцев и репрессиями, Аймери де Монреаль-Рокфор, могущественный сеньор, практически независимый от тулузского или каркассонского вассалитета, регулярно навещал вместе со своим рыцарством свою мать Бланшу де Лаурак и сестру Мабиллию, Добрых Женщин, в их общинном доме в Кастельнодари. Все они трижды кланялись монахиням, прося их благословения и благословения Божьего; все считали за честь для себя разделить трапезу с их общиной, но сидя за отдельным столом, принять и съесть хлеб, благословленный ими, в память о Тайной Вечере Иисуса Христа, а затем выслушать их благочестивые призывы к Добру. Обычное христианство в его обыденной жизни и близости к людям.

L'orden dels ereges. Орден еретиков.

"E ela, de la tristesa e de la dolor gran qu'ela ac de la novèla, si s'en anet ades e si se rendet en l'orden dels ereges..."

Сделаться Доброй Женщиной, как и уйти в монастырь, можно было и от любовной тоски: так, дама Пенне д'Альбижуа, услышав, что ее куртуазный любовник, виконт Раймонд Жордан де Сен-Антонин, погиб в сражении, "от печали и великой скорби, охватившей ее, когда она услышала эту новость, тут же пошла и отдалась ордену еретиков..."²²

Чрезвычайная ценность этого текста состоит в том, что он не является историческим. Это вовсе не строка из одной из многочисленных хроник, написанных с целью продемонстрировать безмерную опасность распространения ереси в Окситании в преддверии крестовых походов; это литературный текст, одна из *Vidas*, "жизнеописаний" трубадуров, маленьких поэтизированных биографий, помещавшихся, как правило, перед *Cansos*, лирической поэзией. То, о чем пишет анонимный автор, очень естественно для этого мира и моды того

²². *Vidas des troubadours*. Ed. Boutière et Schütz, Nizet, 196, p. 161.

времени, когда оплакивать возлюбленного шли, вступая в религиозную жизнь: только упоминаемая дама пошла не к цистерианкам или фонтенвристкам, а к Добрым Женщинам в "орден еретиков". Употребление этого термина не оставляет места для двузначного толкования: общины катаров и их дома воспринимались как настоящий религиозный орден. Именно это мы находим и в архивах Инквизиции.

Среди Добрых Женщин мы встречаем и других несчастных возлюбленных, но также и совсем юных женщин, не выдержавших супружеского ярма, как Дока Фауре, из Вилленев ля Комталь; женщин, несчастливых в браке, ищущих убежища в религиозном доме своей свекрови, тоже Доброй Женщины, как Флор де Бельпеш; дочерей-бесприданниц, приведенных туда своими безденежными, но благочестивыми семьями, как Арнода и Пейрона де Ламот; вдов, желающих закончить свои дни, наставляя других, как Эсклармонда де Иль Жордан или Бланша де Лаурак; но прежде всего, это были мужчины и женщины всякого возраста и из разных сословий с действительным призванием к духовным поискам, желающие приблизиться к Богу, ведя святую и религиозную жизнь - как в любом монашеском ордене.

Мужские или женские, катарские дома в бургадах были, таким образом, небольшими общинами "ордена еретиков". Неофиты должны были прежде пройти послушничество. Этот испытательный период был достаточно долгим - в целом он длился "три поста", то есть, по крайней мере год, иногда дольше. И молодые, и более старшие люди учились следовать правилам воздержания своего ордена, а также обучались теологии и просвещению Евангелием, чтобы быть допущенными к произнесению обетов. В начале происходил обряд принятия в послушники - когда неофиты получали монашескую одежду и возможность произносить молитву христиан, *Pater*; потом, пройдя обучение в аскезе и просвещение своего ордена, они принимали *consolament* и вступали в религиозную жизнь.

"Он/она отдались Богу и Евангелию"... Такова формула, которую приводят дающие показания перед инквизитором. Типичная формула, но хотелось бы здесь уточнить, что именно она означает. Добрые Мужчины и Добрые Женщины становились отныне монахами и монахинями, которые должны были вести жизнь, посвященную Богу и Евангелию. Во время своего посвящения они произносили обеты по примеру монашеских: бедности, целомудрия, послушания, общинной жизни, ритуальных молитв. Те, кто был женат, освобождались своими супругами от всех супружеских обетов. Они должны были жить по правилам - правилам Евангелия, как уточняют тексты - то есть, по заповедям Христовым. Вот как это формулируют Ритуалы:

Нужно еще, чтобы ты дал Богу обет, что никогда не совершишь ни убийства, ни телесного греха, ни воровства, ни открыто, ни тайно, что никогда добровольно не осудишь никого и ни в каком случае ни на жизнь, ни на смерть... (Латинский Ритуал)²³

²³. *Ecritures...* 256.

Обязательство вести общинную жизнь отмечено практикой наличия как минимум одного ритуального компаньона - *sòci* и *socia*. Молитвы произносились хором, днем и ночью; это были настоящие монашеские часы с коленопреклонениями и земными поклонами до пола - таково демонстративное средневековое благочестие. Трапезы совершались сообща, сопровождаемые *benedicite* и тройными *adoremus*. Вот свидетельство Доброй Женщины Арноды де Ламот, которая проходила послушничество в очень юном возрасте около 1208 г., незадолго до того, как крестоносцы вторглись в страну. Конечно, здесь нужен некоторый перевод с деревянного инквизиторского языка: вместо слова «еретичка» следует понимать «Добрая Женщина»...

В доме еретички Понсы и ее еретических подруг, который они открыто держали в Виллемуре, свидетельница (Арнода) и ее сестра Пейрона жили с этими еретичками и держали с ними последовательно три поста (...); и там они ели с означенными еретичками за их столом, хлеб, благословленный ими, находился на столе, и при каждой перемене блюд, и при каждом новом глотке напитка, каждая говорила: 'благословите', а еретички им отвечали всякий раз: пусть Бог благословит вас..." (Показания Арноды де Ламот, 1244)²⁴

По своей природе аскеза ордена не отличалась от общей для всех христианских орденов, просто была особенно ригористической. Катарские монахи держали три Поста на протяжении года, согласно архаической христианской традиции; в прочее время один день из двух они проводили на хлебе и воде, а в остальные дни воздерживались от мяса и всех продуктов животного происхождения:

Ты должен еще дать Богу обет, что никогда, умышленно и добровольно, не будешь употреблять в пищу ни сыра, ни молока, ни яиц, ни мяса птицы, рептилий и животных, запрещенного в Церкви Божьей... (Латинский Ритуал, *id.*)

Как все преданные Богу христиане, неопиты у катаров должны были произносить обет свидетельствовать о своей вере, и даже, если нужно, пойти на мученичество - они были "гонимыми за правду":

"Также придется тебе ради праведности Христовой сносить голод, жажду, оскорбления, преследования, и смерть; и ты вынесешь все это ради любви к Богу и своего спасения." (Латинский Ритуал, *id.*)

И, наконец, они должны были соблюдать дисциплину своего ордена:

"Следует также, чтобы ты дал обет послушания Богу и Церкви, чтобы всеми силами ты старался следовать воле Божьей и Его Церкви, и что ты никогда не оставишь этого дара, который Бог в благодати Своей дал тебе, что бы ни случилось и не грозило тебе в будущем..." (*id.*)

²⁴. Перевод А. Brenon, *Choix hérétique...* 59-60.

Этот религиозный авторитет был представлен в общинных домах Старшим, возглавлявшим Добрых Мужчин, и приориссой, возглавлявшей Добрых Женщин. Старший или приорисса - как Понса в Виллемуре - наблюдает за обучением неофитов, и в день их вступления в религиозную жизнь сопровождает их на церемонию *consolament*. Каждый месяц диакон их Церкви посещает общины, проводя *servisi* или *aparelhament*, что-то вроде монашеской исповеди или коллективного покаяния, описание которого до нас дошло.

Добрые Мужчины и Добрые Женщины представляли собой активный монашеский орден, живущий на виду у всех в самом сердце бургад. Можно сказать, монашеский клир в непосредственной близости к людям за доброе поколение до того, что потом будет называться практикой нищенствующих орденов, доминиканцев и францисканцев: монастырь в городе. К тому же, эти еретики практиковали монастырь в деревне, причем в намного большей открытости, чем их римо-католические коллеги. В своих домах в *castra*, где не было никакого затвора, даже для женщин, катарские монахи и монахини зарабатывали на жизнь своими руками, желая работать, как апостолы, "которые знали ремесла". Их общинные дома часто были организованы как небольшие мастерские, где работали с шерстью, льном, деревом, рогом, металлом; стучась в двери Добрых Мужчин ткачей, дети приносили им мотки пряжи; а Добрым Женщинам, неустанно прядущим за своими прялками, приносили шерсть. Можно было видеть, как компания Добрых Мужчин, вместе подрезающих виноградники, прерывает свою работу в определенные часы, чтобы встать на колени между двух лоз и произнести ритуальные молитвы. Эта неустанная активность стала частью местной экономической жизни, еще более сплетая катарских монахов с их обществом.

Добрые Женщины, еще чаще, чем их братья, принимали в религиозных домах своих близких и родственников, детей и внуков - угощая их лакомствами, орехами, яблоками, медом. Часто они воспитывали там младших дочерей или внучек, а некоторые бывшие знатные дамы и одного или двух внуков; иные катарские дома, в основном мужские - может быть, дома диаконов или епископов? - кажется, исполняли функции семинарий и школ, уделяя послушникам, а возможно, и местным детям, образование разных уровней. И, наконец, принимая бедных, больных и бездомных, эти общинные дома начали играть в средневековых бургадах новаторскую для того времени роль хосписов.

Добрые Мужчины и Добрые Женщины часто покидали свои религиозные дома: они тоже наносили визиты в самом *castrum* или за его пределами своей семье или друзьям. И там, для своих верующих, за общим столом, Добрая Женщина и ее подруга благословляли хлеб. Это присутствие катарских монахов в интимных глубинах общества было одной из сильнейших черт их Церкви и позволило им достичь фундаментального успеха. Надо сказать, что иногда разница между семейным домом и катарским домом была довольно размытой. Верующие, дающие показания перед Инквизицией, сообщают нам удивительные истории о том, как целые семьи, состоящие из отца, матери, сыновей и дочерей, вступали в катарский орден. Обычно мужчины уходили вместе в мужской религиозный дом, а женщины - в женский; однако, встречались и смешанные дома, когда мать семейства, Добрая Женщина со своей ритуальной компаньонкой, жила под крышей своего экс-мужа. Намного чаще встречались

случаи, когда несколько женщин из одной семьи формировали религиозную общину - мать и дочь, бабушка и внучка, тетя и племянницы, свекровь и невестка, сестры - все они, Добрые Женщины составляли некую "семейную общность". Есть многочисленные свидетельства о подобных религиозных общинах, где сестер, как по крови, так и по вере, называли общим именем: Перье, как называли четырех дочерей Перье из Тулузы; Ругьеры, как называли трех дочерей Ругье из Виллепинте, Диас, Пейрону и Гильельму; и даже Бруны, как называли дочерей Бру из Ма Сен Пуэль... Добрые Женщины, жившие вместе в одной общине.

Коснемся здесь еще другой существенной характеристики монашеского катарского клира: в то время, как среди католических монахов и монахинь большинство составляли посвященные девственники и девственницы, в ордене еретиков было очень много кающихся довольно зрелого возраста – вдовцов, вдов или пар, вырастивших многочисленных детей и теперь подумывавших о спасении своей души. Девочки, выращенные в катарском доме матерью или тетей, далеко не все принимали обеты: многие из них, достигнув совершеннолетия, возвращались в мир, чтобы выйти замуж - и создать семью доброй верующей, а потом, лет через тридцать, когда жизнь уже станет клониться к закату, сделаться Доброй Женщиной. Возможно, так было и в случае с совсем молодыми Добрыми Женщинами, крещенными слишком рано, под влиянием какой-нибудь особо набожной матери. Они могли оставить свои обеты, чтобы выйти замуж за прекрасного рыцаря - как Азалаис де Перейль, дочь Форнейры, дамы Монсегюра. Крещенная без настоящего призвания, в общинном доме своей матери, в Лавеланет, в первые годы XIII века, молодая монахиня очень быстро, во времена крестового похода против альбигойцев, стала женой Альзю, сеньора Массабрак.

Человек, принимавший обеты катаров, вовсе не обрывал все связи ни с обществом, ни со своими близкими. Множество семей верующих *castra*, "сфотографированных" Инквизицией в середине XIII века, насчитывали многочисленных катарских монахов и монахинь – которые в их свидетельствах продолжали присутствовать, быть видимыми: они не укрывались за стенами далеких монастырей от мира, как это делали их католические коллеги. Добрые Мужчины и Добрые Женщины оставались действующими членами семьи: более того, семейные связи только крепили внутри самих общин. Крепость этих связей была впечатляющей, особенно во времена преследований. *L'orden dels eretges* – это особенный религиозный орден, христианство наибольшей близости, можно сказать интимности, которое делало пример апостольской жизни видимым для всех и укореняло Церковь в сердцах людей; в них оно основывало базовую, вездесущую структуру истинной христианской Церкви, распространяющей Евангелие и спасение.

***Ordenament de sancta Gleisa.* Орден святой Церкви.**

Nos em venguts denant vos, e denant Deu, e denant l'ordenament de santa Gleisa... Предстали мы перед вами, и перед Господом, и перед орденом святой Церкви, чтобы покаяться и получить прощение всех грехов наших... (Лионский Ритуал на окситан) ²⁵

Такими словами начинается обряд *aparelhament*, или "служба", описание которого предшествует *consolament* в Лионском Ритуале катаров. Еще больше, чем *orden*, труднопереводимое окситанское слово *ordenament* - "установление" – означает существование определенной структуры. В катарских книгах оно отвечает и соотносится со словом *ordenat*, посвященный, означающее того, кто уделяет таинство, смылающее грехи. Религиозная практика катаров, регулярно и подробно задокументированная протоколами Инквизиции, свидетельствует о том, что этот "посвященный" всегда или епископ или диакон, и подтверждает, что упоминание об "ордене святой Церкви" отвечает системе епископальной иерархии, на которой были основаны катарские Церкви.

Общины Добрых Мужчин и Добрых Женщин, христиан и христианок, основа Церкви, были общинами посвященных монахов и монахинь, эквивалентом монашеского чина; но орден святой Церкви исполнял и собственно священническую религиозную функцию – пастырскую роль. Нужно перестать рассматривать катарские Церкви по меркам религиозных структур Церкви Римской и расшифровывать ересь, глядя через римо-католические очки. Нет сомнений, что в катарской Церкви было намного больше живых связей с традициями греческой Церкви, где различие между священническим и монашеским чинами было не столь четким.

Епископ был Добрым Мужчиной, вышедшим из недр общин и избранным ею, а потом посвященным епископом-предшественником, который передавал ему власть ордена – прямую линию апостольской преемственности. В продолжение всего своего апостольского служения, он возлагал руки на других, посвящая неопитов и создавая новых христиан и христианок, Добрых Мужчин и Добрых Женщин. У него было также два коадьютора, Старший Сын и Младший Сын, уже имевших епископское посвящение из его рук: после его смерти, Старший Сын мог стать непосредственно его преемником, что позволяло избегать опасности разрыва апостольской преемственности в случае внезапной смерти действующего епископа; тогда Младший Сын становился Стиаршим Сыном; нового Младшего Сына избирали, и он получал посвящение из рук нового епископа. Часто, в особо торжественных случаях, или для того, чтобы крепче укоренить линию апостольского наследия ордена, епископ повторно крестил и посвящал одновременно целое собрание своей Церкви. И даже соседних Церквей. Именно это сделал Никита в Сан Фелис Лаурагэ в 1167 году; и еще раз это сделал в 1232 году, в Монсегюре, катарский епископ Тулузской Церкви Гвиберт де Кастр. Великий иерарх, продемонстрировав всю полноту своей религиозной власти, посвятил, в том числе и повторно, всех иерархов Церквей Тулузэ и Аженуа, собравшихся вокруг него.

²⁵. *Ecritures...* 225.

Item, я видел, как епископ Гвиберт де Кастр совершал посвящение в Монсегюре. Он посвятил Теутона как епископа еретиков Аженуа, Вигоро де ля Боконь как Старшего Сына еретиков Аженуа, Жоана Камбиайра как Старшего Сына еретиков Тулузэ, и других еретиков. Во время этого посвящения присутствовал я сам, От Арнот де Шатоверден, Раймонд де Рокевилль, Эстоль де Рокевилль, мой бальи Бернат Марти и другие, которых я не помню. И там, все мы, как я, так и другие, поклонились этим еретикам. (Показания Раймонда де Перейль, 1244) ²⁶

Когда Церкви были установлены, территориально разделены и жили в мире, назначались диаконы - общинами? "советом Церкви"? – и посвящались епископом для представительства ордена святой Церкви в религиозных домах. Архивы Инквизиции содержат имена более пятидесяти таких катарских диаконов на первую половину XIII века; лучше всего известны диаконы Тулузской Церкви. Их юрисдикция была географической. Каждому диакону была доверена духовная жизнь общин какой-нибудь бургады или одного микро-региона: один диакон был в Сан Фелис, другой в Карамане; один в Мирпуа, один в Дюн, а еще один в земле д'Ольме, и т.д. Диаконы регулярно посещали религиозные дома, находящиеся на их территории, проводя *aparelhament* для общин. Епископ мог делегировать ему право повторно крестить монаха, согрешившего против дисциплины ордена: в первые годы XIV века, Добрый Человек Пейре Отье, Старший последней окситанской общины, травимой Инквизицией, посылал в Италию своих падших товарищей, чтобы их там крестил последний диакон, представлявший собой окситанскую Церковь. О миссии этого диакона точно свидетельствует пастух Пейре Маури, великий верующий:

"У них существует диакон (...). Он имеет право разрешать сомнительные вопросы, возникающие между ними. Он может также совершить повторную еретикацию облеченных еретиков, которые пали из своего состояния. Другие должны его слушаться." (Показания Пейре Маури, 1324)

²⁷

Если диакон не обходил общины, то жил в религиозном доме вместе со своими "еретическими товарищами". Но не стоит воображать, что катарские епископы торжественно восседали, в окружении коадьюторов и епископского двора, в кафедральном городе: епископы, Старшие и Младшие Сыновья жили каждый в своем общинном доме, в различных *castra* и бургадах, откуда не выходили без сопровождения *sòci*. Мы знаем, что епископ Каркассе жил сначала в *castrum* Арагон, а потом в Кабарет; епископ Альбигуа в Ломбере, а потом в Отпуль; Тулузский епископ долго жил в Сен Поль Кап де Жу, Лаворе и Пьюлоране; Гвиберт де Кастр провел в Фанжу самые блестящие годы своей карьеры Старшего Сына Тулузской Церкви, во времена расцвета катаризма. Став епископом во время крестового похода, он вначале вынужден был постоянно скрываться и перемещаться с места на место, пока в 1232 году, не был установлен "престол и средоточие его Церкви" в ненадежном убежище Монсегюр. Но *castrum*, где жили в общине - Фанжу, Мирпуа или Монсегюр - диакон или

²⁶. Перевод Жана Дювернуа, *Dossier...* 106-107.

²⁷. JF 1013.

епископ в своем религиозном доме, несомненно являлся центром местной религиозной жизни. В дом диакона или епископа Старший Добрых Мужчин или приорисса Добрых Женщин приводили неофитов для коллективного и публичного крещения; в тех же домах по воскресеньям или религиозным праздникам собиралась толпа верующих, чтобы послушать торжественную проповедь епископа.

- Пастырская миссия.

Как во времена «золотого века» катаров, так и во времена репрессий, пока не был еще разрушен орден святой Церкви, только епископы, Сыновья и диаконы совершали обряды и проповедовали. Эти регулярные проповеди отвечали религиозному календарю литургических событий²⁸, о котором мы знаем только то, что он существовал; что епископы проповедовали на Рождество, Пасху и Пятидесятницу; проповедовали о Страстях; проповедовали каждое воскресенье. О содержании этих проповедей мы почти ничего не знаем - случайно, украдкой, сохранилась евангельская тема великой проповеди на Рождество 1227 года епископа Каркассе Жирота Абита в осажденном королевскими крестоносцами *castrum* Кабарет: *Gloria in excelsis Deo...* Хор ангелов на Рождество.

Простым Добрым Мужчинам и Добрым Женщинам, во время их встреч с верующими, доставались обычный катехизис и обучение примером собственной жизни, частные разговоры на благочестивые темы. По правилам, все монахи имели миссию проповедовать Евангелие: доказательством этому служит то, что во времена преследований, раздавивших и уничтоживших структуры перешедшей в подполье Церкви, именно они должны были исполнять служение спасения душ. Тогда, бывало, в одиночестве, в каком-нибудь тайном убежище, в надежно запертой комнате, в овине или пастушеском летнике, Добрый Человек читал из книги Нового Завета, переведенного на окситан, чтобы каждый мог понять, а его товарищ, подолгу комментировал цитируемую фразу из Писаний. Именно этот период подполья отвечает образу Эпиналя, изобразившего Добрых Людей как неустанных бродячих проповедников. Во времена же катарского мира, только епископы и катарская иерархия проповедовали регулярно и публично, с кафедр. Но Добрые Женщины, кажется, уже тогда создали для своей Церкви основы исцеления душ верующих женщин, проповедуя как в своих общинах, так и у очага верных для местных женщин, будучи прообразом и зародышем фемининной Церкви, развитие которой оборвали репрессии²⁹...

Но орден святой Церкви, то есть епископская иерархия, была исключительно мужской, и во времена катарского мира, как правило, уделение таинств было зарезервировано за ней. Перед крестовым походом и подпольем, ни в одной окситанской Церкви, и ни в одном диаконстве, нет ни одного упоминания о том, чтобы Добрая Женщина – или даже простой Добрый Мужчина – уделяли

²⁸. A. Brenon, "Le sermon des hérétiques. Modes et pratiques de la prédication cathare..." " *Choix hérétique...* 175-185.

²⁹. О роли женщин в катарской Церкви, A. Brenon, *Les femmes cathares cit*, и Gwendoline Hancke, *Femmes en Languedoc, cit*.

таинство спасения душ. Только епископы, Сыновья и диаконы уделяли *consolament*, хотя следует заметить, что это был коллективный обряд, где *ordenat* играл, конечно, главную роль, но ему помогали и ассистировали присутствующие христиане (и христианки?).

- Таинство Спасения

Церемония эта – длинная и публичная, состоящая из проповедей, молитв и ритуальных вопросов/ответов; суровая и впечатляющая в своей обнаженной литургической красоте: стол, свечи, чаша для омовения рук; ни дорогих икон, ни золотых литургических украшений. Три Ритуала, в которых сохранилось описание церемонии *consolament*, дополненные свидетельствами из полемических и инквизиторских источников, позволяют нам полностью реконструировать ее. Они отмечают первую литургию, когда осуществлялось первое возложение рук, передающее неопиту молитву *Pater* и религиозное одеяние; через несколько часов, дней или недель, послушник получал собственно *consolament*, крещение вступления в посвященную христианскую жизнь, через возложение рук иерарха и присутствующих Добрых Людей. Уже рейнские апостолы XII века практиковали эту двойную церемонию, вначале производя своих "слушателей" в ранг "верующих", а затем посвящая этих "верующих" и делая их "христианами" или "избранными"; обрывки сохранившихся Ритуалов греческих богомилов отражают тот же процесс. Но в Окситании XIII века в архивах Инквизиции упоминается только единая церемония – хотя свидетельства перед Инквизицией не вдаются в особые детали; по-видимому, репрессии привели еретиков к упрощению литургии.

Для епископа, который проводил церемонию, для Добрых Людей, которые помогали ему, для коленопреклоненных послушников, для присутствующих верующих, происходящее таинство было святым крещением Иисуса Христа. Вот как проповедовал иерарх:

"Пейре, желаете ли Вы принять духовное крещение, посредством коего в Церкви Божьей передается Святой Дух вместе со святой молитвой, посредством возложения рук Добрых Людей. Об этом крещении Господь Наш, Иисус Христос, говорит Своим ученикам в Евангелии от Матфея (Мт. 28, 19-20): 'Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа'...."
(Лионский Ритуал)³⁰

Святая Церковь, Церковь Божья – противостоящая Церкви мира сего, отмечает также, что она – истинная Церковь Христова и апостолов. Эта практика таинства является свидетельством ее аутентичной апостольской преемственности:

"Это святое крещение, которым дается Дух Святой, Церковь Божья сохранила со времен апостолов и до сего дня, и оно передается от одних Добрых Людей другим, и так будет до скончания мира." (*id.*)³¹

³⁰. *Ecritures...* . 231.

Среди основных вех церемонии прежде всего следует упомянуть проповеди иерарха: как для послушника, так и для участвующих членов общины и присутствующих верующих, он объясняет и выявляет глубинный смысл святой молитвы, *Pater*, молитвы христиан, а потом и самого *consolament*. Таким образом, в центр литургии помещено личное вовлечение послушника, готового стать истинным христианином и отныне изменить свою жизнь; и наконец, кульминационный пункт церемонии - чтобы освятить это торжественное вовлечение - иерарх и Добрые Мужчины (и Добрые Женщины?) возлагают правые руки и Книгу Евангелий на голову коленопреклоненного послушника, пока читается Пролог Евангелия от Иоанна. Литургия завершается многократным чтением *Pater* и *Adoremus* и вручением Книги Евангелий новому христианину, после чего Добрые Мужчины обмениваются поцелуем мира между собой, Добрые Женщины между собой, а потом и с собравшимися верующими.

Это уникальное таинство содержит в себе практически все собрание сакраментальных функций христианства, которые в Римской Церкви встречаются в различных отдельных таинствах³². *Consolament* у катаров – это крещение и посвящение, потому что означает вступление в посвященную христианскую жизнь. Оно является также конфирмацией, потому что дополняет крещение водой; оно является фундаментальным покаянием, потому что отпускает грехи – и спасает душу через окончательное отпущение. Вот как выражали это еретические каноники, сожженные в 1022 году: "Мы откроем тебе врата Спасения, и ты войдешь через возложение наших рук, и это смое с тебя всякий грех..." Вот почему этот обряд был эквивалентен соборованию, и он также уделялся, с помощью практически идентичной, хотя немного сокращенной, церемонии, умирающим, и обеспечивал им "хороший конец". Для Добрых Людей это также был брак, единственное таинство брака, которое имело для них ценность, и о котором Писания говорят, что пусть человек не разлучает того, что соединил Господь: духовный брак между душой и Духом Святым, но не телесное соединение мужчины и женщины.

Действительно, публичные церемонии посвящения представляли собой для общества катаров бургад, как и торжественные проповеди еписопов, великие моменты коллективной литургии, спаивающей единство веры. И нет сомнений, что на достижении хорошего конца и спасения душ основывался постоянный успех Церкви Добрых Людей. Рвение, которое верующие выказывали своим монахам, влечение их к религиозным домам – было рвением средневековых христиан, обеспокоенных спасением своей души: Добрые Люди обеспечивали его и *утешали* их. У них были ключи к Спасению Божьему:

"Я верил в то, что они Добрые Мужчины и Добрые Женщины, и они имеют большую власть спасать души..."

Словно лейтмотив, словно бесконечно повторяющееся переживание, возникает это признание в показаниях верующих, допрашиваемых Инквизицией. Даже если это всего лишь формула, разработанная для судейского

³¹. *In ibid.* 232.

³². А. Бренон, "Сакраментальные функции *consolament*", *Archipels...* 129-151.

формуляра, каждый подозреваемый произносил ее лично. Но кто спасал души верующих? Кто приходил к ложу умирающих, призывая на них прощение Божье через возложение рук и Книги? Многочисленные Добрые Люди окситанских *castra*? Во времена катарского золотого века, кажется, что орден святой Церкви, то есть епископская иерархия, сконцентрировала это служение в своих руках, как посвящение, как проповеди, так и в целом священнические функции Церкви. Как правило, епископы и Сыновья крестили послушников, а диаконы утешали умирающих. Часто Добрые Люди, вызванные семьей, приходили в дом больного, потом переносили его в один из своих религиозных домов, где заботились о его душе и о теле, где его утешал диакон, а потом Добрые Мужчины или Добрые Женщины оставались с ним до самой смерти – и до его Спасения. Так, в один печальный день 1208 года, очень юную даму Альпей дю Конгост, сестру Раймонда де Перейля, которая тяжело заболела в своем доме в Пьюверт, Добрый Человек Раймонд Гайрод и его товарищи перенесли в свой религиозный дом на хутор Париж, возле Сен-Коломб сюр Эрс, в Кверкорб; она достигла хорошего конца в кругу своей семьи, мужа, детей и друзей, которые сопровождали ее.

Были ли общинные дома, дома диаконов, чем-то вроде хосписов, как во врачебном, так и религиозном смысле, для больных и умирающих? В любом случае, до периода репрессий уделение хорошего конца было тщательно организовано. Женщины Монтобана, например, наполовину сиделки, наполовину социальные служащие, сделали своей профессией переправлять пациентов на лодках через Тарн в Виллемур, где ими занимались религиозные общины: за ними ухаживали Добрые Женщины, а потом их крестил диакон и его товарищи. Такой счастливый конец в религиозном доме был хорошо воспринимался верующими и был рекомендован Церковью; так можно было обеспечить максимальные гарантии спасения души. Если же больной был нетранспортабельным, то тогда, конечно же, Добрые Люди приходили к нему и утешали его дома, на его ложе, в присутствии безутешной семьи и набожных соседей. На ложе растилали самую чистую белую ткань, в комнате зажигали свечи. Обычно выводили детей, чтобы их шумные рыдания не мешали церемонии, долженствующей быть торжественной. В большинстве известных нам случаев, все же иерарх, как правило, диакон, осуществлял церемонию.

Как обряд, так и основы обоих таинств, *consolament* посвящения послушника или счастливого конца умирающего, были одними и теми же. В обоих случаях в центре церемонии находилось личное вовлечение – если умирающий был в коме или не мог говорить, как например, не достигший разума ребенок, его нельзя было утешить. Чтобы избежать такого драматического исхода, особенно во времена репрессий, появилась практика заключения взаимного соглашения, *convenensa*, между верующим, который просил утешения на ложе смерти, в каком бы состоянии он ни был, и Церковью, которая соглашалась дать ему утешение, даже если он будет без сознания.

Возложение рук Добрых Людей и дар Святого Духа делали из умирающего человека христианина, грехи которого были смыты. Поэтому он не должен был вновь впасть в грех и нарушить свои обеты. Последние часы, которые остались у него в этом мире, он жил как христианин, соблюдая правила и воздержания своего ордена, и остерегаясь всякого греха – чтобы не утратить благодати своего отпущения и не упустить шанс спасти свою душу. Это

соблюдение религиозной катарской аскезы на ложе смерти породило черную легенду об *endura*. Это окситанское слово, буквально означающее отсрочку, следует понимать так, что просто все то время, которое остается для жизни, умирающий/умирающая являются настоящими Добрым Мужчиной или Доброй Женщиной. Потому они должны практиковать ритуальные посты на хлебе и воде, жить в общине, и даже, если это продолжается достаточно долго, проходить монашеское покаяние перед диаконом, то есть *aparelhament*. Вот почему был рекомендован счастливый конец в религиозном доме; вот почему, если умирающий получал утешение у себя дома, один или двое Добрых Мужчин или Добрых Женщин оставались у его ложа, составляя вместе с ним общину до последнего его вздоха – а также приглядывая за тем, чтобы какой-нибудь родственник из лучших побуждений не напоил бы его куриным бульоном вопреки правилам.

Таким образом, в последнем таинстве катаров нет ничего, связанного с самоубийством. Наоборот, бывало так, что суровый режим ордена благоприятно сказывался на здоровье больного, и происходило что-то вроде чудесного излечения. Ритуал уточняет, что в этом случае выздоровевший может выбирать, вернуться ли в мир – и тогда над ним повторно совершат обряд утешения, если он почувствует в этом необходимость; или войти в религиозную общину в качестве послушника, а потом вновь пройти посвящение. Пейре Роже *старший*, главный совладелец Мирпуа, испытал это на себе: впервые он получил утешение около 1202 года от местного диакона. Выздоровев, он решил отпраздновать свое исцеление, и устроил грандиозный банкет для всех Добрых Людей города. Через несколько лет, смертельно раненный, он вновь вызвал диакона Раймонда из Мирпуа и окончательно получил счастливый конец и прощение Божье.

Как мы уже подчеркивали в вопросе о пастырской роли в катаризме, только репрессии привели к тому, что все члены религиозных общин, Добрые Мужчины и Добрые Женщины, базовый клир Церкви, получили полноту религиозной власти. В опасностях подполья, во время ужасов XIII века, все они стали проповедовать Евангелие верующим, крестить послушников и утешать умирающих. Даже в самые последние моменты трагедии катаров, через два поколения после Монсегюра, Добрый Человек Пейре Отье и его товарищи бросились в самую пасть льва, невзирая на западни инквизиторской травли, чтобы исполнить служение спасения душ. Орден святой Церкви, его иерархическая структура, которая к тому времени была полностью разрушена, все же существовали в сердцах и духе этих простых монахов, обеспечивая их божественную миссию посвященного христианина.

Ordenament de sancta Gleisa : катарские Церкви, общины христиан и христианок, объединявшиеся вокруг епископов, по образцу ранних Церквей, явно несли на себе печать этих архаических христианских традиций, когда не было четких границ, разделяющих монашеский и священнический чин. Все крещенные христиане были одновременно и посвященными, монахами. Епископ был одним из них, посвященный прямым наследником апостолов. Религиозное движение катаров является одновременно и прежде всего, орденом и Церковью.

Дорога апостолов

Добрых Мужчин и Добрых Женщин у катаров можно рассматривать как кающихся; их грехи были смыты; отныне им следовало быть безгрешными, согласно слову "Идите и не грешите больше" (Ио. 8, 11), и жить, наследуя апостолов. Они были христианами, вступившими в христианскую жизнь через крещение. Но они были и чем-то большим. Добрыми Христианами, Истинными Христианами, как называли их верные, чтобы отличить их от других христиан, менее добрых, менее истинных, христиан Церкви Римской. А также, чтобы обозначить дистанцию, отделяющую мирянина от монаха. Когда на улице *castrum* или у входа в дом верующий или верующая встречали Добрых Мужчин или Добрых Женщин, то должны были трижды поклониться им, стоя на коленях, прося каждый раз:

"- Добрый(ая) Христианин(ка), прошу благословения Божьего и вашего".

Три раза монахи благословляли верного и призывали на него благословение Божье. На третий раз следовала завершающая просьба:

"- ... и молитесь Богу за меня, чтобы Он соделал меня Добрым(ой) Христианином(кой), и привел меня к счастливому концу."

После третьего благословения верующий поднимался, прикасался лбом к плечу каждого из Добрых Людей, и обменивался с ним тройным поцелуем мира, на старинный манер, в обе щеки, а потом в губы, *caretas*. Между мужчинами и женщинами посредником служила Книга. Эта простая практика, которую катарская Церковь называла *melhorier* – или обряд устремления к лучшему – но которую инквизиторы переводили на свой деревянный язык как "поклонение еретикам", подчеркивала роль катарских монахов как заступников перед Богом за христианский народ, как посредников на пути Спасения.

Но слово "поклонение", рожденное анти-катарской полемикой, не было безосновательным. Это Святого Духа, носителями которого Добрые Люди становились после своего посвящения, так уважительно приветствовали верующие в их лице; и сами Добрые Мужчины и Добрые Женщины аналогично приветствовали друг друга при встрече. В реестре приговоров инквизитора Бернарда Ги находится особенно впечатляющий пример этого: в октябрьский день 1309 года, в мрачные застенки тулузской Инквизиции привели Доброго Человека Амиеля де Перля на очную ставку с Добрым Человеком Пейре Отье, уже два месяца как узником. И там эти двое суровых немолодых человека, на глазах изумленных служителей святой канцелярии, приветствовали друг друга, простершись друг перед другом согласно ритуалу, и обменялись поцелуем мира, торжественно заявив тем самым, что там, где они двое – там Церковь³³.

Катарская Церковь выглядит исключительно обрядовой, до последних дней преследований, и в этой обрядовости выражается также ее простота и суровость, незначительная, но абсолютная дистанция, разделявшая ее монахов и верующих. Клир и мирян. За столом Добрых Людей, куда по-братски

³³. Anne Brenon, *Père Autier*. .. 357-358.

приглашались и верующие, белая салфетка, свечи, коленопреклонения, молитвы и *benedicite*, произносимое при каждом блюде, каждом глотке воды или вина, превращали скромную трапезу в торжественную церемонию. Христиане и христианки вместе каждый раз вспоминали Тайную Вечерю Иисуса Христа. Сохранился ли этот обряд как наследие времен первых христиан? Как и во время *Agapé* ранней Церкви, самый старший из присутствующих за столом монахов, в начале каждой трапезы, держа хлеб левой рукой и перекинув через плечо белую салфетку, протянув правую руку и склонив голову, благословлял хлеб, а потом преломлял его и разделял между всеми трапезующими, не забыв напомнить, что это делается в память Господа, и что этот хлеб есть символ Слова Божьего, распространяемого среди людей. Во времена преследований, когда Добрых Людей сжигали на кострах Инквизиции, верующие, осиротевшие без своих пастырей, в восхитительной преданности хранили кусочки этого благословленного хлеба, словно самые дорогие реликвии.

Так, без разукрашенных кафедральных соборов и золотых риз, в абсолютной наготе своих обрядов, катарская Церковь - "которая имела большую власть спасать души" – давала возможность христианскому народу верующих почувствовать свой сакральный характер. Потому нет смысла, как это иногда сегодня делается, отрицать то, что Добрые Мужчины и Добрые Женщины были монахами и монахинями. Между верующими и Добрыми Людьми всегда существовала эта сияющая дистанция сакрум.

- Евангельские заповеди

Еретики сами были Церковью, Церковью Божьей, и постоянно показывали в этом мире, своей абсолютно апостольской жизнью, что такое Церковь Божья. Апостолы и наследники апостолов, они не имели иных правил, кроме полного следования путем апостолов, который они обозначали как "путь праведности и истины". И наследуя апостолов, эти кающиеся монахи отныне были освобождены от греха, согласно Слову апостола: "Отрезвитесь, как должно, и не грешите больше" (1 Кор. 15,34). Дублинский Ритуал на окситан сохранил модель проповеди для новопосвящаемого, чтобы тот с помощью "свидетельств из Святых Писаний, смог понять и познать, чем есть Церковь Божья". Будучи поздней копией (середина XIV века), эта рукопись, воспроизводящая более ранний текст, представляет для нас такой же интерес, как и Ритуалы XIII века. Мы кратко рассмотрим изложенные в ней одиннадцать пунктов, тщательно и связно описывающие смысл жизни катарских монахов - "путь праведности и истины" апостолов.

"*Aquesta Gleisa...* Эта Церковь не из камня, не из дерева, и ни из чего иного, сделанного руками человеческими. "... (Дублинский Ритуал на окситан) ³⁴

В этой преамбуле используется двойной смысл слова церковь – материальная или духовная религиозная конструкция – чтобы отвергнуть католическую практику освященных зданий. У истинной христианской Церкви нет ни церквей, ни часовен, потому что "Всевышний не в рукотворных храмах живет"

³⁴. Перевод А. Brenon, *Ecritures...*, 274 ss.

(Деян. 7,48). Христиане сами являются единственными настоящими церквями, как в прямом, так и в переносном смысле этого слова: "Потому что Церковь Божья – это сердце человеческое", проповедовал еще в 1320 году Добрый Человек Гийом Белибаст. И Дублинский Ритуал аргументирует, приводя слова Евангелия от Иоанна (Ио. 14, 15-18), что Дух Святой, Утешитель, "Дух истины, Которого мир не может принять", сошел на самих христиан; тех христиан, которые, как уточняет Павел в Посланиях к Коринфянам, являются "храмом Божьим, где живет Дух Божий" (1 Кор. 3, 16-19 и 2 Кор. 6, 16-18). Вот где находятся основы обряда *melhorier*, и приветствия носителей Духа Святого. Еще в начале XIV века, пастух Пейре Маури, великий верующий еретиков, называл Добрых Людей "церквями".

" Это Церковь Божья, которой Господь наш Иисус Христос дал Свою молитву и право отпускать грехи, как говорит Иисус Христос в Евангелии от Святого Иоанна (Ио 20,22-23): «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». (*id.*)

Катарский проповедник сразу же заявляет о том, что его Церковь имеет право связывать и развязывать, власть отпускать грехи, что является основой христианской Церкви. Эту власть Христос передал Своим апостолам во время великого дыхания Пятидесятницы. Законные наследники апостолов, истинные христиане никогда не были лишены этой власти, но, как говорится во всех трех Ритуалах: "Церковь Божья будет хранить ее до конца времен".

Далее, разделенные на шесть глав, следуют Заповеди, образующие "правила Евангелия", основу посвященной жизни Добрых Христиан: не убивать, не оскверняться телесно, не красть, не лгать, не осуждать, не богохульствовать и не проклинать; девятая глава резюмирует необходимость соблюдения всего "Закона жизни". Именно эти обеты произносились вступающим в религиозную жизнь послушником во время *consolament* посвящения. Это соблюдение Евангелия, в котором вообще-то нет ничего особенного в христианском контексте, имело, однако, для Добрых Мужчин и Добрых Женщин одну особенность: они должны были следовать им абсолютно, во всем превосходя своих соперников, Римских клириков. Ведь этот "путь апостолов" Добрый Человек Пейре Отье определил как путь тех, "которые не лгут и не обманывают".

Наиболее значительными обетами в жизни катарских монахов выглядели, кроме их абсолютного целомудрия, отказ лгать и судить. Для своих верующих они были теми, кто "не прикасается к женщинам" и следует "дорогой справедливости и правды". Отринув все телесные связи при вступлении в религию, они, тем не менее, не придавали особенного значения девственности, вопреки тогдашнему учению Римской Церкви; но предпочитали удалиться от всякого искушения. Добрые Мужчины и Добрые Женщины в прямом смысле этого слова не должны были ни прикасаться друг к другу, ни касаться верующих противоположного пола: они даже избегали садиться на одну лавку и, находясь под одной крышей с лицами противоположного пола, старались сидеть за другим столом. Когда происходил обряд, где был необходим физический контакт, как, например, поцелуй мира, он совершался между лицами разных полов – верующими или христианами – при посредничестве Книги. Они рекомендовали верующим мужского пола не прикасаться к обнаженной коже больной,

получившей утешение на ложе смерти и являющейся христианкой. И аналогично для верующих женского пола. За наименьшее нарушение этих жестких правил следовало покаяние – дополнительные дни поста или произнесение молитв – предписанное диаконом, имевшим дисциплинарные функции. Если же совершался грех, следовало пройти новое испытание и повторное крещение.

Может, стоит уточнить, что этот обет целомудрия, произносимый монахами во время вступления в посвященную жизнь, как и другие "заповеди закона жизни", не распространялся на простых катарских верующих. И что последние, живя в окситанском *castrum*, женились и рожали детей в таких же количествах, как и их соседи, остававшиеся верными Римской Церкви. Они просто не сакрализовали телесный союз, и брак для них был обменом обязательств и согласия между двумя семьями. В этой среде случались настоящие любовные истории....

- В справедливости и правде.

Отказ от лжи был абсолютным. Обет правды обязывал Добрых Людей не просто не лгать, но никогда не скрывать правды, если она им известна – так же, как в старых католических катехизисах встречается осуждение "лжи через умолчание". Это суровое правило, не подлежащее ни малейшему нарушению, могло привести этих монахов к употреблению странных выражений и мысленных оговорок; некоторые Добрые Люди, из страха, что могут случайно солгать, не утверждали ничего без осторожных фраз: "если Бог так захочет", "по крайней мере, я так считаю"; или, пытаясь скрыть что-то без лжи, отвечали инквизитору, что верят во все, во что верит "святая Церковь" – имея в виду свою собственную. Естественно, что во времена преследований этот обет правды использовался инквизиторами, вызывая ужасные последствия, потому что Добрые Мужчины и Добрые Женщины не лгали не только своей пастве, но будучи пойманы и допрашиваемы Инквизицией. Конечно, они пытались не выдавать своих тайных сторонников и подпольные связи – но как ответить без лжи на прямой вопрос типа: является ли такой-то Вашим верующим? Некоторые предпочитали уморить себя голодом, чтобы избежать таких допросов.

Своим верующим Добрые Люди проповедовали, что им нет никакой нужды приносить клятвы, достаточно правдивого слова. Так указывает Дублинский Ритуал:

"Но да будет слово ваше : «да, да», «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого" (Мт. 5,37). (Дублинский Ритуал на окситан) ³⁵

Обет справедливости перекликается с обетом правды, так же, как и с обетом ненасилия, не позволяющим убивать животных - и абсолютно запрещающим смертную казнь. Не судить означает не выносить приговоров. Если истинной христианской справедливостью является прощение, то по образу и подобию неизмеримой способности Бога-Отца прощать, и Его Церковь - "та, что бежит и прощает". Любое правосудие, как светское, так и религиозное,

³⁵. *Id.* 280.

отвергалось Церковью Добрых Людей. Последний из известных нам окситанских Добрых Людей, Гийом Белибаст, сожженный в 1321 году, приводя аргументы из Писания об этом отказе осуждать, приводит в пример святого Павла. Как можно присвоить себе право окончательно решить, что какой-то человек является злым, если в нем всегда может пробудиться человек добрый, как апостол Павел по дороге в Дамаск родился из преследователя Савла?

И тот же самый Добрый Человек четко описывает, чем должна быть настоящая евангельская справедливость – она должна быть основана на милосердии:

"Он говорил, что каждый должен прощать всякого, кто просит о милосердии, и не применять к нему телесных наказаний за его преступления, особенно тех, что причиняют боль и вред, но он должен требовать глубокого раскаяния за преступления..." (Показания Жоана Маури, 1324)³⁶

Нет сомнений, что проповедник Гийом Белибаст прекрасно знал, о чем говорит, потому что лично он сам, как бывший убийца, испытал на себе справедливость Добрых Христиан. В 1305 году, будучи молодым пастухом в Кубьер (Перапертюзе), он убил пастуха архиепископа Нарбоннского. Катарское подполье приняло беглеца; и назначило ему покаяние – и он исполнял это покаяние, пока не взошел на костер – Церковь Добрых Людей превратила его преступление в апостольскую святость.

Во времена «золотого века», даже в каком-нибудь *castrum*, разделявшем их веру, орден святой Церкви не имел власти прямо противостоять феодальным насилиям, запрещать междуусобные войны или сеньоральное правосудие. Но его епископы уже имели достаточно большой духовный авторитет, чтобы практиковать, там, где это было возможно, своего рода "мировые соглашения", пытаясь урегулировать некоторые конфликты полюбовно, а не путем санкций. Так, в катарском микрокосме Монсегюра, около 1240 года, тулузский епископ Бертран Марти "установил мир" между совладельцами, Раймондом де Перейлем и Пейре Роже де Мирпуа, с одной стороны, и людьми из Ларок д'Ольме с другой. В другой раз, его попросили установить мир между самими совладельцами Монсегюра. Рыцарь Бертран де Конгост присутствовал на этой церемонии. Для арбитража оказалось недостаточно вмешательства других аристократов, и потому прибегли к высшему авторитету епископа, который выступал от имени своей Церкви. Это была очень торжественная сцена:

"Item, когда было несогласие между Раймондом де Перейлем с одной стороны, и Пейре Роже де Мирпуа с другой, пришли Гийом д'Арнаве и Понс Арнот де Шатоверден, и договорились установить мир между ними. И эти означенные Гийом д'Арнаве и Понс Арнот де Шатоверден пошли тогда увидеться с Бертраном Марти и его еретическими товарищами. Эти еретики тогда стали проповедовать. Во время этой проповеди присутствовал я сам, Понс Арнот де Шатоверден, Гийом д'Арнаве, Арнот

³⁶. JF 879

Роже де Мирпуа, Беренгер де Лавеланет, Бертран де Барденак, Пейре Роже де Мирпуа, Раймонд де Перейль и многие другие, которых я не помню. И после проповеди я сам и все другие поклонились этим еретикам. И тогда эти еретики установили мир и согласие между Раймондом де Перейлем и Пейре Роже, после чего мы вышли..." (показания Бертрана дю Конгост, 1244)³⁷

Как бы мне хотелось знать, о чем говорилось в этой проповеди мира епископа Монсегюра, основанной на каком-то стихе из Евангелия... В идеале катарское общество было тем, где феодальные и сеньоральные конфликты разрешались не войной, а миром Добрых Людей. По крайней мере, в микрокосме Монсегюра, эта утопия работала хотя бы несколько лет. Мы видим, что епископы Добрых Людей воспринимались как великие личности, как прелаты, которые, даже вне мира, продолжали играть роль миротворцев в повседневной жизни своего общества.

- Свидетельствование собственным примером.

После комментариев к каждой из заповедей "Закона Евангелия", проповедь о Церкви Божьей Дублинского Ритуала концентрируется на исключительной важности того, чтобы каждый облеченный, будучи добрым христианином (глава 9 проповеди для посвящаемого), соблюдал весь "закон жизни" полностью. Тот, кто не соблюдает хотя бы одной заповеди, виновен в нарушении всех. Зло не должно найти ни малейшей щели, чтобы пробраться и испортить добрый плод:

И Христос говорит (Мт 12,23): «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим, или признайте дерево худым, и плод его худым, ибо дерево познается по плоду.» И потому такова эта Церковь Божья, что она отделяет все добрые плоды, подобные добрым плодам, что собирал Иисус Христос, и она отмечает их среди других, и совершает и делает свои дела таким способом, чтобы ей не верили только по ее словам, но верили только по ее благим делам... (Дублинский Ритуал)³⁸

Путь, по которому должны следовать Добрые Люди, это путь самого Христа; и следуя по нему, они показывают себя достойной Его Церковью. Вся практика катаров собрана в этих нескольких словах, которые, на первый взгляд, кажутся обычным христианским благочестием. За этой якобы обычностью проглядывает противостояние между благими и дурными деревьями, между благой и злобной Церковью; именно это рвение прокладывает путь справедливости и правды Добрых Людей, которые, будучи очищены от грехов крещением Духом, не должны больше уступать злу ни пяди. Потому, еще более чем словом Писания, они проповедовали абсолютным примером своей апостольской жизни. Поскольку те, кто получил крещение Духом Святым, сами были церквями, "храмами Божьими", их жизнь должна быть проповедью, немой, но абсолютным свидетельством. Так мы можем хоть немного понять

³⁷. *Dossier...* 97

³⁸. *Ecritures...* , p. 282 ss.

повседневную жизнь "ордена еретиков", этих маленьких катарских общин окситанских бургад. В то время, как их иерархия, епископы и диаконы, "орден святой Церкви", сохранял за собой собственно проповедь Евангелия христианскому народу, Добрые Мужчины и Добрые Женщины примером своей жизни в бедности и целомудрии, в справедливости и правде, представляли собой живой лик святости.

Удивительно то, как катарские теологи были привязаны, именно в этом вопросе святой жизни, к духовной традиции периода, когда мы видим их появление на исторической сцене: дорога апостолов, наследование *vita apostolica*, составляли фундамент христианской проповеди романских времен, пока теологическая доминиканская революция XIII века не переместила акценты в теории и практике, открыв долгую эру предпочтения теологических истин догматического характера.

Наследование означает идентичность. Во всем следуя апостолам, повторяя их жесты, ступая по их следам, ни на йоту не отклоняясь от соблюдения заповедей, Добрые Люди доказывали свое право называться наследниками апостолов, благими плодами благого дерева. И потому еще они были апостолами в этом мире, что были "ненавидимы и гонимы", как апостолы Христовы; и подобно апостолам они практиковали крещение Духом, которое Христос даровал Своим апостолам. С любой точки зрения, внутренняя логика образа жизни еретиков обладала полной и последовательной связностью.

Десятый пункт проповеди, обращенный к посвящаемому: в этом мире Церковь Божья не может быть Церковью преследователей, но всегда Церковью преследуемых. Одни и те же цитаты из Писаний использовали Рейнские апостолы, Добрый Человек Пейре Отье и многие другие христиане в Истории. Но главным и безжалостным аргументом, был собственно катарский аргумент о двух Церквях, о той, которая бежит и прощает, и о той, которая владеет и сдирает шкуру. По природе своей, истинная Церковь – это Церковь преследуемого Христа. Потому, вступая в нее, давая среди других обетов обет не бояться мученичества, Добрые Мужчины и Добрые Женщины всего лишь следовали примеру апостолов:

" Эта Церковь страдает от преследований и гонений и принимает мученичество во имя Христа, как и Он сам пострадал, желая искупить и спасти Церковь Свою, и чтобы жить по слову Его до скончания веков, она вынуждена терпеть преследования, позор и проклятия, как сказано в Евангелии от Святого Иоанна (Ио. 15, 20) „Если Меня гнали, будут гнать и вас”..." (*id.*)

По этой же причине, из верности и в знак своей апостольской преемственности, катарская Церковь практиковала единственно истинное крещение, то, которому Христос обучил Свою Церковь; так указано в одиннадцатой главе Дублинского Ритуала, заключающей назидательную проповедь о Церкви Божьей:

" Эта Церковь практикует духовное крещение посредством наложения рук, через которое нисходит Дух Святой..." (*id.*)

Катарский проповедник сразу же указывает на связь этого крещения с чистой традицией Писаний, прежде всего приводя слова Предтечи Иоанна Крестителя, крестившего только водой:

" Иоанн Креститель сказал (Мт.3,11): «Идущий за мной сильнее меня...Он будет крестить вас Духом Святым...» И так было, когда Господь наш Иисус Христос явился на землю с миссией спасти Своих людей, Он научил святую Церковь, чтобы она крестила других людей этим крещением, как Он сказал в Евангелии от Святого Матфея (Мт.28,19): «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа.» " (*id.*)

Именно этот аргумент двумя столетиями раньше, в 1143 году, рейнские апостолы приводили ремонстранцу Эвервину:

"Они публично признаются, что они крещены и крестят, но не водой, но огнем и Духом, приводя свидетельство Иоанна Крестителя, крестившего водой и говорящего о Христе: 'Он будет крестить вас Духом Святым и огнем (Мт. 3,11)'; и также: 'Я крещу вас в воде, но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете... (Ио. 1, 26)'. "
(Письмо Эвервина, 1143 год) ³⁹

Катарский Ритуал продолжает использовать аргументы из Писания, ссылаясь на Деяния апостолов, которые часто показывают Павла и других апостолов после Вознесения Христова, крестящими "Духом Святым и огнем":

"... И Павел сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть в Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и когда Павел возложил на них руки, низошел на них Дух Святой... (Деян. 19, 4-6)." (Дублинский Ритуал) ⁴⁰

Рейнские апостолы XII века цитировали те же места из Деяний апостолов, показывая, как Павел и другие практиковали возложение рук:

"...И чтобы показать, что такое крещение через возложение рук практиковалось, они ссылаются и демонстрируют это свидетельствами из Луки в Деяниях апостолов... И везде, где только встречаются, как в Деяниях апостолов, так и Посланиях Павла, возложение рук, они связывают его с этим крещением." (Письмо Эвервина, 1143 год) ⁴¹

Таким образом, Добрые Люди и свое таинство *consolament* связывали с дорогой апостолов – они делали это по примеру апостолов. Будучи апостолами, они крестили так, как это делали апостолы Христовы. В конце концов, в этой преемственности нет ничего странного. Сложно не разглядеть в их

³⁹. *Archipels...* 51.

⁴⁰. *Ecritures...* 287.

⁴¹. *Archipels...* 51-52.

крещении через возложение рук, остатки, или хотя бы отражение, раннехристианских обрядов, используемых первой Церковью, которая, следуя за апостолами, крестила Духом своих учеников после того, как они были крещены водой. В Римской Церкви эта вторая церемония была отделена от крещения водой в особое таинство - конфирмацию. Это произошло в то время, когда, распространив благодать крещения, ранее сохраняемую для взрослых, на маленьких детей, еще не достигших разума, Церковь почувствовала необходимость получить подтверждение крещения от юного христианина в "сознательном возрасте". Можно сказать, что когда епископ епархии совершает помазание елеем лба юного прихожанина – то этот жест происходит от призывающего Дух возложения рук, жеста архаического таинства, прямым эквивалентом которого являлось "святое духовное крещение", уделяемое катарскими епископами...

Отступничество Церкви Римской

Следуя той же логике, только с точностью до наоборот и в еще более жесткой манере, Добрые Люди отвергали легитимность Церкви Римской за ее неверность апостольской модели. Вот здесь уже в полной мере, неустанно разворачивается диалектика двух Церквей, подкрепленная метафорой о благом и худом деревьях. "Наши плоды – это наследование Христа", заявляли Рейнские еретики, называвшие себя апостолами. Дурные плоды означают дурное дерево.

Церковь Римская полностью продемонстрировала, что она не является Церковью апостолов, потому что не следовала ни одной из заповедей пути справедливости и правды. Катарские проповедники красивыми и звучными голосами, пункт за пунктом, обращали против Церкви, "что владеет и сдирает шкуру", те же аргументы, которые позволяли им подтвердить, что их Церковь, "которая бежит и прощает", является истинной Церковью Божьей. Более того, их критика была необратимой. Именно по этой характеристике можно выделить "катарскую" идентичность из туманной среды средневекового европейского диссидентства. В отличие от других "еретических" течений того времени, катарские Церкви не собирались ни подтолкнуть, ни помочь оздоравливающей реформе Римской Церкви, но попросту, во имя апостольского образца, неумолимо отрицали всякую легитимность того, что в их глазах выглядело "злой Церковью".

Если мы еще раз коротко глянем на обеты христианского "Закона жизни", изложенные в катарской проповеди, то прежде всего в глаза бросаются обеты бедности и целомудрия. Но уже Рейнские апостолы дали понять Эвервину, что они вовсе не обмануты демонстративной бедностью "наиболее совершенных" из Римского клира, обладающих только коллективной собственностью. Мы кратко рассмотрим здесь достаточно классические насмешки относительно нравов и роскоши Римских клириков - "которые содержат любовниц" – регулярно появляющиеся в проповедях Добрых Людей; чтобы позже остановиться на двух главных вехах дороги апостолов: справедливости и правде.

- Церковь, которая сдирает шкуру

В середине XIII века простой горожанин из симпатизирующей катарам среды в Тулузе – документы процесса, затеянного Инквизицией против него, случайно сохранились – резко выступал против институализированного насилия папства:

"Он говорил... что Бог не желает такой справедливости, когда кого-либо осуждают на смерть. И по этому поводу он резко порицал проповедника крестовых походов, которому удалось завербовать около семисот человек... говоря, что это очень плохо отправлять крестоносцев против (императора) Фридриха, или против сарацин, или, к примеру, какого-либо *castrum*, как Монсегюр... или в какое-либо еще место, где будут убивать людей". (Показания Деодата из Родез, 1247) ⁴²

Церковь Римская, в противоположность Церкви Христа и Его апостолов, Церкви милосердия ("Церкви, что бежит и прощает"), определяется как Церковь, которая судит и осуждает. Которая изобрела священную войну и побуждает убивать во имя Христа. Действуя согласно той же логике и создав настоящую систему репрессивной политики против ереси, Церковь "которая сдирает шкуру" иногда сама поставляла аргументы для острого пера тех, кого преследовала. Приведем здесь еще одну цитату, потрясающую по силе своей экспрессии, из десятой главы проповеди о Церкви Божьей, обращенной к будущему катарскому монаху:

"И еще сказано (Мт. 10, 16) „Вот, Я посылаю вас как овец среди волков”. И еще: (...) (Мт. 10, 23) „Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой”. Мы хотим заметить, что все эти слова Христа противоречат злобной Церкви Римской, ибо ее не преследуют ни ради добра, ни ради справедливости, ни ради чего иного; наоборот, именно она преследует и приговаривает к смерти всякого, кто не соглашается с ее грехами и преступлениями." (Дублинский Ритуал) ⁴³

Еретический проповедник строит свою аргументацию с безжалостным изяществом; он рисует образ теократической Церкви во времена триумфа Инквизиции с мастерством памфлетиста:

"И ее не гонят из города в город, наоборот, она господствует над городами, весями и провинциями, и она восседает среди роскоши мира сего, и ее боятся короли, императоры и бароны. И служители ее ни в коем случае не есть овцами среди волков, а волками среди овец и козлиц. Она пытается распространить свою империю и свои налоги на христиан и на евреев, и самое главное, она преследует и приговаривает к смерти святую Церковь Христову, которая выносит это с терпением..." (*id.*)

⁴². Процесс Пейре Гарсиаса, из Бургет Но, инквизитора Бернарда де Ко, 1247. Ms BnF Doat 22, перевод Жана Дювернуа.

⁴³. *Ecritures...* 283-284

С определенной ясностью исторического видения, проповедник вписывает ересь - собственную "Церковь Христову" – в контекст того, против чего направлена империалистическая политика Церкви Рима и Сито: крестовые походы против язычников и даже схизматиков, репрессии против евреев. Здесь мы доходим до апогея аргументации: апостолы Христовы не просто никого не преследуют, но они сами гонимы. И тут критика вооружается иронией; и ложь Римских клириков (против обета правды) так же явственно видна, как и их агрессивность (против обета справедливости и ненасилия):

"Но вопреки всему этому, пастыри Церкви Римской не брезгают ничем и без зазрения совести утверждают, что это они – овцы и агнцы Христовы, и говорят, что Церковь Христа, которую они преследуют, это Церковь волков. Но эта мысль отдаёт безумием, ибо во все времена волки преследовали и убивали овец. Но очевидно в наши дни мир перевернулся, и овцы взбесились, и стали кусать, преследовать и убивать волков, а волки стали терпеливы, и дают возможность овцам пожрать себя..." (*id.*).

- Церковь, которая говорит большую ложь

Согласно катарской аргументации, "злая Церковь Римская", отвернувшись от апостольского обета правды, как и от обета правосудия, стала Церковью, "что говорит большую ложь" – еще одна улика ее христианской несостоятельности. На вопрос молодого пастуха, почему бы Церкви не оставить в покое Добрых Людей с их проповедями, Пейре Отье с горечью ответил:

"Потому что, если бы мы могли ходить и говорить свободно, Церковь Римская утратила бы всякое доверие; люди предпочли бы нашу веру их вере, ибо мы не говорим и не проповедуем ничего, кроме правды, тогда как Церковь Римская говорит большую ложь." (Показания Пейре Маури) ⁴⁴

И сразу же, в качестве примера этой лжи Церкви, Добрый Человек демонстрирует разные концепции крещения. Он цитирует слово Евангелия (Мк 16. 15-16) : "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет". И потом, не без юмора, он сравнивает эти слова с практикой Римской Церкви, описывая, как крестный отец и крестная мать ожидают с новорожденным на руках у входа в церковь, пока не придет какой-нибудь поп, "хороший или плохой", который будет спрашивать крестного отца о вере новорожденного и тот будет отвечать вместо него:

"... крестный отец обещает, что этот ребенок будет хорошим и верным христианином; что, впрочем, не мешает ему впоследствии стать злым и лжецом. Еретик объяснил, что по этой причине, он не придает никакого значения крещению Церкви Римской, потому что это ведь не сам ребенок обещает быть добрым и верным христианином..." (*id.*)

⁴⁴. JF 924-926. Перевод А.Бренон, *Ecritures...* 330-331.

Отступничество Церкви Римской от апостольского образца, таким образом, и фундаментально, удваивается обесцениванием ее таинств. В связи с этим напомним, что пример с крещением маленьких детей, лишенных разума, и неспособных воспринять веру, с XI столетия является одной из главных тем споров с еретиками. У катаров было аргументов в изобилии. Прежде всего, они демонстрировали собственную практику крещения только взрослых, способных к различению добра и зла, по примеру ранней Церкви, в качестве еще одного доказательства их апостольской преемственности. Вот снова Пейре Отье:

" У нас же человек, которому исполнится двенадцать лет (а мы предпочитаем даже девятнадцать), и он имеет разумение различать добро и зло, если он хочет принять нашу добрую веру..." (*in ibid.*)

Проповедь в Дублинском Ритуале тоже говорит о лжи Римской Церкви в области крещения. Проповедник показывает апостольскую преемственность через духовное крещение путем возложения рук:

"Но злобная Церковь Римская, распространяя обман и выдумки, говорит о том, что Христос учил крестить материальной водой, как это делал Иоанн Креститель до того, как Христос начал проповедовать. Но это можно опровергнуть по многим пунктам..." (Дублинский Ритуал) ⁴⁵

Ложью является и евхаристическая магия, это очевидно неправдивое утверждение Римских клириков, что они могут из маленького кусочка хлеба сделать тело Христово. Таким образом, критика катаров обрушивалась на то, что являлось сакральным основанием католического христианства: таинство на алтаре. Напомним, что тайна преосуществления, когда священник *на самом деле* превращает на алтаре хлеб в тело, а вино в кровь Христову, хоть и долго практиковалась, была возведена в догму теократическим папством на Латеранском Соборе 1215 года. Потому в этом пункте, как и в других, критика катаров основывалась на старинном христианском сопротивлении растущему могуществу Римского догматизма. Можно ли пойти еще дальше в отвержении Римской Церкви? Вот как, например, проповедовал Добрый Человек Жаум Отье: во время мессы попов "не услышишь никакой правды, кроме Евангелия и Pater". Все остальное - ложь.

" Когда они проводят свою мессу, (...) они заставляют людей верить, что поднимают тело Божье, и что хлеб, который они держат в руках – это тело Божье; однако никто из тех, кто во плоти, ни они, ни кто-либо другой, не может держать в своих руках тело Божье. То, что они держат в руках – это всего лишь хлеб..." (Показания Пейре Маури) ⁴⁶

Юный Добрый Человек развивает свою аргументацию, противопоставляя эту евхаристическую ложь практике своей Церкви, благословлению хлеба, в память Христа и Тайной Вечери. Ритуальные слова, которые произносит Добрый Человек, благословляя хлеб за столом – те же, что

⁴⁵. *Ecritures...* 285.

⁴⁶. JF 932. *Ecritures...* 337-338.

произносит священник, освящая облатку на алтаре, но результат различный. С одной стороны, якобы тело Христово, а с другой... благословленный хлеб.

"Он благословил хлеб, как это делают еретики. Он сказал мне тогда, что Бог благословлял хлеб таким же образом, как и он сам благословил его, и что так он показывает мне смысл, вложенный Богом в этот жест, которым он, еретик, благословил хлеб. И что Церковь Римская говорит, что это означает, что таким образом хлеб становится телом Божиим, но это неправда; и они, еретики, говорят, что это благословленный хлеб, и этого достаточно, ибо и так сам Бог установил изначально это благословение хлеба." (*id.*)

Мы уже замечали, что критика катарами доминирующей Церкви не ограничивалась механическим перечислением ее отступлений от дороги апостолов. Аргументация еретиков опиралась одновременно на силу умозаключений "рационального" типа и на прекрасный анализ Писаний. Нужно сказать, что по мере того, как мы понимаем, что такое катаризм, мы все яснее открываем их особый способ евангельской экзегетики.

Добрый Человек Жаум Отье перечислил причины, по которым ему представляется невозможным, чтобы кто-либо, священник или нет, по-настоящему держал в руках тело Христово. Прежде всего, это противоречит природе вещей: хлеб - это не Бог. Кроме того, как Бог мог бы принять "чтобы Его поедали таким постыдным способом" – не говоря уже о том, во что Он превратится после поедания при выходе из тела? Но Святое Писание учит нас, что Сын Божий заявил, что после Своего появления в этом мире, "никогда больше не предастся в руки грешников" (Деян. 17, 25 и Мт. 26, 45) – что осуждает практику евхаристии Римской Церкви как противоречащую евангельскому Слову. Вот как Добрый Человек сам интерпретирует это слово:

"(Христос) ясно сказал нам, что никакого зла не может придти от Бога, и чтобы мы не (...) обманывались этими проявлениями зла, мы не должны сворачивать с пути справедливости и правды". (*Id.*)

- Церковь-идолопоклонница.

В этой интерпретации Писаний – удивительно близкой в некоторых аспектах к современной протестантской экзегетике – смешались рационализм и спиритуализм. Прежде всего, мы встречаем здесь резкую критику "предрассудков" Церкви Римской, высмеивание идолопоклоннического культа статуй святых и реликвий, пышных процессий, дымящихся каминов, брызг святой воды, и особенно иллюзорных чудес. Речь шла даже о чудесах, совершаемых Иисусом и описанных в Новом Завете, которые с точки зрения катаров, имели чисто символический смысл. Вот как проповедовал Добрый Человек Гийом Белибаст:

"... ибо Сын Божий не освобождал людей от их физических болезней, но только от их грехов, которые являлись болезнями души. Вот почему Сын

Божий – это благой лекарь, ибо Он приводит души к Спасению, как это делают Добрые Люди (в наши дни)..." (Показания Пейре Маури) ⁴⁷

Для катарских проповедников, статуи святых, Христа и Девы в церквях, были попросту идолами, теми же идолами, которые апостолы разбивали в языческие времена. Еще в конце X века, Поп Козьма упрекал богомилов в том, что они не поклоняются иконам, а считают их культ идолопоклонничеством. Все латинские источники антиеретической полемики, антикатарские итальянские трактаты и хроники Крестового похода против альбигойцев сходятся в одном: образы и статуи в церквях еретики называли идолопоклонством. Еще в начале XIV века архивы Инквизиции передают нам резкую критику последних катарских проповедников – в данном случае Пейре Отье и его сына Жаума - против "Церкви идолов" и ее коррумпированной иерархии:

Они также говорили, что папа, кардиналы, епископы, аббаты и священники не имеют власти прощать грехи... что наоборот, они идолопоклонники и лживые пророки, слова которых являются дурными плодами, полными суеты и лжи... (Показания Пейре де Гайлака, 1309) ⁴⁸

Мы здесь видим уже и социальную критику, завершающую картину об отступничестве лживой Церкви: богатая преследовательница, но также идолопоклонница, преисполненная предрассудков. Так проповедовал Добрый Человек Гийом Белибаст, между прочим, выходец из народа:

Еще говорил он, клирики заставляют людей строить и разукрашивать красивые церкви, но платить им не очень хотят; они заказывают статуи, но эти статуи не имеют никакой ценности, это просто идолы. Еще я слышал, как Гийом Белибаст говорил, что Сын Божий сказал: "Дети Мои, не верьте тем, кто приходит в роскошных одеяниях и взывают и кричат на улицах и посреди своих идолов: они считают, что Я услышу их в связи с их криками. Но Я удалюсь от них, ибо они не идут по дороге справедливости и правды..." (Показания Пейре Маури, 1324) ⁴⁹

Церковь Божья не искала никаких компромиссов с Церковью мира сего; благое дерево, распознаваемое по благим плодам Спасения, не произрастает из той же почвы, что и дурное дерево, дурные плоды которого отравляют душу.

Простое исследование "пути справедливости и правды" апостолов, основы строгого образа жизни катарских монахов, освещает для нас их глубинное религиозное бытие, которым было стремление к бытию в истинной христианской Церкви. Мы уже приоткрыли двери в универсум их удивительно связанной внутренней логики. Здесь многое напоминает о ранней Церкви, много характерных черт христианского архаизма – практика крещения только взрослых путем возложения рук, религиозные структуры: общины христиан, сгруппированные вокруг епископов. Но сама суть катаризма укоренена в

⁴⁷. JF, 1010

⁴⁸. G. A, 339-340.

⁴⁹. JF III, 234.

религиозности романского Средневековья, объятаго ностальгией по временам апостолов и не представлявшего себе иного образа святости, чем наследование апостолов.

В этом, несомненно, есть очень много от раннего христианства, но также ясное требование отмежеваться от доминирующей Церкви. Утверждение катаризма о том, что это он сам является истинной христианской Церковью, несет в себе радикальное отрицание Римской Церкви, "злой Церкви". Раздел между двумя Церквями был более фундаментальным, чем простое соперничество об апостольской преемственности. Объявленный и подавленный папством как ересь, катаризм в самом деле выступил с собственным религиозным демаршем – собственным еретическим выбором – идентифицировав истинную Церковь Божью как противоположность узурпаторской Церкви Римской. Во имя истинной апостольской преемственности.

Нам остается, основываясь на все том же раннем христианстве, попытаться проникнуть в катарскую экзегетику Писания, главной осью которой является дуалистическое прочтение Нового Завета, подкрепленное библейскими мифами и усиленное средневековой идеологией великой борьбы. Тогда мы увидим словно вспышку света, освещающую сложную и связную конструкцию; это та самая внутренняя логика, которая путеводной звездой вела катарских докторов XIII века в их работе и исследованиях и помогла нам, благодаря ключевому понятию милосердия Божьего – как сути Благой Вести Евангелия – найти их многочисленные теологические следы. Услышать их призыв к душам, ко всем душам, к вечному Спасению и великой свободе Добра.

3. *L'entendensa del Be* / Устремление к Добру

Был ли катаризм гнозисом? Уже во времена эпохи Тысячелетия еретические каноники, сожженные в Орлеане, возможные прото-катары, говорили об обучении "глубинному смыслу и истинному достоинству Писаний", связанному с даром Святого Духа через возложение их рук... Двумя или тремя столетиями спустя окситанские Добрые Люди определяли свою веру, как *entendensa del Be*: устремление к Добру. Термины эти очень показательны и вызывают ассоциации с определенными интеллектуальными глубинами. Скрывали ли катаризм за утешительным фасадом простой апостольской практики какую-то тайну, знание, предназначенное для избранных? Без сомнения, это плохо поставленный вопрос, потому что хороший ответ на него - это одновременно да и нет.

Да, потому что устремление к Добру означает настоящее религиозное просвещение, основанное на глубинной экзегезе Писаний; да, потому что катаризм это "ученая ересь", разработавшая сложную и особенную систему интерпретации христианства. Нет, потому что это учение не было ни тайным, ни предназначенным для элиты, ни тем более основанным на каких-то угаданных текстах. Это просто основа учения, на которой базировались катехизис и проповеди. Конечно, исходя из сложности катарской теологии, требовалось длительное время, чтобы ее постичь; основной катехизис был предназначен для верующих, а дальше следовало что-то вроде "семинарии" для послушников. Но эта теология была открыта для всех, провозглашая универсальность и призывание к спасению душ Церковью Добрых Людей.

И теперь нашей задачей является постичь это учение. И сделаем мы это под патронажем итальянского катарского епископа Джованни де Луджио, вдохновляющего нас вступлением к своему главному теологическому труду, Книге о двух началах, написанной около 1250 года:

" Поскольку многим людям мешают в правильном познании истины, дабы просветить их, поощрить тех, кто способен понять, и также ради доставления наслаждения собственной душе, я сделал своей целью объяснить нашу истинную веру свидетельствами из Святых Писаний и подходящими к данному случаю возвышенными аргументами, призывая к тому же помощь Отца, Сына и Святого Духа..." (Книга о двух началах)⁵⁰

В этом путешествии вовнутрь катарской теологии, мы увидим реальность собственно христианского дуализма, при этом отличного в своих проявлениях от других дуализмов, существовавших в другое время, или существующих в других местах, воодушевляющих религиозную культуру иранских парсов – или индейцев на Западе современных Соединенных Штатов; и не имеющего никакого отношения, ни интеллектуального, ни исторического, к настоящему манихейству. Мы также по-иному взглянем на место этого

⁵⁰. Перевод Рене Нелли, *Ecritures...* 88

дуалистического ядра в катарской религиозности. Возможно, это ядро изначально не было основной чертой "ереси"; но мы увидим, до какой степени его появление, со всеми его особенностями, придало смысл и глубину – и я бы даже сказала, величие – религиозному демаршу Добрых Людей, обосновав и подтвердив их веру в Христа.

И в Царство Божье, которое не от мира сего.

Невозможно понять этот (слишком знаменитый?) катарский дуализм, не рассматривая его в соответствующих обстоятельствах, историческом контексте и развитии. О древнем манихействе катарские интеллектуалы знали не больше, чем их коллеги, доктора Церкви: как и всем средневековым клирикам, оно было известно им лишь по опровержениям Августина. Этого факта достаточно, чтобы показать, что персидский ересиарх не мог быть вдохновителем их собственного дуализма. Потому необходимо сделать глубокий анализ, поставив этот дуализм в координаты его реального измерения, и на соответствующее место в катарской теологии, выявив его природу и логику. И суметь также различить его там, где это возможно, с одной стороны, в полемических антиеретических трудах цистерцианцев и доминиканцев и, с другой стороны, в религиозной рефлексии самих еретиков.

"Это вечное обвинение в дуализме" (Наполеон Пейра)

"Они верят в двух богов, одного доброго, другого злого". Начиная с конца XII века, еретиков катаров преимущественно определяли, как "манихейцев" – приводя в доказательство их дуализм, казавшийся отброшенным на маргинеиз христианства и христианского мира. Как если бы главным "преступлением ереси" была эта сомнительная тенденция, по которой их оценивали, и которая *a posteriori*, присутствуя в каждой надгробной речи по их поводу, так долго вызывала недоверие современных историков, как католических, так и протестантских. Этот шаблон антиеретической полемики Наполеон Пейра, вновь открывший Монсегюр и окситанский катаризм под конец XIX века⁵¹, называл с раздражением (и не без основания) "этим вечным обвинением в дуализме".

Старые средневековые подозрения – в "вере в двух богов, одного доброго, другого злого" – привели к появлению в XX веке рискованных теорий историков религии (Райценштайн, Ганс Сёдерберг, Стивен Рунсиман), связывающих средневековый катаризм с античными религиями – персидской, зороастризмом, маздеизмом, манихейством – красной нитью дуализма. Они надолго обременили перспективу исторических дискуссий. Они также вскормили разнообразнейшие эзотерические спекуляции, еще и сегодня затмевающие исторический образ средневековой ереси – и *a priori* дискредитирующие ее исследования.

Словно отвечая на раздражение Наполеона Пейра, через сто лет сосредоточения ученых исключительно на "манихействе" катаров, Рене Нелли, в

⁵¹. Napoléon Peyrat, *Histoire des Albigeois*, 3 vol. 1871.

свою очередь, после многих лет исследований, написал в своих *Писаниях катаров* достаточно резкие слова по этому поводу:

"Если бы историки согласились хотя бы на такой минимум, как говорить языком "еретиков", которых они изучают – ведь делают же они это, описывая верования Догон и Банту – вместо того, чтобы использовать словарь инквизиторов; если бы они применяли хороший принцип "истинного Бога" так, как это делали катары, то, возможно, они бы увидели, что называть другой, ложный принцип, "равным ему", вовсе не так уж естественно... Возможно тогда, они стали бы остерегаться... приписывать подобные глупости еретикам, в то время, как ни один текст не позволяет нам этого..."⁵²

Эвервин де Стейнфельд был исключением из правил? Рейнские апостолы, которых он расспрашивал в 1143 году, явно были дуалистами; однако, премонтранский аббат не замечает этого, и в любом случае воздерживается от обвинения их в "вере в двух богов". Тем не менее, через двадцать лет Экберт де Шонау сделал из дуализма главный жупел в борьбе против еретиков, которые были прямыми последователями предыдущих. Неужели Эвервин был недостаточно теологически подкован? Все просто, он еще был носителем идей тех времен, когда христианская духовность в целом несла в себе скрытый, но реальный дуализм. Это эпоха XI "века монахов и рыцарей", которую Жорж Дюби определил, как "полностью и спонтанно манихейскую". Экберт же, живший на переломе 1160 гг., принадлежал уже к новому поколению, которое при поддержке ордена Сито, делало все, чтобы Римская Церковь стала единственным гарантом единой веры, единственным представителем единого Бога.

Мы уже сталкивались с тем, как первые общины западноевропейских катаров, организованные вокруг епископов и практикующие крещение через возложение рук, появились в архиепископствах Льежа и Рейнских земель в первой половине XII века. Уже рейнские апостолы, мужчины и женщины, заявлявшие, что они являются истинной Церковью Христа и Апостолов, противопоставляли себя извращенной Церкви Римской. Именно на своем образе апостольской и бедной жизни они основывали легитимность своего наследия, в силу метафоры о дурном и благом деревьях. Именно на Новом Завете – Евангелии и Первом Послании Иоанна, где выражена ясная противоположность между Богом и миром – они основывали не менее ясную противоположность между их Церковью Божьей и Церковью мира сего, Римской Церковью, заключившей пакт с миром, чтобы копить богатства и достигать власти. И мы находим очень четкое выражение скрытого дуализма в христианских Писаниях...

" Мы придерживаемся всего этого, ибо мы - не от мира сего; но вы, любящие мир, вы заключили сделку с миром, потому что вы - от мира (Парафраза Ио. 15, 19)... " (Письмо Эвервина)⁵³

Разумеется, подобный аргумент о противоположности двух Церквей, услышанный из уст еретиков, которые утверждали, что они не от мира и

⁵². Рене Нелли, "Природа зла... О неравенстве двух принципов", *supra note.5*

⁵³. *Archipels ... 51.*

предпочли мученичество отречению, не мог восприниматься Эвервином как "дуалистический", потому что он отвечал и его собственной религиозной культуре. И он лучше воспринимается нами, благодаря своеобразному "зигзагу Истории". Урок, который рейнские апостолы извлекли из Евангелия, - тот, что Царство Божье не от мира сего; что этот мир ненавидел и преследовал Христа и апостолов Его, и делает это до сих пор; что по плодам можно распознать благие и дурные деревья; а это означает – очень ясно – что мир не от Бога. Разве это дуализм?

Через двадцать с лишним лет эти слова стали подобны камню, выпущенному из пращи. Когда во время очередных кампаний преследования в Кельне и Майнце жгли "катаров" и "архи-катаров", как выразился клирик Экберт де Шонау, стали писать огромные трактаты, применяя риторику демонизации и доктринальной кодификации ереси. Тот же Экберт был первым, кто поднял тему, которая отныне стала определяющей в суждениях о катаризме – враг был назван по имени. В своих проповедях 1163-67 гг. он определяет еретические теории по десяти признакам, главным из которых является дуализм.

Если Эвервин де Стейнфельд видел в катаризме только отражение древней христианской оппозиции между миром и Царствием, Экберт поставил ему диагноз: *манихейство*. После него и цистерианская полемика конца XII века, и потом доминиканская XIII, бесконечно воспроизводила одни и те же лозунги. Догматическая и воинствующая, Церковь Рима и Сито основывала принципы своего доминирования на монолитности мира, созданного Богом и на угодном Богу порядке. С тех пор, ересью называлось всё, что подрывало этот монолит, в особенности "манихейский" дуализм. И чем больше Церковь становилась догматической и монистической, тем большую тень она бросала на ересь, определяя ее как догматическую и дуалистическую.

Итак, когда в проповеди 1163 года Экберт определяет десять пунктов ошибок рейнских еретиков, он приводит новый аргумент, обозначающий основной признак "катаристов" или "катаров", то есть "манихейцев": эти еретики - дуалисты. Это значит, что они верят в двух богов, одного доброго, творца Царствия Небесного, а другого злого, творца этого мира.

Это стало той самой точкой отсчета, с которой началась вся католическая анти-катарская полемика, и на которой сосредоточились аргументы всех ее бесчисленных Сумм и трактатов. Определяемые как дуалисты, еретики стали ассоциироваться с древними персидскими манихейцами, которые тоже были дуалистами. Вскоре католические проповедники стали использовать старые аргументы Августина против манихеев, не очень, однако, эффективные для опровержения современных им катаров. Тем не менее, они и дальше продолжали награждать их этим удобным для себя эпитетом "манихейцы", даже если уже им удалось найти новые аргументы, более приспособленные к реальности.

Тексты XIII века, и особенно, написанные итальянскими доминиканцами, инквизиторами и официальными ниспровергателями ереси, еще более многословны. Они расписывают тысячи нюансов катарских дуализмов в карикатуризованном виде, явно пытаясь подорвать доверие к еретическим проповедям, и изощряясь в остроумии – но не очень идя на поводу у фантазии,

поскольку это помешало бы их собственным целям. *Сумма* Райнерия Саккони (около 1240 г.), дает нам понять, что Церкви итальянских катаров спорили между собой по догматическим вопросам; что некоторые из еретиков, умеренные дуалисты, как Гаратисты из Конкореццо, ошибаются только наполовину, поскольку приписывают творение универсума единому Творцу, Богу, создание которого, ангел Люцифер, впоследствии, по свободной воле, выбрал бунт и зло. Их ошибка, замечает инквизитор, состоит в том, что они считают Люцифера распорядителем этого мира и создателем человеческих тел.

Другие, как Альбанисты из Децензано, являются абсолютными дуалистами. И уж эти ошибаются изначально, веря в существование двух творцов, своего рода двух божеств, что намного хуже. Благое божество создало благое творение, то есть рай; а злое – злое творение, то есть видимый мир. В то время как, ерничает доминиканец, в Библии и Кредо сказано ясно, что следует верить в единого Бога, "всемогущего Отца, создателя неба и земли", то есть как видимого, так и невидимого мира.

Умеренные дуалисты верили в падение Люцифера, увлекшего за собой другого ангела, согласившегося пойти с ним. Он сделал из него душу первого человека и заключил ее в тело собственного производства. Этот грешный ангел, первичная душа, впоследствии рождала другие души, как ее тело – другие тела, передавая память о своем падении, первородный грех, всем новорожденным душам. Такая система называется традуционизмом.

Абсолютные же дуалисты отрицали свободу воли у Божьих созданий. Они использовали миф о падении ангелов, вычитывая его из Апокалипсиса, объясняя, что души людей – это треть небесных ангелов, захваченных хвостом огромного дракона - дьявола – и увлеченных им в падение, когда святой архангел Михаил победил его под стенами небесного Иерусалима и сбросил во тьму внешнюю. Доминиканские ниспровергатели (Монета Кремонский, Райнерий Саккони, Ансельм Александрийский...) конечно же, не считали, что сам святой Иоанн, автор Апокалипсиса, был дуалистом. Они констатировали, что в глазах абсолютных дуалистов, ангелы не совершали греха в падении. Что эти еретики не верят в первородный грех. Что следствием этого является предположение, что все души будут спасены, потому что они по сути невинны. И что еретики верят в путешествие душ из тела в тело, пока каждая из них не достигнет Спасения.

Были еще и другие. Кроме Альбанистов и Гаратистов, были еще Баньолисты катарской Церкви Мантуи, принимавшие одни пункты доктрины своих соседей и отвергавшие другие. И что фактически каждая из шести итальянских Церквей XIII века имела свою собственную смесь доктрин и верований.

Можно спросить, зачем мы приводили все это здесь – все эти описания, наполняющие трактаты антикатарской католической полемики XIII века, которые, впоследствии, были подхвачены современными комментаторами? Чтобы показать, что, по сути, все это – очень упрощенные характеристики; но если нам нужно придать этим данным какой-то умопостигаемый смысл, то следует посмотреть на них критическим взглядом и сравнить их с документами другого

типа. Поскольку, как мы знаем, сохранились и другие документы, где, к счастью, содержатся аргументы и логика самих еретиков. Мы уже использовали здесь эти документы – это книги самих катаров и воспоминания о проповедях Добрых Людей, содержащиеся в реестрах Инквизиции.

Корни христианского дуализма

Вначале несколько общих соображений. Проблема зла, являющаяся источником всех размышлений дуалистического характера, общая для всех человеческих культур. Но она особенно обостряется и становится даже болезненной в христианском контексте, потому что основанием Откровения Христа есть утверждение, что Бог, всемогущий Отец Писаний, является также и абсолютно благим. И здесь получается противоречие, если считать, что тот же Бог объявляется творцом земли и неба – этого мира, со всеми его ужасами. *Unde malum* ? Откуда же зло?

Схематически, есть только два способа разрешить это противоречие: предпочесть тот или иной из предлагаемых постулатов, милосердие или всемогущество Божье. Римская Церковь, по-видимому, избрала постулат всемогущества, что все больше и больше проявлялось с течением времени – а кульминацией была средневековая теократия с ее концепцией божественного величества и Бога как верховного судьи, от которого исходит спасение или вечное проклятье. Который управляет этим миром, как своей собственностью, разрешая и используя зло - страдание – как очистительное и искипительное испытание.

Вторым вариантом был выбор еретиков катаров – и, конечно же, еще до них, других христианских меньшинств, начиная с гностиков; они предпочли постулат милосердия Божьего Его творческому всемогуществу. Это закончилось рождением настоящего христианского дуализма: если Бог благ, этот мир, объятый злом, разрушением и смертью, не может быть Его делом. Отец может творить только в свете и вечности, то есть в Благе. Основанием этого утверждения стала притча о благих и дурных деревьях. И в самом деле, именно христианские Писания, начиная с самых почитаемых, очень радикально противопоставляют Отца, Бога Любви Евангелий, как в Первом Послании Иоанна, делам "мира сего".

Скрытый дуализм, порожденный проблемой зла и рассыпанный по христианским Писаниям, является первым корнем катарского дуализма – а до него и некоторых гностических движений. Но в теологии катаров, кроме того, присутствует и вторичный дуализм, являющийся, как говорится, следствием, а не причиной. Жан Дювернуа очень точно определил его как "основанный на анализе Писаний". Потому этот христианский (и возможно, гностический) дуализм фундаментально отличается от древнего манихейского дуализма, лежащего в основании сложного поэтически-религиозного сооружения. Вот почему, в отличие от стольких книг, описывающих религию катаров как средневековое манихейство, или средневековое воплощение фундаментального дуализма, в этой книге дуализм не представлен в качестве краеугольного камня их религиозных

взглядов. Мы просто поставим его, когда придет время, на его естественное – или историческое место, когда он появился, следуя логике Добрых Людей. Поскольку он был следствием их изучения Нового Завета. Другими словами, только оставаясь абсолютно верными божественному посланию, можно было быть апостольскими, как апостолы, и большими христианами, чем папа.

Процесс Инквизиции середины XIII века по делу тулузского горожанина Пейре Гарсиаса, показывает, как светские люди, считающиеся честными гражданами и принадлежащие к катарской среде, ставили фундаментальные вопросы о проблеме зла.

Раймонд Пейре Деспляс спорил со мной о создании видимых вещей, говоря, что они не от Бога, и опираясь на авторитет Евангелия: 'Доброе дерево не приносит плодов дурных, и т.д.' (...) говоря, что узнал это от еретика Берната де Ламота (Старшего Сына епископа Тулузского), и он был очень взволнован, говоря это... (показания Гийома Гарсиаса, 1247) ⁵⁴

Мы видим, что еретиков начинают обвинять в дуализме довольно поздно, то есть в конце XII века; в то время, как само западноевропейское христианство XI века в целом отличалось дуализмом. Трактаты катаров, книги христианского дуализма, написанные в первой половине XIII века, уже содержат в себе плоды дуалистических рефлексий над Святыми Писаниями. Те из них, которые дошли до нас, как и проповеди окситанских Добрых Людей, представляют собой точку зрения абсолютного дуализма; но известно и о существовании трактатов умеренного дуализма.

Катарский дуализм является историческим фактом. Но он – не догма, не монолит, положенный в основание здания, как пытаются представить дело доминиканские полемисты. Он всегда эволюционировал и оставался доктринально гибким. Катаризм никогда не был догматическим. Его фундаментальное единство покоилось на иных основаниях, на структурах Церкви и раннехристианских практиках Спасения. Скорее, следует говорить о дуалистических тенденциях и эволюции дуалистической рефлексии. Жан Дювернуа говорит о "работе над изучением" Писаний.

Так называемый *умеренный* дуализм, возлагающий ответственность за Зло на Люцифера, падшего ангела, которого мало-помалу романское христианство ассоциировало с дьяволом, был, по всей видимости, первым решением, не очень расходившимся с "манихейской" логикой романских времен. Такими, возможно, были (но кто знает, в самом деле?) рейнские еретики, которые не сильно шокировали Эвервина в 1143 году, но уже Экберт, двадцать лет спустя, выявляет в них дуалистов. Так называемый абсолютный дуализм являлся следующим логическим шагом в том же направлении мысли, чтобы лучше разрешить внутренние противоречия первоначального умеренного дуализма: как Божий ангел Люцифер, созданный Богом благим, мог, без какой-либо иной причины, избрать и даже изобрести зло, которого еще не существовало? Следует предположить вмешательство какого-то внешнего злого и уже существовавшего

⁵⁴. Процесс Пейре Гарсиаса. См. note 42 *supra*.

элемента – единственное средство освободить Бога от всякой ответственности за вторжение зла.

Два дошедших до нас трактата катаров, дополняющие друг друга, содержат аргументы именно абсолютного христианского дуализма. На данном этапе, нас прежде всего интересует наиболее ранний из них, трактат, написанный на латыни, в Окситании, около 1220 года, неизвестным автором, возможно, принадлежавшим к катарской Церкви Каркассе.

Этот *Анонимный Трактат* из Лангедока начала XIII века, к сожалению, очень фрагментарен; мы можем реконструировать его лишь частично из рукописи, посвященной его опровержению, *Liber contra manicheos*, "Книга против манихейцев", также анонимной (следует ли приписывать ее, как это делалось долгое время, Дюрану де Уэска?), где он цитируется беспорядочно, зато целыми параграфами. И если мы соберем вместе все эти отрывки, то увидим, что этот катарский трактат является настоящим учебником дуализма, основанного на Писании в достаточно радикальной интерпретации: он фактически построен как каталог цитат из Писания, обосновывающих существование двух творений, этого мира и Царства Божьего, и, следовательно, двух творцов. Он непосредственно продолжает аргументацию апостолов Эвервина. Центральное место здесь занимает хорошо нам уже известная евангельская притча о добрых и дурных деревьях. Плоды мира сего горьки: глупость, несправедливость, насилие, вырождение и смерть, и это потому, что дерево, приносящее их, их творец, сами по себе дурны.

Только один Бог, единственный истинный Бог, ясно и четко исповедуется в тексте – той самой еретической Церковью, которую вечно обвиняют в "вере в двух богов"; это опровержение написано не без некоторой надменности, зато не оставляет места для разночтений:

"...Во-первых, мы почитаем превыше всего верховного и истинного Бога, всемогущего Отца, который, как мы читаем (в Писании) и как мы верим, создал небо, землю, море и все, что в них (Пс. 145, 6), как это подтверждают свидетельства пророков, и что еще более полно отображено в книгах Нового Завета.... (Анонимный трактат, около 1220 года)⁵⁵

Единый Бог, творец земли и неба? Кажется, перед нами почти что монистическое *Credo*; но очень быстро мы видим здесь противоположность собственно дуалистического характера между двумя мирами, различными по природе и происхождению. Это видимый мир, населенный суетными созданиями ничто, и "иной мир", преисполненный вечной радости. Можно это передать другими словами, поскольку эти образы часто присутствуют в проповедях Добрых Людей – этому миру, состоящему из *visibilia u corruptibilia*, то есть, вещей видимых и преходящих, противостоит Царствие Небесное *invisibilia u incorruptibilia*. Невидимое и непреходящее – то есть вечное.

... Но они многочисленны, те, кто менее всего заботятся об ином мире и иных творениях и не тяготеют этим. И они не видят, что сами они злые,

⁵⁵. Перевод René Nelli, *Ecritures ...* 194-195.

суетные и преходящие, и что сами они, без всякого сомнения, из ничего вышли и в ничто вернуться. Но мы, мы, которые знаем о существовании иного мира и иных творений, непреходящих и вечных, в этом полагаем всю нашу радость и всю нашу надежду... (*id*)

Это яркое подтверждение того, что существуют благое и дурное творения, основано прежде всего на противоположности между этим миром и Царствием, которой особенно пропитаны иоаннические Писания; катарский доктор изначально считает своим долгом привести цитаты, доказывающие, что "сей мир, злобный и лукавый, 'весь лежит во зле' (1 Ио, 5, 19)", а князь его – совсем не Бог:

... И Христос (сказал): 'Ибо идет князь мира сего (Ио 14, 30)'. И добавил: 'Царство Мое не от мира сего (Ио 18, 36)'. И дальше: 'Не о всем мире молю (Ио 17,9)'. И еще: 'Отче, мир Тебя не познал (Ио 17,25)'. И Он еще сказал о Своих апостолах: 'Они не от мира, как и Я не от мира (Ио 17,16)'... (*Id*)⁵⁶

Этот мир – не мир Христа, он "ненавидит и преследует"; и тем более он – не Царствие Божье. Оно в "ином мире", и этот тезис катарский доктор точно так же основывает на канонических Евангелиях:

В божественном мире, мы верим, будет новая земля и новое небо, о которых Господь говорил Своему народу (...) Петр сказал также в своем Послании: 'Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда (2Пт 3,13)'. И Иоанн в Апокалипсисе: 'И увидел я новое небо и новую землю (Апок 21, 1)'... (*Id*)

Теперь можно понять, каким образом единый истинный Бог может называться "Творцом земли и неба" – через это упоминание о новой земле и новом небе, невидимых глазами телесными. Анонимный автор представляет чудесные образы Апокалипсиса, зажигающие надежду о Граде Небесном, где растет древо Жизни, где течет поток воды живой, "чистой, как кристалл":

И там есть град, о котором Иоанн говорит в Апокалипсисе: 'И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба (Апок 21,2)'; и потом добавляет, что 'он был чистое золото, подобный чистому стеклу (Апок 21,18)'... (*Id*).

Чтобы описать небесные создания, восседающие вокруг Отца, он ищет образы даже в Ветхом Завете – перед тем, как обратиться к Павлу:

Вот что мы можем встретить у святого и ангельского трона Отца, о котором Даниил свидетельствовал: 'тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним (Дан. 7, 10)'. О том, каковы там дела и творения, апостол сказал, что 'не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (1 Кор 2,9)'... (*id*)

⁵⁶. In *ibid.* 196-197 et ss.

Но это все же не может помешать нам думать о том, какие именно слова надежды шептал своим верующим Добрый Человек Пейре Отье в разгар инквизиторских преследований:

Если бы Вы знали, какие награды нам обещаны, но мы не можем сказать об этом никому, кто не сделается добрым христианином, иначе Вы бы не вынесли всей горечи жизни на земле... (Показания Пейре Маури)⁵⁷

Образ золотого города, как квинтэссенция мира невидимого и нетленного, вдохновлял самый яркий полет мысли последнего из катарских проповедников, Гийома Белибаста, этого бывшего пастуха и убийцы, ставшего монахом, не имея для этого ни необходимого призвания, ни культуры, в момент наибольшей опасности. Эти "свидетельства из Писаний", тщательно собранные анонимным доктором в начале XIII века, наполненные и расцвеченные образами архаической христианской мифологии, возможно, всегда были, со всей их поэтической силой, душой проповеди Добрых Людей.

Схоластика двух начал

Возможно, чтобы проникнуть в XIII век и открыть книги самих катаров, нам следует стать немного теологами. Катарские доктора были клириками, интеллектуалами своего времени, передовыми людьми – а западноевропейский XIII век можно определить, как век теологии. Не отходя от внутренней логики своей библейской экзегетики, еретические клирики превзошли общее "манихейство" романских времен, вышли за пределы скрытого дуализма христианских Писаний, чтобы обосновать "интеллигибельную причину". Именно тогда они стали размышлять над проблемами внутренних противоречий первоначального дуализма – того самого, который их противники называли термином "умеренный", и который объяснял вторжение зла в этот мир непонятным предательством божественного бытия – они применили к Писаниям, основе всякого христианского авторитета, *новые методы исследования*; они смогли ответить на свои вопросы, используя *новые* концептуальные средства, давшие в их распоряжение *новый* метод до-научного анализа, называемого схоластикой. Все эти *новеллы* являлись признаками *нового* века, когда действительно родилась "научная теология" христианства, переориентировавшая Римское христианство на усиление доктринальной ортодоксии и даже догматизацию, кульминацией которой являлся томизм. Но еретические доктора параллельно использовали эти новые веяния, желая интеллектуально обосновать свою библейскую экзегетику.

Этот тип схоластических рассуждений явно виден на страницах обоих сохранившихся катарских трактатов, выражающих точку зрения абсолютного дуализма; там используется фактически философский термин «ничто» - *nihil* по-латыни, применительно к этому миру и его князю, особенно при интерпретации первых строф Пролога Евангелия от Иоанна. Заметим, что этот текст занимает центральное место в литургии катаров, поскольку читается

⁵⁷. JF 925-926.

над посвященным в ключевой момент *consolament*, во время возложения рук. Пейре Отье, в последние годы XIII века, еще с легкостью применял этот тип интеллектуального дискурса; нужно сказать, что сам он был ученым клерком, возможно, дипломантом Тулузских Школ. Вот как он попытался однажды, даже еще не являясь катарским Добрым Человеком, объяснить некоторые пассажи своему зятю Арноту Тиссейру, тоже нотариусу:

Пейре (Отье) сказал мне: "Арнот, посмотрите, что сказано в Евангелии от святого Иоанна: 'В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез Него начало быть, а без Него ничто начало быть' (Ио, 1, 1-3)."...

Он спросил меня: "Знаете ли Вы, что значит 'Всё чрез Него начало быть, а без Него ничто начало быть'?" Я ответил, что эти слова означают, что все вещи созданы Богом, и что ничто не создано без Него. Он мне сказал, что эти слова не означают того, что сказал я, но то, что всё чрез Него стало быть, и также, что всё без Него начало быть. Я ответил ему: "Как Вы можете говорить такое? Вы не понимаете латыни, потому что смысл, который Вы этому придаете, противоречит словам Евангелия, и также тому, что мы читаем в Писании, что Бог создал землю, и небо, море, и всё, что в них (Деян. 14, 14)?"

Пейре мне ответил, что смысл этого отрывка таков: "без Него начало быть ничто"... (Показания Арнота Тиссейра, 1323) ⁵⁸

Качественное определение (этот мир зол, и он не от Бога) и определение Писания ("Царствие Моё не от мира сего"), становится онтологическим: без Бога начало быть *ничто*, которым и есть этот мир... Все, что *есть*, создано Богом. Но ничто создало то, что *не есть*, то, что не имеет *бытия*. Пейре Отье интерпретирует Пролог от Иоанна вопреки его кажущемуся смыслу, используя универсальные категории Добра и зла, средства схоластики: *omnia* ('всё' на латыни) означает "всё, что есть", всё, что имеет бытие от Бога, но также и "всё, что не есть", то, что от зла или *Nihil* ('ничто' на латыни). За шестьдесят пять лет до того, автор Анонимного трактата следует точно той же логике – и это демонстрирует, что эти аргументы в XIII веке постоянно встречаются в теологической рефлексии катаров и часто употребляются в их книгах:

Но поскольку многие люди не знают, что в Святом Писании подразумевается под словами *все вещи*, скажем, воистину, что в общем, под словом *всё* подразумеваются вещи благие и духовные, но иногда также, только плохие вещи и грехи...

Иоанн говорит в своем Евангелии: "Всё чрез Него начало быть, а без Него начало быть *nihil* (ничто) (Ио 1,3)". Это показывает, что здесь имеются в виду вещи благие и духовные, поскольку сразу же после этого говорится: "То, что было в Нем, было Жизнью (Ио 1,3-4)". В то же время, *всё* может означать всякую скверну и все грехи, согласно тому, как говорит... Саломон: "Суета сует, и всё суета (Эккл 1,2)" ...И это также доказывает, что

⁵⁸. *Id*, JF, 603.

в божественных Писаниях *omnia* (всё) иногда означает вечное, а иногда преходящее и, вследствие этого, термин *omnia* имеет двойное значение...

Но то, что есть в мире, то есть от мира, может быть названо ничто (*nihil*), и Апостол это прекрасно объясняет... (Анонимный трактат) ⁵⁹

Именно потому, когда мы читаем в Евангелии, что Бог создал *всё*, это значит: Царствие, город золотой и невидимый, "новое небо и новую землю"; но не другое *всё*: не этот мир, "не это небо, не это море и всё, что в нем", потому что они всего лишь иллюзия - *visibilia* и *corruptibilia*. Благое дерево может приносить только благие плоды бытия и вечности. Потому существует дурное дерево, приносящее дурные плоды, *злой* творец этого *злого* мира. Распорядитель *ничто*. Этот тип библейской экзегетики, основанный на рассуждениях явно схоластического характера, был полностью обновлен и развит в *Liber de duobus principiis*, Книге о двух Началах.

Этот блестящий труд, написанный в Италии около 1240 года, представляет собой высшее логическое достижение дуалистической катарской рефлексии над Писаниями. Можно сказать, что это кульминация христианского дуализма.

...Совершенно ясно видно, что универсальные термины, обозначающие вещи злые, суетные, преходящие, не могут быть того же рода, что и другие универсальные термины, отвечающие вещам благим, чистым, желанным и таким, что пребудут до конца времен. И тем более очевидно, что они не имеют ни одинаковой сущности, и никоим образом не могут принадлежать одной и той же универсальности – хотя бы потому, что они взаимно уничтожаются и враждуют между собой – ни непосредственно происходить от одной и той же причины. (Книга о двух началах, около 1240) ⁶⁰

Интересно заметить, что в Тулузе, в одно время с тем, как в Италии творил Джованни де Луджио, горожанин Пейре Гарсиас – хотя и бесконечно менее ученый, чем представитель следующего поколения Пейре Отье – уже кое-что знал о катарской экзегетике Бытия и ничто; по крайней мере, это видно по упоминаниям его старшего брата:

Когда я ему говорил о словах Писания "Без Него ничто не стало быть, что стало быть" (Ио 1,3), он сказал мне, что видимые вещи не означают ничего другого, кроме как человека, грех и ничто..." (показание Гийома Гарсиаса)

⁶¹

Но чтобы объяснить аргумент Павла о том, что Бог создал "всё видимое и невидимое (Кол 1,16)", Пейре Гарсиас говорил просто, что здесь имеются в виду "небесные вещи, видимые глазами сердца, но невидимые глазами телесными"...

⁵⁹. Писания... 204-205.

⁶⁰. Перевод René Nelli, *in ibid.* 135.

⁶¹. Перевод Jean Duvernoy. См. note 42 *supra*.

Если Анонимный Трактат из Лангедока противопоставляет благое и дурное творение, *Книга* ставит вопрос о самом злом творце, о дурном дереве, которое приносит дурные плоды. И это приводит к тому, что делается вывод о существовании двух первоосновных начал, то есть независимых друг от друга и в какой-то мере совечных – источнике зла, которым является ничто, и Бога, которому принадлежит Бытие, милосердие и вечность.

... Следует сделать вывод (...) что существует иное начало, начало зла, являющееся причиной всякого беззакония, всякой скверны, всякой неверности и даже всей тьмы... (*id.*)⁶²

Автор этой книги Джованни де Луджио, катарский епископ альбанистов из Децензано, предстает перед нами как ученый доктор и прекрасный теолог, уже идущий дальше схоластических методов и умышленно цитирующий Аристотеля. Он также опровергает расхожее мнение о "двух богах, одном хорошем, другом - плохом", и уточняет, что не существует благого начала, которое бы не называлось Богом – единым истинным Богом - Отцом, *всемогущим в области Добра* – в той области, которая на самом деле *есть* – в то время, как злое начало *могущественно в области Зла* – то есть, в этом мире.

Разделенная на семь частей, дошедшая до нас книга, то есть, увы, в виде фрагментарного резюме, тем не менее, призвана служить "обобщением для пользования несведущим", или представляет собой *compendium*, написанный с педагогическими целями. Прежде всего, в нем подобрана аргументация о существовании злого творца:

Сказано в Книге Премудрости (1.13): «Бог не создавал смерти и Его не радует гибель живущих». Таким образом, существует, без всякого сомнения, другой творец или «принцип», который является началом и причиной смерти, гибели и всякого зла... (*id.*)⁶³

Далее следует четкое определение, где дается различие между иллюзорным могуществом во зле злого начала, и реальным всемогуществом в бытии истинного Господа Бога. В этом всемогуществе нет ничего от способности совершать зло, потому что оно определяется через комплекс универсальных категорий Добра - бытие, милосердие, вечность. Именно потому, что Бог всемогущ в бытии, Он не может делать зла, которое есть ничто. И вновь мы видим двойной схоластический аргумент о евангельской притче:

Более того, если в свидетельствах святых Писаний истинный Господь Бог назван всемогущим, не стоит считать, что Он называется так потому, что может делать – и делает – что-либо злое (...) То, о чем обычно думают, как об атрибутах Бога, на самом деле есть самим Богом, потому что Он не состоит из акциденций, как считают некоторые ученые доктора. Отсюда со всей необходимостью следует, что Бог и Его воля – это одно и то же. Благой Бог не может ни лгать, ни совершать никаких злых поступков, именно потому, что Он не хочет, поскольку истинный Бог не

⁶². *In ibid.* 140.

⁶³. *In ibid.* 142-143.

может делать того, что Он не хочет, и так происходит – повторим еще раз – потому что Он и Его воля это одно и то же. (*Id.*)

Термины "могущественный" и "всемогущий" используются с высокой степенью точности. Бог является всемогущим в той области, которая существует на самом деле – в Добре. Он не может и не хочет делать зла, потому что Он есть тем, что Он хочет, и Он есть Добром, в то время как зло является небытием. То, что Бог не является могущественным в области зла, вовсе не умаляет Его всемогущества, но просто означает, "что существует другое могущество в области зла"... Могущественное только во зле, злое начало обречено на поражение в конце времен – в вечности могут существовать только универсальные категории Добра. В конце мира и конце времен, оно исчезнет вместе со своими проявлениями и вместе со своими творениями: "Об уничтожении могущества зла" называется следующая подглава *Compendiuma*. Этот мир, "что во зле лежит" согласно евангелисту Иоанну, является предбанником Зла, то есть адом.

И наконец, и это напоминает нам некоторые гностические тезисы первых веков, злой творец явно ассоциируется с Яхве Книги Бытия: автор – епископ Джованни де Луджио – ссылаясь на Библию, делает следующие комментарии, как-то: "Когда злобное божество совершило скверну"... "Когда злобное божество приказало силой отобрать имущество чужеземцев и совершать убийства"... "Злой творец..."; тем самым катарский доктор доказывает, что творец Книги Бытия не может быть Отцом, Богом Любви, которого проповедовал Христос, демонстрируя это: "Когда злобное божество прокляло Христа...", "Когда это божество солгало...", "Как злобное божество не собиралось выполнять своих обещаний", и наконец "Как это божество управляется в видимом мире" – тогда как Царствие истинного Бога "не от мира сего".

Кем на самом деле есть это злобное божество Ветхого Завета, которого катарский доктор отказывается признавать истинным Богом? Что это за дурное дерево, злой творец? Катарские проповедники понимали под ним образ дьявола, Люцифера, Сатаны, или "древней змеи" Апокалипсиса, и рассказывали, как – еще до начала времен – он поднялся на штурм Царствия. Кстати, катарские проповедники не особенно отрицали весь комплекс Библейских Писаний, даже Книгу Бытия, которая, согласно им, была рассказом о злом творении видимого и преходящего мира. В книгах Ветхого Завета, особенно поэтических и пророческих книгах, Книгах Мудрости, они находили много аргументов, основываясь, например, на рассказе о народе Божьем в плену у "царя Вавилонского", ожидающем "пастыря доброго", который приведет его в отчий дом.

Естественно, что своей пастве Добрые Люди проповедовали не о диалектике бытия и ничто, и не о фундаментальной оппозиции двух начал; но, отточив легкость и мудрость аргументации, читали и комментировали Писание для своих верующих, следуя нити библейского рассказа, однако пересмотренного, расцвеченного и вдохновляющего людские надежды на Царствие Божье, которое не от мира сего, о миссии Христа и спасении душ.

Изгнание и Царствие

Фундаментальным мифом катаризма является апокалиптический миф. Это рассказ о великой битве архангела и дракона, о падении ангелов и ожидании "новой земли" и "нового неба" небесного Иерусалима. Но экзегетическая традиция Добрых Людей видела в Апокалипсисе не столько исключительно пророческую книгу, возвещающую будущие бедствия, сколько переносила его в историю творения, вычитывая в нем скорее повествование о трагедии, выпавшей на долю первых времен, чем провозвещение грядущих катастроф. Эпизоды из Ветхого Завета, как, например, вавилонское пленение, или христианские мифы, скажем, о падении Люцифера, дополняли этот рассказ, придавая ему связность и колорит. Анти-катарская литература XIII века дает очень короткий обзор и некоторые выдержки из этой космогонии; книги самих катаров, и особенно воспоминания о проповедях Добрых Людей, содержащиеся в архивах Инквизиции, раскрывают нам более детальную и полную картину, лучше вписывающуюся в общую христианскую культуру.

Вот как, в общих чертах, объясняет их прочтение Библии изгнание в этот мир, князем которого есть Сатана, и то, как божественные души покинули небесную родину. Подобные религиозные построения характерны и для гностиков времен раннего христианства. Но если гностики, с помощью апокрифических писаний, создавали сложнейшие умопостроения и запутанные символические конструкции, катарская космогония сводится к одной сущностной теме, основанной на исключительно канонических Писаниях и полностью ориентированной на христианское обетование Спасения.

Единственная апокрифическая книга, фигурирующая в арсенале катарских текстов - это часто используемое в средневековом христианстве Видение Исаяи. Даже и сегодня популярен красивый образ из этой книги - о следующих одна за другой божественных сферах, поднимающихся до "седьмого неба", вершины всякого экстаза... Там Добрые Люди вычитывали описание Царства Божьего, Царства их "Отца Небесного", которое они преимущественно дополняли описаниями города золотого из Апокалипсиса или Пророческих книг - особенно часто эти образы использует автор Анонимного Трактата. Своим ошеломленным верующим проповедники говорили о бесконечном свете божественного мира и его творений. Гийом Белибаст рассказывал: "сказано в пророчестве пророка Исаяи", что однажды Добрый Человек был вознесен ангелом. Они поднимались на несколько небес, "и чем выше они поднимались, тем прекраснее были люди и вышний свет". И наконец, они достигли Царствия:

... они прибыли на седьмое небо и увидели Отца Святого. И там был свет немеркнущий и люди прекрасные. И на головах их были короны ярче солнца. И все люди семи небес пели песнь Сиона. Но на высшем небе пели

лучше других. И это место было самым прекрасным; там всего было в изобилии... (Показания Пейре Маури) ⁶⁴

Само собой, при этом вспоминается хор ангелов на Рождество, о котором говорится в Евангелии от Луки: "Слава в вышних Богу". Ведь разве не на эту тему "вышних небес", то есть, "седьмого неба Отца Святого", однажды, в день Рождества 1227 г. проповедовал катарский епископ Каркассе Жирот Абит для населения и гарнизона *castrum* Кабарет, осажденного королевским сенешалем?

- Падение ангелов.

Мир единственного истинного Бога несет черты Его образа: света и вечности. Таковы и Его создания – ангелы, сотканные из Добра, которых не касалось никакое зло. Однако настал день, когда в эту неизменную вечность вторглось зло, которое пошло на приступ золотого города. Зло, князь тьмы внешней, дракон Апокалипсиса, проник в Царствие, которое не знало об этом в своей безмятежности:

"Большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем; хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю..." (Апок 12, 3-4).

Эта треть звезд небесных – Божьи создания, ангелы, которых враг увлек с собой в падение во время великой "битвы в небесах", когда архангел Михаил и его небесные легионы, одержав победу, стали преследовать неприятеля:

"И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и Сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним..." (Апок 12,9)

Возможно, на тех же апокалиптических образах мыслители из окружения греческого Отца Церкви Оригена – или их западные последователи – основывали параллельные мифы о падении Люцифера: прекраснейший из ангелов Божьих, из гордыни восставший против своего Господа и низвергнутый. Третью ангелов Божьих были сметены с неба древним драконом. "Они падали на землю так густо, как капли дождя или цветы в траве", - нашел для этого описания прекрасный образ молодой Доброй Человек Жаум Отье, однажды проповедовавший по дороге в свисте ветра для молодого пастуха Пейре Маури. Но следует ли воображать только событие, связанное с насилием, прямое вторжение и увлечение силой ангелов, захваченных врагом, судорожным движением его хвоста, как это можно предположить из текста Апокалипсиса? Действия дьявола кажутся более хитроумными, наподобие действий змия в Книге Бытия, соблазнившего Божьи творения, которые были обмануты, но все же соображали, что делали, как это можно видеть из проповедей некоторых Добрых Людей? Так кто же были эти ангелы, жертвы или грешники, и в какой степени?

⁶⁴. JF 982.

Это очень важный вопрос, потому что он определяет возможность решить теологическую дилемму о первородном грехе и свободе воли. Согласно господствующему прочтению Библии, например, с точки зрения Римской Церкви, Адам и Ева, созданные Богом, были обольщены "древним змием", и свободно выбрали, и таким образом привнесли в творение, грех и зло; да и сам Люцифер обнаружил в своей божественной натуре способность выбирать зло. А вот еретики вообще оставили в стороне вопрос о первородном грехе падших ангелов и отрицали всякую ценность "псевдосвободы воли". *Книга о двух началах* предоставляет достаточно ясные разъяснения по этому вопросу и прекрасную теологическую рефлексию.

Вначале автор ставит вопрос о том, насколько творение Божье участвует в Его бытии, которое по определению является благом:

Все доброе, что мы встречаем в созданиях Божьих, происходит непосредственно от Бога и дано Им. Это Бог дает Добру Своё бытие, и Он есть его причиной, как мы уже установили. Но зло, когда оно встречается в народе Божьем, не происходило от истинного Бога и не было Им явлено: это не Бог позволил ему существовать, потому что Он не является его причиной и никогда не был... (*Книга о двух началах*)⁶⁵

Потому, как можно предполагать, что народ Божий мог *свободно выбрать* зло, явившееся ему, и свое смертное человеческое существование?

Становится абсолютно непонятным, каким образом ангелы, созданные добрыми, могли возненавидеть добро, подобное им, и существовавшее вечно, а также, почему эти добрые ангелы склонились ко злу, еще не существовавшему, и полюбили его, и как они восстали против блага, если нет иной причины... (*Id*)⁶⁶

Таким образом, захваченные или обманутые этой злой "причиной", независимой от Добра, то есть злым началом, драконом, змием, Люцифером или Сатаной, ангелы и пали в этот мир. При этом они не были ни ответственны, ни виновны, ибо не могли *свободно* устремиться к злу, что было бы против их природы и их бытия. Идея о свободе воли, которой великая Церковь оправдывала существование зла в мире, созданном всемогущим Отцом, с точки зрения Добрых Людей была всего лишь теологической уверткой: иллюзией. Как способность выбирать зло может представлять собой нечто позитивное, свободу, ведь свобода принадлежит к категориям Добра, к благим плодам благого дерева? Выбор зла – это всегда порабощение, он противоположен истинной свободе, которой является *освобождение от зла*.

В своих проповедях Добрые Люди по-разному излагали, в силу своего вдохновения или полученных знаний, какие именно аргументы использовал Сатана для того, чтобы убедить ангелов следовать за ним; например, возбуждал их гордыню и вкус к власти, в чем просвечивает легенда о Люцифере. Гийом Белибаст дает нам образ прекрасной и желанной женщины. Жаум Отье

⁶⁵. *Ecritures...* 103.

⁶⁶. *In ibid.* 106.

говорит о благах мира сего: "Я дам вам быков, коров и множество всякого богатства." И о простых радостях жизни: "и жен, чтобы вы не скучали..."

У вас будут собственные дома, у вас будут маленькие дети, и у вас будет больше радости от одного ребенка, чем от всего блаженства, которое вы имеете здесь... (Показания Пейре Маури)⁶⁷

И юный Добрый Человек красноречиво описывает, как, когда треть ангелов пала вместе с Сатаной, Бог Отец, вздыхая, пророчески обращается к ним:

Вы уходите, чтобы служить чужому богу на земле не вашей (Иер. 5, 19). И вы пребудете в смуте и тоске, во зле и скорби в этом чужом мире... И вы не узнаете ни покоя, ни отдыха, пока не вернетесь в Моё Царствие, ибо в этом мире нет ничего постоянного. Все, созданное Сатаной, рождается и исчезает, и ничто там не вечно. Только вы, дети Мои, пребудете вечно... (*id*)

- Земля забытья.

Миф об изгнании детей Божьих в чужой мир присущ всему христианству. Это он вдохновлял в XIX веке романтика Ламартина, писавшего, что человек — это "падший ангел, который помнит о небесах". Таков был и рассказ катаров о самом начале, о том, как творения Божьи, увлеченные на землю Сатаной, тут же поняли — однако, слишком поздно — свою ошибку и своё несчастье. Добрый Человек Жаум Отье, продолжая просвещать пастуха Пейре Маури, сравнивает падших ангелов с детьми Израилевыми, высланными царём Вавилонским, перефразируя известный Псалом 136 — песнь пленения:

На реках Вавилонских,
Там сидели мы и плакали,
Вспоминая о Сионе.
На вербах посреди его
Повесили мы наши арфы...

Как нам петь песнь Господню
В земле чужой?
Если я забуду тебя, Иерусалим,
Забудь меня, десница моя...

Молодой проповедник толкует Псалом таким образом, что выводит из него связный рассказ о воплощении душ:

Когда эти духи упали с неба, после того, как последовали за Сатаной (...), то они раскаялись, что покинули Отца Небесного, и начали петь песнь Сиона, как они обычно делали, будучи подле Отца Небесного. Услышав это, Сатана сказал им: "Так вы еще помните песнь Сиона?". Они ответили, что да. Сатана им сказал тогда: "Я отправлю вас в землю забытья, где вы забудете, что вы говорили, и что вы вообще были в Сионе!". И тогда он

⁶⁷. JF 929-930.

одел их в плащи, то есть в тела в земле забытья... (Показания Пейре Маури)

68

Вот как ангелы Божьи, падши, были заключены в "одежды из шкур" или "плотские тюрьмы". Таково человеческое бытие, представляющее собой соединение божественной души и "тела из глины", созданного дьяволом, в котором тот заключил душу. Из этого всякий средневековый верующий, как и современный ученый, мог сделать вывод, что человеческие души это и есть падшие ангелы. Упоминание о "земле забытья" чрезвычайно важно, поскольку оно обосновывает идею, что для постоянного порабощения божественного бытия в телесной скверне, князь мира сего пытается стереть всякий след о памяти об Отце; вот версия Гийома Белибаста:

"Когда духи, созданные Отцом святым, обманутые Его врагом, покинули небо, враг Божий одел их в плащи, то есть в тела, чтобы заставить их забыть славу Божью, в которой они пребывали..." (Показания Арнота Сикре, 1321) ⁶⁹

Итак, злой творец, дурное дерево, приносящее дурные плоды, не может создать ничего вечного, это под силу только Богу. "Дьявол не может создать ничего стабильного и крепкого". Его мир – это мир, где всё рожденное стареет – и в конце концов умирает. Это всего лишь мир, где цикл за циклом воспроизводится материальная жизнь, воспроизводится бесконечно и впустую, и повторяется вновь и вновь. И всё, на что творец этого мира способен в данных границах, так это тянуть и тянуть время – его исключительное оружие, создающее иллюзию хаотической вечности.

Тела стареют и в конце концов умирают. Но души вечны, они ангелы Божьи, покинувшие Царствие. Какова судьба каждой из них после смерти тел из глины, в которые они заключены? Они - узники забытья и зла, которые не дают им никакой передышки, и когда они оказываются лишенными плоти, все, что им остается – это бежать в первый попавшийся эмбрион и вновь родиться - "Ибо когда дух человеческий оказывается в теле, он может передохнуть, потому что его не жгут более злые духи", объяснял Гийом Белибаст⁷⁰. Злой творец делает всё возможное, чтобы удержать пленных вдали от всякого луча света, в забытии, страхе и покорности. Через воспроизведение тел пленение душ продолжается до бесконечности.

Если верить антикатарским Суммам XIII века, "умеренные дуалисты" считали, что души, начиная от первого падшего ангела, размножаются одновременно с телами; в то время, как "абсолютные дуалисты" – по крайней мере, все окситанские катары – придерживались концепции постоянного перерождения душ, падших с неба в "одежды из шкур" князя мира сего.

И в том, и в другом случае, это учение о перевоплощении достаточно далеко от концепции буддистов или сторонников *new age* о

⁶⁸. JF 931

⁶⁹. JF 770.

⁷⁰. *Id.* JF 966.

циклических реинкарнациях согласно закону *Кармы* с целью постепенного очищения⁷¹. Некоторые свидетельства, исходящие от последних верующих, говорят о возможности воплощения душ в телах животных; говорили ли об этом так ясно сами Добрые Люди? Мы ставим здесь знак вопроса, потому что такая возможность не очень хорошо вписывается в спасительную функцию их Церкви. Как бы там ни было, заключенные дьяволом в созданные им тела в "земле забвения", божественные души "переходят из одного плаща плоти в другой", и, согласно Анонимному Трактату, "старятся в земле чужой" (Вар 3,10)⁷².

На этой стадии ситуация кажется патовой. Два параллельных мира, закрытые друг от друга, существуют, не пересекаясь. В вечности сияет золотой город, народ которого поет песнь славы в вышних. Падшие ангелы, изгнанные и находящиеся во власти зла, спят, забыв свою небесную родину; механическая репродукция плащей плоти бесконечно продолжает их пленение во времени. Но разве может допустить такое в вечности Добро, которое есть Бытием, разве может оно не восторжествовать? Как Отец Небесный, Бог любви и прощения, в Своем бесконечном милосердии, может не сжалиться над Своими детьми, душами – этими овцами Израилевыми, столь печально заблудшими? Послушаем, что скажет на это ученый схоласт Джованни де Луджио:

Господь Бог наш, из-за великой любви, которой Он возлюбил нас, сжалился над нами, как Апостол учит Ефесян: 'И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил (Еф 2,5)'. (Книга о двух началах)⁷³

Пастух Пейре Маури, который никогда не упускал возможности получить просвещение и подумать, задает вопрос Доброму Человеку Жауму. Если дьявол наслал на ангелов забвение, как могли они вспомнить о своем происхождении и падении из Царствия? Кто напомнил им Песнь Сиона? Вопрос, без сомнения, риторический, поскольку он дает молодому проповеднику возможность с большой ясностью показать главные вехи своей веры, которые следует знать верующему, и изложить их в прекрасном синтезе. Когда пастух пересказывает проповедь Доброго Человека, не пытается ли он, передавая эту ясность, убедить инквизитора в том, как четко были выстроены аргументы еретиков? Ведь в этих нескольких словах явлена вся перспектива земной миссии Христа:

Он ответил, что от Бога-Отца пришел Тот, кто вернул нам память и показал нам, через Писания, данные Им, как мы можем достичь спасения и избежать власти Сатаны. И если мы покинули Царствие из гордыни, Он показал нам, как вернуться, после тех слёз и страданий, которые мы перенесли в этом мире, переходя из одного плаща плоти в другой. И из Его уст вышел Дух Святой, показавший нам дорогу к спасению... (Показания Пейре Маури)⁷⁴

⁷¹. Roland Poupin, *Les cathares et la réincarnation*. Toulouse, 1998.

⁷². *Ecritures...* 212.

⁷³. *In ibid.* 137.

⁷⁴. JF 931

Христос: тень и свет

Разумеется, Христос пришел посеять зерна памяти в земле забвения. Он пришел от Отца. Из Его уст изшел Дух Святой. Ибо Отец, в Своем бесконечном милосердии, не мог позволить себе утратить падших ангелов. Потому Он послал Своего Сына Иисуса Христа в мир чужого бога, чтобы спасти души из рабства и привести их в небесную овчарню. Образ спасения: пастырь добрый послан искать "погибших овец дома Израилева" (Мт 15,24).

Чтобы пробудить ангелов, спящих в телесных тюрьмах, посланец Божий напомнил им об их небесном происхождении и дал им средство Спасения. Он также провозгласил "Благую Весть" Своего Евангелия, средоточие самого христианского послания: Бог – Отец всех душ, Он любит их, Он благ, а милосердие Его бесконечно. Царствие Его не от мира сего. И души, Его погибшие дети, тоже не от мира сего. Рожденные в свете, они упали в грязь, в чужую землю. Как и их Отец Небесный, эти обитатели Царствия благи по своей природе. Но попав в рабство, они просто "забыли", что они благи.

Но "все они рождены благими и равными между собою", проповедовали Добрые Люди. Путь к вечному спасению, иначе говоря, к прощению Божьему, открывая великое возвращение в город золотой, был обещан всем. Земля обетованная. Таков глубинный смысл *entendensa del Be*, устремления к Добру Церкви Добрых Людей.

- Природа Христа

Если Добрые Люди провозглашали себя христианами и несли христианское послание до самого конца, до костра, то это не просто потому, что вся их культура и все их авторитеты были христианскими, но также потому, что личность Христа была основой миссии их Церкви, их практики и их веры. Просто их интерпретация роли и природы Христа отличалась от интерпретации Церкви Римской. Возможно, это различие в толковании природы Христа было в глазах Рима еще большей «ересью» катаризма, чем дуализм творений?

И те, и другие, Добрые Люди и клирики Римские, были согласны в том, что видели в Христе Спасителя; они расходились в оценке смысла Его прихода. В Римской Церкви преобладала теория о том, что Сын Божий стал человеком, пришел в этот мир, чтобы пострадать и умереть телесно, чтобы освободить творение от первородного греха. Добрые Люди не верили в "первородный грех" творения, но в насилие и ложь "могучего во зле". В Христе они видели посланца Благой Вести Евангелия, который "через уста Святого Духа" – дыхание и Слово – передал в мир крещение покаяния, обеспечивающее вечное Спасение каждой изгнанной душе. Какой смысл в осуществлении этой миссии могли играть Его страдания и смерть?

Согласно логике катарского христианства, страдания и смерть Христа, Сына Божьего и посланца Царствия, не просто не имели никакого особого смысла, но как и всякое страдание, всякое насилие, были неприемлемы.

Будучи дуалистами, Добрые Люди оставляли Церкви мира сего, Римской Церкви, интерпретацию Отца, пославшего Сына на смерть; милосердного Бога, способного применять средства зла – страдания и смерть, дурные плоды дурного дерева – чтобы достичь своих целей; и культ распятия, который для них было всего лишь орудием пыток.

Конечно, Добрые Люди не отрицали Страсти Христовы. Наоборот, они читали и комментировали евангельский рассказ на эту тему, а их епископы торжественно проповедовали на Страстную пятницу и в день Пасхи. Они знали, что Христос и Его апостолы были гонимы сильными мира сего, ибо этот мир лежит во зле. Их Церковь тоже была преследуемой, но не преследовательницей, демонстрируя тем самым легитимность своего апостольского наследия. Но Отец послал Сына Своего не для того, чтобы Он был преследуем и убит. Страсти были следствием – но не смыслом – Его земной миссии. Разве Сатана, князь мира сего, не отреагировал бы всем имеющимся у него арсеналом насилия и средствами зла на такой фундаментальный подрыв своей власти? В этом мире зла Христос и Его апостолы, "посланные как овцы среди волков" (Мт. 10,16), были "ненавидимы и гонимы" злом – как и все истинные христиане, следующие путем справедливости и правды, и освобождающие души из тюрем.

Вот как Гийом Белибаст, не скрывая ужаса, рассказывает верующим о Страстях Христа, преследуемого фарисеями – слугами зла или "детьми дьявола":

И тогда пришли фарисеи с солдатами, дети дьявола; и схватили Его. И эти фарисеи и сержанты нанесли Сыну Божьему всевозможные оскорбления, и прокаженные плевали Ему в лицо. А Он простил их всех (...) Потом, насмеявшись над Ним, они бичевали Его, прибили к кресту и нанесли Ему многочисленные раны... (показания Арнота Сикре, 1321) ⁷⁵

Добрые Люди не почитали символ креста и не выказывали ему никакого уважения; в их глазах он был орудием смерти, а не знаком жизни. Более того, они относились к нему с презрением. "Если бы твоего отца повесили на виселице, поклонялся бы ты орудию его страданий?" Подобная фраза из проповедей встречается повсюду, от Греции до Окситании, в начале и конце истории катаризма.

Но Христос страдал и умер лишь по видимости. "Бог не может умереть", мудро заметил Гийом Белибаст:

Я слышал, как покойный Гийом Белибаст, еретик, говорил, что Сатана, творец мира сего, делал всё возможное, чтобы Сын Божий был убит евреями, которым казалось, что Его распяли; и им также казалось, что Он умер. Но Он, Сын Божий, никогда не страдал ни от горя, ни от зла, ни от скорби, ни от смерти (...) Но Сын Божий дал себя распять и покрыть ранами по видимости, чтобы Сатана подумал, что Он оказался в его власти... (Показания Пейре Маури) ⁷⁶

⁷⁵. JF 772

⁷⁶. JF 1001

Здесь прозвучали важные слова: видимость, подобие. Христос не воплощался по-настоящему в этом мире; у Него было подобие физического тела. Если Он страдал и умер на кресте, то лишь по-видимости. Таковым же было и Его телесное бытие: "Тот, кого называют Сыном святой Марии, пришел на землю и проповедовал, но по-настоящему Он не ел, ни пил, не испытывал ни голода, ни жажды, не страдал ни от жары, ни от холода...", говорил Пейре Отье.⁷⁷

Катары возродили древние диспуты первых веков христианства о природе Христа, и явно склонялись в пользу Его божественной природы – не очень соглашаясь с верой в Его человеческое воплощение. Спасение, принесенное Сыном Божьим, не исходило от Его смерти и страданий, как считала Римская Церковь. Имея божественную природу, Он не мог оскверниться плащом плоти, созданным дьяволом. Он не был падшим ангелом, но Сыном, посланным Отцом. Вот почему с точки зрения Добрых Людей, Христос никогда не облачался в человеческую природу, то есть в плоть и кровь, но пришел просто в образе человека, "вотенившись" через Деву Марию. Это очень древнее слово и древняя концепция. При всех различных нюансах применения этой концепции, средневековые еретики, вопреки католической догме о Воплощении, в основном были "докетистами". Христос сошел прямо из Царствия, в сиянии Своего божественного бытия, которое Он просто попытался скрыть – то есть *вотениться* – укрыться в тени человеческого подобия, чтобы проповедовать среди людей и заставить Сатану врасплох.

В 1320 году, в высокогорном графстве Фуа, еще кружило эхо притчи, иногда используемой Добрыми Людьями, смысл которой осиротевшие верующие уже понемногу утрачивали. Однако, этот "миф о пеликане" выделяется среди историй и *exempla*, применявшихся катарскими проповедниками для иллюстрации своих тезисов, чистотой и ясностью:

"Есть птица, называемая пеликан, и блистающая, как солнце, и сопровождающая солнце. И у этой птицы были птенцы. И когда она оставляла гнездо, чтобы сопровождать солнце в далекий путь, приходил зверь, который калечил птенцов и отрывал им клювы. И когда пеликан возвращался к птенцам, (...) он их лечил. (...) В конце концов, пеликан решил скрыть свое сияние, чтобы укрыться подле птенцов. И когда пришел зверь, он схватил его и убил (...). Он это сделал, для того, чтобы освободить своих птенцов от страданий, которые причинял им этот зверь..." (Показания Берната Франке, 1320)⁷⁸

Души, дети Божьи, также были освобождены от рабства зла, благодаря вмешательству божественного бытия, которое вотенилось, скрывая свой свет в этом мире.

Будучи недогматическим, катаризм оставлял место для многочисленных различий в интерпретации природы Христа: Сын Божий, изначально разделяющий божественное бытие, ангел Божий, усыновленный Им и

⁷⁷. JF 571

⁷⁸. JF 386

посланный для исполнения миссии. Но во всех случаях Он является бытием Блага, облеченным в славу *invisibilia* и *incompactibilia*. Все исследователи согласны с тем, что фундаментальный докетизм этой великой средневековой ереси отражает древние диспуты о природе Христа, когда ортодоксальным тезисам противостояли монофизиты, адопцианисты, ариане и большинство гностиков.

Отрицая человеческое воплощение Христа во имя Его духовной природы, еретики отрицали ценность краеугольного камня Римского христианства: таинства евхаристии. А ведь именно в это время, после Латеранского Собора 1215 года, папство жестко подтвердило догмат "святого таинства" преосуществления во время таинства на алтаре, тела и крови Христовой. И даже в разгар XIII века, во времена триумфа готической духовности, когда францисканская мистика сосредоточила духовность на человеческой и страдающей личности Христа, на величии Богочеловека, Добрые Люди не видели в Нем иной природы, кроме чисто божественной.

- Дева Мария во тьме

Сам Гийом Белибаст, теологическое образование которого было, конечно, более серьезным и глубоким, чем это обычно предполагается, в своих проповедях отражал многие традиции, наполовину ученые, наполовину народные, о личности Христа. Нет сомнения, что он адаптировал свой дискурс к аудитории, для которой проповедовал. Например, он говорил им о том, что Отец Святой в Царствии "оставленный духами и почти одинокий... был очень огорчен и все размышлял над падением духов, обманутых и забывших свою небесную славу"; и чтобы помочь им, Он стал писать книгу – то есть Евангелия:

Он положил ее посреди духов небесных, оставшихся с Ним в небесах, и сказал: 'Тот, кто исполнит все, что написано в этой книге, наречется Моим Сыном'... (показания Арнота Сикре)⁷⁹

И ангел по имени Иоанн, несмотря на ужасную перспективу Страстей, которым его подвергнет дьявол, согласился на эту миссию:

Он сошел с небес и появился, как новорожденный в Вифлееме. И мне кажется, что еретик говорил, что святая Мария расплнела, как будто была беременна, а когда подле нее появился ребенок и ее полнота исчезла, то она подумала, что родила этого ребенка, хотя она на самом деле не носила ребенка в своем лоне и не рожала... (*id.*)

Тот же Добрый Человек, описывавший Христа как ангела, созданного Богом, а потом усыновленного Им, в другой раз явно говорил о Нем как о Сыне, персонаже Троицы, единосущном Отцу, и отделенном от Него – вместе со Святым Духом – для Спасения. Об этой версии вспоминается неоднократно:

⁷⁹. JF 770-771

Вначале был только Бог-Отец, который как бы разделился на три части, и Сам всегда оставался на небесах, а две другие стали Его Сыном и Святым Духом, которые сошли в этот мир, посланные Отцом, а потом возвратились в небеса. И тогда, по воле Отца, Сын и Дух Святой вновь воссоединились с Отцом, как это было прежде... (Показания Пейре Маури) ⁸⁰

Чтобы ответить на практический вопрос, *a priori* пугающий, об обстоятельствах рождения младенца Христа, проповедники использовали разные образы, как, например, появление младенца подле Марии в Вифлееме, или рождение Его через ухо – что антикатарские Суммы приписывают умеренным итальянским дуалистам, и каковой миф фигурирует в богомильском апокрифе, *Interrogatio Johannis*. Для них было отвратительным представить божественное бытие спрятанным в материнской утробе – мрачном горниле рабства. Вот как следует понимать "педагогический" ригоризм фразы Пейре Отье, скорее дуалистический и докетистский, чем мизогинический:

Недостойно мыслить или верить в то, что Сын Божий мог родиться от женщины или вотениться в таком презренном существе как женщина. (Показание Себелии Пейре, 1322) ⁸¹

Так кем была Дева Мария в глазах Добрых Людей? Обычной женщиной, обремененной слишком тяжелой для нее ношей, принявшей ребенка, проникшего в нее через ухо и нашедшей его у своих ног? Некоторые свидетельства говорят нам обратное, исходя из чисто спиритуальной концепции образа Марии, схожей с концепцией о природе самого Христа, что вполне вписывается в эту исключительно спиритуальную религиозную систему. Пейре Гарсиас говорил о том, что Мария тоже была ангелом Божьим, пришедшим помочь Христу в Его земной миссии, как, впрочем, и евангелист Иоанн⁸². Как и Христос, "они были не из нашей плоти". Пейре Отье, убежденный в том, что Сын не может родиться из телесного лона, представляет своим верующим чисто аллегорическое видение Марии:

Он говорил, что Матерь Божья – это добрая воля и стремление делать добрые дела, согласно Евангелию: 'матерь Моя и братья Мои суть слушающие Слово Моего Отца и исполняющие его' (Лука 8, 21)... (Показания Себелии Пейре, *id*)

Возможно, на эту или подобную проповедь Доброго Человека опирался верующий Пейре Раймонд дез Уго, осужденный на костер за то, что посмел продекларировать свое нераскаяние и свою веру перед инквизитором Тулузы:

Далее, о таинстве Воплощения Сына Божьего, ты говорил и утверждал в манере кощунственной и неблагочестивой, что Бог никогда не входил в утробу святой Девы Марии, но что всякий может быть матерью, братом или

⁸⁰. JF 994

⁸¹. JF 571.

⁸². *Supra note 42.*

сестрой Бога, кто исполняет заповеди Отца. (Приговор Пейре Раймонда дез Уго, 20 сентября 1313) ⁸³

Но именно в приговоре Доброму Человеку Пейре Отье содержится наиболее интересная, хотя, увы, искаженная злобным инквизиторским лексиконом, концепция катаризма о Деве Марии:

"Ты лживо утверждал, что святая Мария, мать Божья и Господа Иисуса Христа, никогда не была женщиной из плоти и крови, но вашей Церковью, твоей и твоих сообщников, о которой ты говорил, что она есть истинным покаянием, и так, ты клеветнически выдумывал в своем неблагочестии и суетности, догматизируя идею о некоей Деве Марии во тьме..." (приговор Пейре Отье, 9 апреля 1310) ⁸⁴

Это особенно прекрасные слова, вызывающие в воображении образ преследуемой Церкви, упорно хранящей пламя веры в самом эпицентре опасностей, и блистающей как "дева Мария во тьме". Он не так уж далек от Девы из *Magnificat*. Может, это и странно, но *entendensa del Be* на самом деле включала в себя своего рода правдивый и изысканный культ Марии⁸⁵.

- И избави нас от зла.

Всё христианское послание катаризма пронизано прекрасной молитвой к Отцу, которую в Евангелии от Иоанна говорит сам Христос, освещая Свою земную миссию и делегируя ее апостолам – Своей Церкви:

"Я передал им Слово Твоё, и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира. Освети их истиною Твоею: Слово Твоё есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир..." (Ио 17, 14-18)

Апостолы, которых Христос "послал в мир", представляли столпы Его Церкви. Сын Божий поручил им миссию "проповедовать всем народам" благую весть Своего Евангелия, и крестить водой и огнем. Добрые Люди также видели в Писании основание своей Церкви, наследницы "Церкви Христа и апостолов". Словно звенья одной неразрывной цепи соединились в ясной связности, как мы уже подчеркивали, Орден святой Церкви, путь правды апостолов и устремление к Добру. Ритуалы литургии Добрых Людей звучат в унисон с их проповедями.

Во время передачи Святой Молитвы, предшествующей *consolament*, Старший из Добрых Людей напоминает послушнику о христианской традиции его Церкви:

⁸³. Перевод А. Brenon, *Choix hérétique*, 45.

⁸⁴. *In ibid.* 41

⁸⁵. Roland Poupin, "Les cathares et l'immaculée conception", в E. Le Roy Ladurie (под ред.), *Autour de Montailou, un village occitan*, 2001, p. 300-317.

Ибо народ Божий давно отделился от своего Господа Бога. А отделился он от совета и от воли святого Отца своего по той причине, что дал обмануть себя злым духам и подчинился их воле. Но мы знаем и верим, что святой Отец пожелал помиловать свой народ и принять его к себе в мире и согласии; для этого послал Он Сына Своего Иисуса Христа, когда пришло время милосердия. И вот теперь стоите Вы перед учениками Иисуса Христа, в том месте, где находится духовная обитель и Отца, и Сына, и Святого Духа... (Лионский Ритуал катаров),⁸⁶

Этот рассказ о падении и искуплении Христом "народа Божьего", предельно ясен, как и утверждение еретиков о том, что они являются "учениками Иисуса Христа". Они были Церковью, мистическим телом присутствия божественности *в духовном смысле*. Через них проходило божественное Спасение. Различные рассказы об установлении Христом святой Церкви - *sancta Gleisa* в Ритуалах, неоднократно встречаются в проповедях Добрых Людей. Вот, например, версия, принадлежащая Гийому Белибасту, и отличающаяся остроумной критикой "лживой Церкви", Церкви Римской, о которой еретик упоминает с усмешкой, но также говорящая о том, что на любви - а не только на крепости камня - Иисус основал Церковь Петрову...

Сын Божий сказал Петру: 'Петр, друг Мой, Я доверяю тебе веру и истину, и потому всё, что ты простишь на земле, будет прощено в небе Отцом Моим; а от тебя, Петр, Я хочу, чтобы сердце твоё было твердым, как камень, и нежным, как овца к своему ягненку...' (Потом) Он сказал (...) что эта власть будет передаваться от одного к другому, то есть от Добрых Мужчин к Добрым Мужчинам, и от Добрых Женщин к Добрым Женщинам, и так будет до скончания века. (Показания Арнота Сикре)⁸⁷

И Гийом Белибаст уточняет при этом, почему не Церковь Римская, а именно Церковь Добрых Людей имеет апостольское наследие:

"Церковь Римская считает, что у нее есть эта власть, однако она ее не имеет, ибо только тем, кто живет в справедливости и правде, даровал ее Сын Божий. Церковь Римская считает, что хорошо поступает, преследуя нас; она делает так, потому что не знает, в чем правда..." (*id*)

Своей Церкви дыханием Духа Святого Христос даровал власть связывать и развязывать, отпускать грехи. Ритуал *consolament* говорит об этом почти в тех же терминах, что и проповедник, напоминая, что "эта власть переходит от одного Доброго Человека к другому со времен апостолов", и вкладывает в уста иерарха точную цитату из описания Пятидесятницы у Иоанна:

Они приняли от Господа, как если бы они приняли от самого Его святейшего Отца, мужество и власть очищать других грешников крещением Иисуса Христа. Мы можем видеть это в Евангелии благословенного Иоанна, когда Господь Иисус Христос говорит Своим

⁸⁶. *Ecritures...* 229-230.

⁸⁷. JF 969-970

ученикам после Своего воскресения: 'Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас'. Сказав это, дунул, и говорит им: 'примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся' (Ио 20, 21-23)... (Латинский Ритуал) ⁸⁸

Святой Дух открывает также - как говорили еретические каноники, сожженные в Орлеане в 1022 г. - "глубинный смысл Евангелий", то есть послание пробуждения, раскрывающееся в христианине. Добрые Люди приводили в доказательство этому Евангелие от Иоанна (16,13): "Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину".

Мы помним, как Добрый Человек Жаум Отье проповедовал Пейре Маури, что "из уст Святого Духа" пришло спасение в этот мир. Имеющий многочисленные основания в христианских Писаниях, *consolament*, крещение Духом Святым, фактически представляет собой спасительный акт, избавляющий от зла. Его наиболее явственной функцией является отпущение грехов, как объясняет иерарх, проводящий церемонию:

Вы стоите перед лицом Бога, Христа и Духа Святого, поскольку вы стоите перед лицом Церкви Божьей, как видно из Писаний (...) чтобы получить прощение ваших грехов, благодаря молитвам добрых христиан и возложению рук. Таково духовное крещение Иисуса Христа. (Латинский Ритуал, *id.*) ⁸⁹

Это "святое крещение" было дано Христом апостолам, чтобы выявить в заключенных в этом мире душах их истинную природу, Добро, и сделать из них христиан, то есть "граждан Христовых" - одно из имен (Хриstopолитане), которыми называли себя богомилы, греческие братья катаров. Для тех, кто принимает это крещение, оно означает признание принадлежности к Христу, а не миру и его князю. Заметим еще, что это вмешательство и нисхождение Святого Духа через возложение рук апостолов - а потом Добрых Людей, их наследников - отсылает нас к катарской версии Троицы, предполагающей, что Дух был отделен от Отца, чтобы сопровождать Сына в Его земной миссии.

Как видно из *consolament*, устремление к Добру, изложенное в рассказе катаров о падении и искуплении, позволяет также открыть смысл главной молитвы Добрых Людей, являющейся христианской молитвой *par excellence*, молитвой, которую Христос в Евангелии дал Своим апостолам, то есть *Pater*. Право произносить эту "святую молитву", как мы видим, ритуально передается послушнику, во время специальной церемонии, предшествующей *consolament*. По сути дела, Христос доверил ее Своим ученикам, то есть крещеным христианам - а не простым верующим - которые не могли прямо называть Бога своим Отцом. Мы можем видеть в Ритуалах катаров отголосок этой церемонии. Иерарх фраза за фразой, объясняет неопиту значение каждого слова *Pater*.

⁸⁸. *Ecritures...* 250

⁸⁹. *In ibid.* 249

Мы понимаем также, какое значение имели в устах Доброго Человека такие выражения, как *Отче Наш, суший на небесах* - "чтобы отличить Его от отца дьявола, лжеца и отца злых", комментирует Латинский Ритуал⁹⁰; и еще *Да придет Царствие Твое* - "это как если бы говорили: Господи, выведи Свой народ из земли врага". Комментарий касательно значения слова «хлеб» особенно глубок по смыслу. Катары произносили версию *Pater*, находящуюся в Евангелии от Матфея: *Хлеб наш присносуший дай нам на сей день* - в то время, как Римская Церковь избрала менее спиритуальный вариант о хлебе насущном, из Евангелия от Луки. Это хлеб "вне всякой материи", и "хлеб преходящий" мира сего, благословенный Добрыми Людьми, является всего лишь его образом. Это "хлеб Слова Божьего".

"Под этим хлебом присносушим мы понимаем Закон Христов, данный всем народам", в самом начале говорит иерарх, приступая к длинной проповеди на эту важную тему. Можно сказать, что мы видим здесь основания, идущие еще из раннехристианского обряда благословения хлеба, который Добрые Люди практиковали за своим столом, в память Тайной Вечери, вместо евхаристии. Конечно же, здесь вовсе не имелись в виду ни тело, ни кровь в собственном смысле слова, ни телесные страдания, поскольку с точки зрения катаров Христос имел только тень тела, а крест в любом случае был орудием зла. Чтобы окончательно объяснить духовный смысл Тайной Вечери, катарский проповедник, разумеется, ссылается на Писания:

Это хлеб, о котором говорится, согласно нашей вере, в Евангелии от святого Матфея: «Перед тем, как они сели ужинать, Иисус взял хлеб [что значит: духовные заповеди Закона и пророков] и благословил его [что значит: одобрил и подтвердил их], преломил [что значит: объяснил их в духовном смысле] и раздал ученикам Своим [что значит: научил их духовному послушанию]. И Он сказал им: «Берите [что значит: будьте просветлёнными], ешьте [что значит: проповедуйте это всем]...» (Латинский Ритуал, *id*)

Ключевой фразой *Pater*, с точки зрения Добрых Людей, является последняя: *Libera nos a malo*, избави нас от зла. В ней словно сконцентрировано все религиозное видение катаров, вся их теология освобождения от зла и мира сего, с помощью Христа и Его Церкви. Избави нас от зла - "то есть от дьявола (...) и дел его", следует сдержанный комментарий иерарха в Латинском Ритуале. Теперь мы знаем - как знал и верующий, получавший *Pater* - что в этих простых словах содержатся все драмы и все надежды человечества.

Pater у катаров заканчивается древней доксологией: "Ибо Твое есть Царствие и сила и слава во веки веков, аминь", в которой проповедник находит еще один аргумент, подчеркивающий триумф Отца Небесного в вечности Его Царствия. Убежденность в окончательном Спасении.

Вечность Добра и Спасение

⁹⁰ *In ibid.* 240 et ss.

Благодаря миссии Сына Божьего, принесенной дыханием Духа Святого и постоянно пребывающей через посредничество Церкви, обеспечивается перспектива Спасения. Добрый Человек Жаум Отъе, проповедуя в шуме ветра молодому пастуху, не забывшему его слова, уточняет, что спасение, то есть возвращение в небесную родину, достигается соблюдением Заповедей Христовых: смирение против гордыни, правда против обмана и лжи, и вера в Христа:

И Он показал нам в Своем Евангелии, что даже если мы пали из рая из-за гордыни и лжи дьявола, потому что поверили Сатане больше, чем Богу, то все равно вернемся в небо путем смирения, правды и веры." (Показание Пейре Маури)⁹¹

В этом пути, открывающим Спасение и явленном в Евангелии, мы без труда узнаем "путь справедливости и правды", которому Христос обучил апостолов перед тем, как послать их проповедовать в мире, что во зле лежит - и который является основанием правил Добрых Людей. Можно определить этот способ жизни в теологических терминах как спасение *делами*, являющееся дополнительным к спасению *верой*. Но каким образом подобное соблюдение апостольского образа жизни обеспечит возвращение падших душ в небесную родину? Рассмотрим более подробно, как катарское христианство излагало перспективу Спасения.

- Вера, таинство и дела.

Спасение прежде всего достигается верой. "Кто будет веровать и крестится, спасен будет", категорически утверждает Евангелие от Марка (16,16). Именно на этих словах, начиная с XI века, еретики основывали критику практик Римской Церкви относительно крещения детей, не достигших сознательного возраста и, следовательно, неспособных *верить*. Вера является главным условием Спасения, необходимым, но недостаточным. Она помогает каждой душе в изгнании услышать послание пробуждения Сына Божьего, то есть, благую весть Евангелия, и принять его. Верить отныне "больше Богу, чем дьяволу". Она представляет собой личное вовлечение, определенное и абсолютное.

А вот крещение вступления в христианскую жизнь, второй шаг, санкционирует это пробуждение и это вовлечение. Другими словами, по образцу ранней Церкви, катарская Церковь уделяла его только сознательным взрослым, имеющим добрую волю. "Святое крещение Иисуса Христа Духом и через возложение рук" является самым настоящим таинством - то есть, является связью, единственно возможной связью, между Божественным миром и этим миром. Через возложение рук епископа и Добрых Людей передается Святой Дух Пятидесятницы. Жест возлагающего руки христианского иерарха - это продолжение жеста самого Христа, первым возложившего руки на апостолов.

⁹¹. JF 931.

Во время преследований XIV века, когда родилась золотая легенда катаризма, последние верующие вспоминали между собой сверхъестественный свет, нисходивший на того или иного верующего, в момент утешения его Добрыми Людьями...

Этот божественный свет, дыхание Святого Духа, омывающее душу, чтобы направить ее к Добру, является настоящим мистическим браком, воссоединяющим божественное творение, разорванное падением. Согласно "духовному смыслу", в котором толковалось все собрание христианских Писаний, Добрые Люди интерпретировали слова относительно брака - того, что Бог соединяет, а человек не может разорвать - как брака падшей с небес души со Святым Духом (который одновременно является и персонажем божественной Троицы, и духовным двойником души, оставшимся в Царствии), нисходящим на нее во время "крещения Духом". Вот как проповедовал Добрый Человек Фелип де Талайрак, заодно выступая против ложной практики Римской Церкви относительно телесного брака:

Только брак между душой и Духом ведет к Добру, когда душа не желает того, чего бы не хотелось Духу, а Дух не желает ничего, что бы не хотелось душе; и так они живут в согласии в состоянии справедливости и правды... (Пейре Маури, *id.*)⁹²

Пробужденный евангельской верой, потом омытый от грехов и облеченный в божественный Дух через *consolament*, христианин в прямом смысле "избавляется от зла". Он больше не принадлежит к миру зла. Он имеет силу больше не поддаваться соблазнам зла, которые проникают в него или проходят через него: греху. Таков смысл мольбы послушника, просящего об отпущении грехов:

Я предстал перед Богом, перед вами и вашим святым орденом, чтобы получить милосердие и прощение всех моих грехов, совершенных и соделанных мною (...) до сего дня... (Латинский Ритуал)⁹³

Очистившись от грехов, то есть, освободившись от зла, христианин принадлежит Добру. Он ангажируется полностью. Его "дела" представляют собой "должное соблюдение заповедей", или же "пути Праведности и Истины" и "правил Евангелия", обетов монашеской общинной жизни, посвященной Богу и Евангелию:

"Когда вы получите от нас Книгу, где написаны Заповеди, советы и предостережения Христовы, тогда же вы получите и Закон Христов о делах вашей души, который вы должны соблюдать всю свою жизнь..." (Латинский Ритуал)⁹⁴

Дублинский Ритуал тоже говорит о "добрых делах", совершаемых по образцу поступков Христа. И если христианин вновь впадет в грех, который

⁹². JF 944

⁹³. *Ecritures* ... 258.

⁹⁴. *In ibid.*... 255.

ему отпустили и от которого его освободили - солжет, поклянется или прикоснется к женщине - это означает, что зло все еще продолжает в нем действовать, и что по той или иной причине, он не был по-настоящему "освобожден от зла". В таком случае путь спасения мог вновь открыться для него через новое изучение Писаний и новое духовное крещение.

Мы видим также, до какой степени, с точки зрения Добрых Людей, дела вместе с верой и таинством, составляли интегральную часть дороги к Спасению. До какой степени малейшая ложь, малейшее попускание злу, непоправимо разрушали состояние христианина. И с этой точки зрения становится понятной настойчивость, которая *a priori* может показаться мелочной, и с которой Церковь требовала тщательного соблюдения евангельских правил каждым умирающим на пути к счастливому концу - и каждым христианином.

То, что составляет саму сущность *consolament*, священного фундаментального таинства, то есть стяжание Святого Духа, является действенным только в случае полного заангажирования нового христианина в служение Богу, только в случае, если его устремление к Добру является искренним и абсолютным. Латинский Ритуал очень ясно это излагает:

"Мы не можем спастись без этого крещения: но нас спасает не ритуал Церкви, а стремление содержать в чистоте наш дух, желание предаться Богу через посредство служителей Христовых. (*id*)⁹⁵

Согласно Окситанскому Ритуалу, подтвержденному многими показаниями перед Инквизицией, именно само Добро - Добро, целью которого является просветить и спасти - именно оно осуществляет спасительный ритуал *consolament*. Старший, сопровождающий послушника, просит для него заступничества общины:

" Добрые христиане, просим вас во имя любви к Господу даровать Добро, полученное от Него, нашему другу, присутствующему здесь..." (Лионский Ритуал)⁹⁶

Практика Добра, совершаемая Добрыми Людьями, либо должна была быть абсолютной, либо не быть вообще. Вот как Добрый Человек Жаум формулирует эту требовательность перед своим верующим, пастухом:

"Делать зло кому бы то ни было, даже самому дьяволу, это грех... И настолько ужасно делать зло даже ради блага (...), что никто никогда никому не должен делать зла" (Показания Пейре Маури)⁹⁷

Совершать зло, применять средства зла, практически означает усиливать власть Сатаны. И оставаться во власти Сатаны - который совершает зло через нас.

⁹⁵. *In ibid*.... 254.

⁹⁶. *In ibid*.... 234.

⁹⁷. JF 931

- Устремление к счастливому концу

Но получивший утешение христианин, верно следовавший до самой смерти дорогой апостолов, "и не грешивший больше", достигал Спасения.

Это могли быть посвященные Добрый Мужчина или Добрая Женщина, или простой верующий, принятый на ложе смерти. Отныне он ускользал от адского цикла воспроизводства тел, удерживавшего его в земле забытья. Его душа больше не перевоплощалась, но наконец-то отвечала на небесный призыв. Гийом Белибаст объясняет, что спасение одно и то же для всех, для утомленного воздержаниями монаха и для "работника последнего часа":

Поскольку вы устремлены к Добру, то и вы получите столь же большую награду, и вы имеете столь же великую надежду, как и я, который должен столько поститься и не высыпаться по ночам. (Показания Арнота Сикре)⁹⁸

Физическая смерть тела, в котором становятся христианином, для получившего утешение является последней смертью. Облеченная в Святой Дух, душа уходит из мира изгнания и достигает небесной отчизны. Она избавлена от зла в чужом мире. В отблесках света проповедей Добрых Людей мы видим надежду: душа и Дух, настоящая гностическая сизигия, воссоединятся в теле света, ожидающего в Царствии Отца Небесного, и на всю вечность восстановят божественное творение до падения.

В этом смысле можно также прочитать апокалиптический образ о "третьей части звезд небесных", увлеченных хвостом красного дракона: души, увлеченные в падение, являются средним из трех элементов, из которых состоят небесные творения - дух-душа-тело⁹⁹. Однажды в 1321 году, Гийом Белибаст, узник, ожидающий костра, проповедовал для предателя, который его продал, о бесконечной славе обещанного спасения. Он предложил покаяться своему Иуде. В этом случае, он, Добрый Человек, даст ему утешение, и потом они оба бросятся вниз, с высоты башни Кагельбо:

И сразу же моя и твоя душа поднимутся к Отцу Небесному, где для нас приготовлены короны и троны, и сорок восемь ангелов принесут нам золотые короны, украшенные драгоценными камнями, и встретят нас, чтобы препроводить к Отцу... (Показания Арнота Сикре)¹⁰⁰

Последний Добрый Человек знал, что его сожгут в любом случае, потому что он не собирался отречься, и он добавил к этой речи настоящее исповедание веры:

Меня не заботит, что станет с моим телом, ибо оно не принадлежит мне: оно принадлежит другому. Сам Отец Небесный не имеет ничего общего с

⁹⁸. JF 760

⁹⁹. См. А. Бренон "Церковь и Святой Дух. Исследование о понятии духа в катарской теологии", *Archipels...* p. 111- 127.

¹⁰⁰. JF 779-780.

моим телом, и Он не желал бы его в Своем Царствии, ибо тело человеческое принадлежит князю мира сего, который создал его... У Отца Небесного нет ничего в этом видимом мире, кроме духов... (*id*)

- И все будут спасены

"Все души созданы благими и равными между собой, и все будут спасены..."

Этот тезис из проповедей Добрых Людей звучит в унисон с теологическими книгами еретиков. Как Бог может допустить погибель хоть одной души? Как может хоть одна искра вечного бытия быть обреченной на вечные муки? Катаризм - это христианство универсального спасения.

(Пейре Отье) говорил, что те, кто спасется через их руки, не вернутся больше ни в тело, ни в этот мир. И когда все души людские, павшие с неба, вернутся до конца света, то, как он говорил, не будет никакого воскрешения в телах... (Показания Себелии Пейре)¹⁰¹.

Один за другим, спасенные Христом и Его Церковью, то есть, просвещенные Евангелием и освобожденные от грехов через *consolament*, каждый из падших ангелов сбрасывает оковы зла и достигает Царствия. Придет день, когда все они устремятся в полет, и тогда народ Божий вновь воссоединится. "И тогда этот мир будет уничтожен", а овцы Израилевы, собравшись в небесной овчарне, вечно будут славить Отца и петь Песнь Сиона. Пейре Маури кратко излагает для инквизитора эсхатологию надежды, которую он слышал из проповедей Добрых Людей:

Я слышал, как Жаум Отье и Гийом Белибаст, умершие еретики, говорили, что всякое творение Отца Небесного, то есть духи и души, будут спасены, и никто из них не погибнет. Но они переходят из одного плаща плоти в другой (...) пока не вселятся в тела, где достигнут состояния справедливости и правды и станут добрыми христианами, то есть еретиками. И этот мир не погибнет, пока все духи и души, созданные в небесах Отцом Небесным, которые согрешили и пали, не воплотятся в тела, в которых смогут стать добрыми христианами. (Пейре Маури)¹⁰²

Ясно, что в течение одной человеческой жизни все падшие ангелы не могут достичь спасения: известно, с каким остервенением дьявол удерживает их в рабстве и забвении, растягивая время и умножая вовлечение душ в плоть. Но поразительно то, что пока все творение Божье не будет полностью спасено, infernalная спираль новых воплощений в конечном итоге сыграет на руку Спасению Божьему, потому что рано или поздно каждая из душ получит тело, в котором будет избавлена от зла.

101. JF 573

102. JF 997.

Все души достигнут спасения. Даже те, кто обитает в преследователях Церкви Божьей, Римских клириках и монахах - среди которых первую скрипку играют инквизиторы - и они тоже могут спастись. Просто их души все еще спят, объятые злом и забвением Добра; но настанет день, когда и они пробудятся. Так проповедовал Пейре Отье:

О клириках Римских он говорил, что они глухи и слепы, ибо они сейчас не видят и не слышат голос Бога. Но в конце концов, после великих испытаний, они обретут разумение и узнают свою Церковь, в других телах, где они смогут познать правду... (Показания Себелии Пейре).¹⁰³

Ни один ангел из "народа Божьего", ни одна божественная душа не будет на всю вечность караема в аду. То, что некоторые из них могут попасть в тела палачей - или грубых животных - перед тем, как стать добрыми христианами, не может помешать им всем однажды спастись. Ад, владения зла, всего лишь этот мир, проповедовали Добрые Люди; и этот мир придет к своему концу:

Я спросил (Гийома Белибаста): 'Но души злых людей, разве они не попадут в ад после смерти?' Он мне ответил, что нет иного ада, кроме этого видимого мира, где духи переходят из одного тела в другое, из одного плаща плоти в другой, осуществляя свое покаяние. 'И, сказал он, этот мир не будет уничтожен, пока все духи, созданные Отцом, не будут воплощены в телах мужчин и женщин нашей веры, в которых они будут спасены и вернуться к Отцу Небесному. (Показания Арнота Сикре)¹⁰⁴

- Конец мира и тень небытия

Ибо мир этот исчезнет, когда все пленники вавилонские будут освобождены. Все Пророки и Апокалипсис единогласно предсказывали это.

"Пал, пал Вавилон, великая блудница...."

Ни проповеди Добрых Людей, ни катарские трактаты не оставляют ни малейшего сомнения в подобном исходе - который, следует сказать, был изначально запрограммирован: зло "не способно создать ничего прочного и стабильного", и его творение предназначено на уничтожение. Добрые Люди употребляли для этого слово «ад»:

Пейре Отье говорил, что после конца света весь видимый мир преисполнится огнем, серой и смолой, и будет уничтожен; и это он назвал адом. Но все души людские к тому времени будут в раю... (Показания Себелии Пейре)¹⁰⁵

¹⁰³. JF 579.

¹⁰⁴. JF 763.

¹⁰⁵. JF 573

Он будет уничтожен, этот иллюзорный и временный мир – когда последняя искра Божья выйдет из него. Он будет уничтожен, этот мир зла. Но что же станет с его побежденным Князем? Как показывает Джованни де Луджио, в Писаниях многократно говорится об "уничтожении могущественного во зле", и о триумфе Всемогущего Отца:

Ясно сказано в божественных Писаниях, что Господь истинный Бог уничтожит 'могучего' и все силы его, которые каждый день восстают против Него и Его творения. Давид сказал известные слова о том, кто могуч во зле: 'За то Бог сокрушит тебя вконец, изринет тебя и исторгнет тебя из жилища твоего и корень твой из земли живых' (Пс 51,7)... (Книга о двух началах) ¹⁰⁶

Добрые Люди сильно и образно показывали, как Сатана – но также его творения и демоны его – будут брошены в "бездну", о которой говорит Апокалипсис:

(Гийом Белибаст) бывало говорил об аде, утверждая, что когда всё творение Божье будет собрано, море разольется (...); и не будет больше ни луны, ни солнца (...) А потом придет огонь (...) И это море, вместе с огнем и небом обрушится в место, которое он назвал 'бездной', и не будет иного ада. И в эту бездну будут брошены и останутся там злые души, и демоны, и Сатана (Апок. 20, 11 и 20, 9). (Показания Пейре Маури) ¹⁰⁷

Так значит, эсхатология катаров оставляла место для вечного ада? Вопрос более сложный, чем кажется. Само собой, этот мир, который является владением и проявлением зла - "единственный ад" как говорил тот же Гийом Белибаст – будет разрушен. Но как насчет этой "бездны", которая будет *существовать* после конца света? В каком смысле Добрые Люди употребляли этот библейский образ? И здесь мы вновь присоединяемся к очень рациональным вопросам пастуха Пейре Маури.

Иногда (Добрые Люди) рассуждали о том, что никакое дело дьявола не сохранится, но (в итоге) прекратит свое бытие. Так, если демоны и злые духи принадлежат злему божеству, значит, они прекратят быть, они не могут существовать вечно. Поэтому они не смогут вечно жить и быть в аду. Но это противоречие я не мог разрешить... (Пейре Маури) ¹⁰⁸

То, что преходящий мир дьявола, в конце концов, будет разрушен, очень логично. Творя в измерении преходящего и смертного, дьявол может только, используя время, подражать вечности божественного творения. Но когда последняя спасенная душа покинет его владения и лишит их последней искры бытия, он полностью утратит бытие. Но когда сгниют плоды, что случится со стволом дурного дерева?

¹⁰⁶. *Ecritures...* 146.

¹⁰⁷. JF 990

¹⁰⁸. JF 998

Еще яснее, чем крохи из проповедей, оставшихся от Гийома Белибаста, дуалистические катарские трактаты, и особенно *Книга о двух началах*, разрешают кажущееся противоречие, выявленное пастухом из Монтайю. Установив, что Бог, Отец Небесный, не может быть началом и источником "всякого зла", проявляющегося в вещах, видимых и преходящих, но что со всей необходимостью должна существовать иная причина, другое начало, они придают этому злему началу, внешнему по отношению к Богу, со-вечность Богу, которая, однако, не коренится в бытии. Это квази *небытие*, *ничто*, как мы помним из Пролога Евангелия от Иоанна. Джованни де Луджио поднимает также "вопрос о том, что святые тексты говорят о злой вечности", которую он называет также "бесконечностью, издавна отличающейся от принадлежащей истинному Господу Богу":

Ибо то, что нечто называется именем, отличающим верховный принцип зла, или просто имеет имя, которым обозначают его последствия – и в том и в другом случае всё это указывает на единственную причину зла, вечную, бесконечную и древнюю... (*Книга о двух началах*)¹⁰⁹

И если зло имеет конец, то его причина остается в неопределенной бесконечности - укрытая, затаившаяся, глядящая без глаз, лишенная бытия тяжесть. Этот "темный корень зла", как определил его поэт и философ Рене Нелли, не участвуя в вечности Добра, ни само по себе, ни своими творениями, сам есть "бездной", которой он же и станет, когда свернется к своему небытию... Дьявол или "Отец дьявола", но причина зла останется именно потому, что она *бесконечно* чужда Богу, который вечен.

Для христианского народа, возложившего все свои надежды на вечность, на дорогу Спасения Добрых Людей, в любом случае, главное было абсолютно ясным: что когда дьявол и демоны его в конце времен будут "брошены в бездну", ни одна душа человеческая не будет составлять им компании в этом "аду"...

Катарская концепция универсального спасения всех душ, представляя приход Христа как сметающую преграды волну, уменьшающую неумолимость времени вплоть до полного его поглощения, на самом деле абсолютно противостояла концепции Страшного Суда и вечного проклятия, которой устрашающе бряцала Церковь Римская.

Известно, что господствующая Церковь особенно рьяно использовала все эти ужасы, искусно утверждая основы своей теократической власти. Христианскому народу, опасавшемуся за свое Спасение и ожидающему прихода Сына Человеческого, грядущего в облаках, попы и Братья-проповедники неустанно напоминали с кафедр, что в Судный день на всю вечность будут взвешены души живых и мертвых. И что потом, на всю вечность, души избранных будут вкушать райское блаженство, а души проклятых – то есть грешников – опять-таки на всю вечность, будут предоставлены во власть дьявола и брошены в геенну огненную. Вереницы проклятых, влекомые кривляющимися демонами, стали бесконечным «украшением» порталов кафедральных соборов.

¹⁰⁹. *Ecritures...* 153-154.

Добрые Люди разрушили этот вечный страх, противопоставляя ему ободряющую логику – которую катарский епископ Джованни де Луджио, автор *Книги о двух началах*, вооружил убийственной иронией:

Так значит, все народы (в Судный день) соберутся перед Богом? И если это правда, то там будет невообразимое количество детей всех рас, возрастом четырех лет и даже меньше, и также удивительная толпа глухих, немых и скорбных духом, которые никогда не совершали покаяния, и никогда не получали от Господа ни малейшей возможности упражняться в добродетели и ни малейшего познания Добра. Как и по какой причине Господь Иисус может сказать им: 'Придите, благословенные Отца Моего...' или: 'Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный?' (*id*)¹¹⁰

И с тем же рвением – прежде всего гуманиста, а потом ученого – катарский доктор восстает против нарождающейся тогда концепции о проклятии новорожденных, умерших без крещения:

"Я слышал, как они поддерживают еще одну ужасающую теорию (...) Что дети, умершие в день своего рождения, души которых – согласно их мнению – были созданы в момент зачатия – осуждены на муки, которые будут длиться до скончания века (...) Это и в самом деле удивительно, ведь они осмеливаются учить тому, что Христос придет судить людей, совершивших то или иное по свободной воле, хотя совершенно очевидно – как мы это продемонстрировали – что у них не было никакой свободной воли." (*id.*)

- Неизбежность бытия

Не было никакого ужасного дня Страшного Суда в катарских проповедях. И никакой угрозы вечного проклятия. Благодаря своим Добрым Людям, верующие были полны надежд и уверенности в ожидающей их вечной весне райского блаженства. Послушаем Гийома Белибаста, бывшего пастуха, говорящего о вечном рае языком, который пробуждал радость в сердцах маленького народца бедных крестьян:

Он ответил, что сказано: 'В Судный День наши братья будут прыгать от радости, как ягнята на траве или на лугу в чистом поле' (парафраза Мал 4, 2). Гильельма сказала тогда, что это и в самом деле будет великая радость... (Показания Арнота Сикре)¹¹¹

Под "Судным Днем" Добрый Человек, конечно же, не имел в виду пугающее и внезапное собрание живых и мертвых у ног Христа во славе по звуку ангельской трубы: но постепенное и личное приближение каждой освобожденной от зла души к свету Добра. Пейре Отье, более сдержанно, чем Гийом Белибаст, описал небесную Отчизну как Царствие счастья и любви:

¹¹⁰. *In ibid.* 179-180

¹¹¹. JF 760-761

После конца света... все души людские будут тогда в раю, и в небесах будет столько же счастья для одной души, как и для другой; и все будут одним, и каждая душа будет любить другую, как любят своего отца, мать или своих детей..." (Показания Себелии Пейре) ¹¹²

Небесная Отчизна, открывающаяся в проповеди Гийома Белибаста, блистает всеми огнями седьмого неба, "райского совершенства", из *Видения Исайи*:

... и человек увидел в этом небе великую ясность, множество ангелов, прекрасные сады и поющих птиц, и там правила радость без всякой печали, и не было ни голода, ни жажды, ни жары, ни холода, но великое наслаждение (Показания Арнота Сикре) ¹¹³

Анонимный Трактат катаров выстраивает свою аргументацию на ожидании "новой земли и нового неба (Апок 21,1), на которое мы возлагаем всю нашу радость и всю нашу надежду". Святой город Отца – это место вечного утешения:

И отрет всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло (Апок. 21,4).

Мы уже касались тройного состава небесных творений - дух, душа и тело, из которых средний компонент – душа, падшая на землю - должен быть воссоединен с Духом через *consolament*. Многократно в проповедях Добрых Людей упоминается о существовании в свете Царствия тронов и золотых корон, украшенных драгоценными камнями, "уготованных" возвратившимся ангелам; этот яркий образ пробуждает ассоциацию с телами славы, оставленными ангелами во время падения, и ожидающими восстановления полноты духовного творения. Вот как можно интерпретировать воспоминания о проповеди Гийома Белибаста; он говорит о получивших утешение христианах:

В день Суда их слава удвоится, и они воссияют вдесятеро ярче, чем солнце этого мира. И это удвоение славы духов еретиков он назвал воскрешением, ибо, говорил он, человеческие тела не воскреснут, но останутся в земле тления... (Показания Жоана Маури, 1324) ¹¹⁴

Упоминание о существующих изначально телах славы, разумеется, противоречит Римской догме о воскрешении тел в Судный День. Мы встречаем отзвук этой идеи, испорченный и деформированный, в перечислении преступлений ереси, вмененных в вину Пейре Отье инквизитором Бернардом Ги:

Ты полностью отрицал воскрешение человеческих тел, придумав какие-то духовные тела и какого-то внутреннего человека – но ты и твои сообщники

¹¹². JF 573

¹¹³. JF 775

¹¹⁴. JF 887

не воскреснете в них, как ты уверяешь, и не будете иметь никакого участия в воскресении святых... (Приговор Пейре Отье) ¹¹⁵

Без сомнения, инквизитор приговаривает Пейре Отье и его еретических товарищей, без малейшего колебания, к вечному проклятию. Но если прочитывать это от противного, продираясь сквозь этот язык ненависти, можно увидеть отражение золотого образа народа Божьего, собравшегося во славе подле Отца в "Его прекрасных небесах", надежду, которую несла проповедь Добрых Людей.

Таким образом, отбрасывая упоминания о боге гнева и вечном проклятии, поднятые на щит Римской идеологией, Добрые Люди упорно следовали дорогой внутренней логики евангельской Благой Вести. Истинная вечность принадлежит только истинному Богу, а также Его творениям, которые от Его *сущности*; Гийом Белибаст прекрасно знал, где искать в Писаниях основания этому:

Бог сказал, что всё, что Он создал, не может погибнуть, ибо Его Слово, которым Он всё сотворил, пребудет вовек (парафраза Ио. 12,34, Мт. 24,35), и вот почему то, что создано Отцом, не может погибнуть... (Показания Арнота Сикре) ¹¹⁶

На наивысшем уровне такие рассуждения выражаются в диалектике универсальных категорий – в особенности категории Добра, изложенной на схоластический манер в катарских трактатах XIII века. Одному Богу, Всемогущему в Добре, принадлежат вечность и бытие; потому в такой последовательности и связной логике изложена фундаментальная молитва христиан, *Отче Наш*: Ибо Твое есть Царствие, и сила, и слава, во веки веков. Аминь.

Навсегда, навеки, только истинный Бог, Отец Небесный, станет победителем "отца дьявола", древнего красного дракона с коронованными головами, который неустанно, словно наступающее на сушу море, бросал, а может быть, всё еще бросает свои легионы на штурм города золотого. Но он все равно не способен сделать ничего стабильного и устойчивого.

Никогда, даже в самые худшие времена, при самых ужасных репрессиях, обрушиваемых злом этого мира, Добрые Люди не сомневались. Их Церковь, гонимая за правду, была дорогой к Спасению Божьему, которая не могла быть разрушена, и не могло угаснуть Слово Христово: ибо в вечности Отец Небесный – уже победитель. И все души, благие по природе, уже спасены...

4. Воплощение

¹¹⁵. Перевод А. Brenon, *Choix hérétique...* 41

¹¹⁶. JF 763

Всё разъясняется благодаря *entendensa*.

Еще до того, как мы расскажем об этой трагедии, можно понять, почему сопротивление катарской Церкви наиболее систематическим религиозным преследованиям, известным в христианском мире – столетие Инквизиции после двадцати лет крестового похода – могло быть настолько длительным и эффективным. Добрые Люди не сомневались в исходе духовной битвы, и гонения, мишенью которых они были, только убеждали их еще больше, что в этом злобном мире их Церковь является единственной законной наследницей Церкви Христа и апостолов. Той, которая участвует в промысле Божиим, той, которой, с точки зрения вечности, суждено победить.

Христианское движение, называемое сегодня катарской ересью, не было простым всплеском протеста в ответ на вопиющие злоупотребления доминирующей Церкви; это ясная и действенная практика христианской Церкви, установленная на солидном и связанном религиозном фундаменте. Мы ограничимся тем, что кратко опишем некоторые примеры этой практики, чтобы вернуть смысл стертых с лица земли жестам...

Спиритуальное христианство:

Путь справедливости и правды апостолов, практикуемый орденом святой Церкви, освещен устремлением к Добру.

- Построение религиозного фундамента

Это была целостная и сложная религиозная система, основанная на интенсивной связи клира и верных, со своей экклезиологией (епископальная иерархия, обряды и таинства), космогоническими повествованиями (двойное творение, падение, искупление), эсхатологией (конец света и времен, всеобщее спасение), своей метафизикой милосердия Божьего, и христологией (миссия Спасения и божественная природа Христа). Только рассмотрев ее в подробностях, можно интерпретировать и углубить, отвергнув некоторые католические построения на ее счет, понимание возделывания ими нивы христианской теологии: по вопросу Троицы, личности девы Марии, значения Тайной Вечери или воскресения плоти. Многократно и полностью основанное на Писании, так называемое «катарское» христианство представляет собой не простое народное движение, а ученую теологическую рефлексию, имевшую, по-видимому, очень древние корни. Но в то же время отвечавшую истинным религиозным стремлениям христианского народа.

Катарская теологическая рефлексия была, несомненно, "ученой ересью", – раз и навсегда ответим на историографические сомнения 1950-х гг. – а ее носителями были ученые клирики, принадлежавшие к интеллектуальному сообществу своего времени. То, что нам осталось от их писаний, свидетельствует о глубоком знании "святых Книг"; нет ни одного их аргумента, который не был бы подкреплён настоящим созвездием цитат из Писания: например, Анонимный

Трактат, собрание всевозможных библейских цитат на тему творения, может быть, являлся своего рода справочником для использования проповедником – и даже катарским полемистом, оппонировавшим папским легатам во время знаменитых дискуссий (*disputationes*) первых лет XIII века.

Единственный экземпляр катарской Библии, дошедший до нас, представляет собой полный Новый Завет в окситанском переводе. Но мы знаем, что Добрые Люди располагали также целыми латинскими Библиями, с Ветхим Заветом включительно. Кроме того, в трактатах и проповедях катаров содержатся аргументы из всего ансамбля Писаний, из двух Заветов, а не "исключительно из Евангелия от Иоанна", как можно часто прочитать. По-настоящему, из всего Ветхого Завета еретики отрицали разве что Книгу Бытия. Фактически, они отвергали поздние тексты, Отцов Церкви и акты Соборов, как исходящие от людей, а не от Бога.

Библии и теологические писания в катарском универсуме были очень многочисленны. Дошедшие до нас пять фрагментов избежали инквизиторского аутодафе просто каким-то «чудом огня». Встречающиеся в архивах Инквизиции многочисленные свидетельства упоминают об этой вездесущности еретических книг и большой привязанности к ним Добрых Людей. Это были Библии, которые проповедники держали в руках, читали и комментировали для паствы, различные теологические трактаты, увеличивающие их познания, и, наконец, ритуалы их торжественных литургий. Практика и слова катаров, как мы уже констатировали на предыдущих страницах, были тщательнейшим образом основаны на Библии.

- Дух и буква.

Будучи религией Книги, в той же степени, как и Римское христианство – и, конечно же, как современный протестантизм, ислам или иудаизм – катарское христианство выглядит как особая спиритуальная экзегетика библейских писаний. Удивительно наблюдать за тем, до какой степени это прочтение, явно "продуманное", является внутренне связным. Можно сказать, что они подвергли христианское послание рациональному анализу, пытаясь (и часто удачно) разрешить очевидные трудности и внутренние противоречия самих святых текстов, а также их интерпретаций доминирующей Церковью. К примеру, проблему происхождения зла или природы Троицы. Жан Дювернуа, пытаясь определить катаризм в нескольких простых словах, назвал его «работой по исследованию Писаний».

Мы бы добавили, и прочтением "скорее по Духу, чем по букве", предвосхищая дискуссии, которые разгорятся вскоре во время протестантской Реформы. В этой мысли нет никакого анахронизма: катарские доктора первыми стали это делать; вот, например, как анонимный катарский доктор аргументирует свой демарш в области экзегетики Писаний:

Мы не выдвигаем никаких аргументов, которые бы не были извлечены из доброй сокровищницы нашего сердца, и мы утверждаем, что поступать и

говорить так является наиболее истинным и правдоподобным...
(Анонимный трактат) ¹¹⁷

Под красивым выражением "добрая сокровищница нашего сердца" следует, скорее всего, понимать – в соответствии с добрым устремлением, *entendensa* – постулат о прочтении священных текстов через призму милосердия Божьего, в соответствии с евангельской Благой Вестью, лежащей в основе всей теологической рефлексии катаров. Джованни де Луджио, автор блестящей *Книги о двух началах*, не ограничивается и этим; вот в каких терминах он выражает свою рефлексивную умелого схоласта об универсальных признаках:

Следует знать, что универсальные признаки – даже если они часто определяются как таковые буквоедами – не могут быть определены так же просто мудрыми, вдохновенными Богом (...) Очевидно, что для людей ученых универсальные термины обретают смысл только по мере того, как для них становится ясен дух речи. (Книга о двух началах) ¹¹⁸

В самом деле, дуалистическая мысль приобретает дополнительную выпуклость, сочетаясь с рефлексиями диалектического характера. В любом случае ясно, что дух катарского епископа, его собственный демарш, рассматривается им как дух "мудрых, вдохновенных Богом", "ученых", способных воспринять текст через "дух речи" – в то время, как его противники противопоставляют ему хромую логику "буквоедов". Интеллектуальные дебаты того времени были так же остры, как и сегодня. Только проблема в том, что тогда для диссидентов они могли часто завершиться в пламени костров, а еретики не имели другого оружия, кроме "доброй сокровищницы своего сердца"...

И даже в проповедях иерарха, приводимых в Ритуале, мы слышим отголосок требований катаров интерпретировать Писание согласно их духовному смыслу:

Тогда Иисус сказал им: 'Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого (...) и пить Крови Его, то не получите духовного смысла Нового Завета, то не будете иметь в себе жизни' (парафраза Ио 6, 53-55) (Латинский Ритуал) ¹¹⁹

Так значит, именно этот тип библейской экзегетики, "проясненный через дух речи", когда иерарх, согласно "духовному смыслу священных Писаний", открывает основы "устремления к Добру", и использовали в начале XI века еретические каноники, сожженные в Орлеане? Крестя своих учеников Святым Духом через возложение рук, они открывали им "глубинный смысл Писаний"...

В катаризме мы одновременно сталкиваемся с очень близким к нам миром - то есть с христианством практически обычным, где нам знакома каждая тема, обычная для основной религиозной культуры; но логика которого абсолютно противоположна логике Римского христианства. Отталкиваясь от тех

¹¹⁷. *Ecritures...* 211

¹¹⁸. *Id* 131-132

¹¹⁹. *Ecritures...* 243-244

же святых Писаний, "дух речи" катарской экзегетики приводит к созданию религиозной системы, противостоящей доминирующей системе. Дуализм творений повлек за собой уникальный логический вывод о всеобщем спасении всех душ и отказ от вечного проклятия. Будучи монистической, Римская Церковь разделяла принцип единого творения, который, как следствие, полагал вечность награды и, соответственно, вечность наказания – причем, это никак не решало проблему происхождения зла. То есть, если с точки зрения катаров, существовал дуализм начал, Римская теология основывалась на дуализме конца времен.

Этот способ интерпретации Писаний в духовном ключе не мешал Добрым Людям буквально прочитывать некоторые библейские тексты – если они считали, что такое буквальное прочтение соответствует тому, что они называли "духом речи". Например, они "спиритуально" прочитывали евангельский рассказ о чудесах, совершаемых Христом в этом мире, как аллегорию врачевания болезней души. И наоборот, они отвергали принцип культовых сооружений, считая самих себя, облеченных в Дух, "храмами Бога живого", согласно букве Посланий Павла (цитируемых в ритуалах): "Вы храм Божий и Дух Божий живет в вас" (1 Кор. 3,16); и еще: "Вы храм Бога живого, как сказал Бог: Вселюсь в них, и буду ходить в них; и буду их Богом, а они будут Моим народом." (2 Кор. 6, 16). Или как Гийом Белибаст все это прекрасно резюмировал, сказав: "Истинная Церковь Божья – это сердце человеческое".

И ведь действительно, такова была и первоначальная интерпретация – первых христиан, которых Добрые Люди называли своими прямыми предшественниками. И во всяком случае, то, что они называли духом евангельской речи, привело их к решительному отвержению всякого религиозного символизма - храмов, образов, распятий или голубя.

Иконоборческое христианство

Церкви – это дома, полные идолов, объясняли они (Пейре и Жаум Отье), называя идолами статуи святых, которые находятся в храмах. И поклоняющиеся идолам являются глупцами, ибо они сами сделали их топорами и другими железными орудиями... (Показания Себелии Пейре) ¹²⁰

Добрые Люди прекрасно знали, как привлечь на свою сторону любителей посмеяться и поразмыслить. Но если их евангелизм был абсолютно несимволическим, если они высмеивали "предрассудки" Церкви Римской, то это было из желания наследовать апостолам – но также из-за отказа заключать малейшую толику *sacrum* в "видимой и преходящей" форме. Богу не принадлежит ничего в этом мире...

Простота культа.

¹²⁰. JF 580

Кроме того, их литургия была исключительно простой и не предусматривала ни священных предметов, ни зданий - церквей, часовен, алтарей, реликвий, икон, колоколов и колоколен, литургических песнопений и украшений. Будучи фундаментальными докетистами, они не искали иного контакта с божественным: Бог, Христос, и даже Дева Мария видны нам из Писаний Нового Завета и дыхания Духа, не нуждаясь в представлении антропоморфных изображений.

Церемонии катаров потому происходили в обычных домах, где находился общины Церкви или жили верующие, а когда настали времена преследований, то в пастушеских летниках, в овинах, погребах или амбарах. Ни один священный предмет не представлял божественного, за исключением книги Евангелия. Ритуалы катаров, дошедшие до нас, и подробно описывающие литургию, упоминают только стол, на который кладут Книгу, чашу для омовения рук и свечу. Недавно катаризму стали приписывать символ голубки, представляющей Святой Дух, но для этого нет убедительных доказательств. Что до распятия, орудия насилия и смерти, то Добрые Люди видели в нем только ненужный символ Страстей Христовых, имеющий смысл разве что для Зла.

Это было еретическое христианство без евхаристии и креста. С их точки зрения, все священное находилось в ином мире, в Царствии Божьем. Ничто в мозаике этого мира, который во зле лежит, не может призвать его, разве что отзвук Слова Божьего, проповедуемого Добрыми Людьми, наследниками апостолов, послание Евангелий и дыхание Духа через возложение рук. Если, конечно, руки эти будут не запятнаны никаким насилием, никакой плотской связью, а из уст, которые говорят о Боге, не прозвучит никакая ложь, никакая хула или проклятие.

Устремление к Добру было знанием того, что Отец Небесный "не имеет ничего общего с этим миром"; собственно, очень распространенной была фраза, что не Он "делает так, что все цветет и зеленеет". Тысячи вновь и вновь появляющихся жизней, растительных, животных – и даже человеческих – выявляющих свою видимую и преходящую сущность в этом мире, являются всего лишь делами его князя, пытающегося тянуть время и продлевать пленение душ. Безжалостный свет *entendensa* придал, благодаря переосмыслению, связность и новые очертания корпусу апостольских практик Церкви Добрых Людей. Ансамбль теологической катарской мысли был спаян определенной и довольно сложной логикой, которую, однако, легко постичь, если размотать всю нить до конца. Каждый элемент объясняется другими, и по возвращению к исходному элементу становится ясным целое.

Исследование иконоборчества в практике катаров может привести к обнаружению непосредственной связи этого явления с их отказом от сексуальной репродукции, и даже к неожиданным открытиям касательно целомудрия Добрых Людей, отсутствия мизогинии в их Церкви, или их концепций природы Христа – а может и вечной природы истинного творения.

Согласно евангельскому "духу речи", Добрые Люди считали себя гражданами Царствия Небесного. Но если их обет целомудрия вписывался в обычную практику христианских монашеских обетов, а их взгляд на

сексуальность характерен для христианства вообще, *entendensa* отводила все это в русло "духовного смысла".

- Воспроизводство жизни.

Для Добрых Людей всякая плоть является греховной – а не просто плоть женщины, дочери Евы, грешницы и похотливой искусительницы, как проповедовали средневековые монахи. Тела – это телесные тюрьмы, сформированные лукавым из глины "земли забвенья", чтобы отобрать силу у душ, "благих и равных между собою"... И в этих телах, "только дьявол создал разницу между полами". Это не Бог создал разных людей, мужчин и женщин, чтобы они должны были соединяться телесно. Светлым творением Божиим было Царствие и его ангельские создания. Имеющие ангельский пол, или даже бесполое...

Теперь мы понимаем без труда, что на то время катаризм являлся наименее мизогинической из всех христианских религиозных систем, предоставляя Добрым Женщинам равные права в их Церкви – за исключением того, что нам не известна ни одна женщина, достигшая ранга епископа или диакона¹²¹. Факт первородного равенства душ означал, что божественное спасение могло проходить через руки христианок так же, как и через руки христиан. Неважно, какого именно рода телесная тюрьма служила плотью того/той, кто был/была "храмом Бога живого", ибо в этой плоти обитал Дух Святой.

"Тело человека принадлежит князю мира сего, который его создал..." проповедовал Гийом Белибаст. Но последний Добрый Человек уточнял далее:

Он добавил, что у Отца Небесного нет ничего от Него в этом мире, за исключением духов, которые из-за дьявола некогда пали с неба... И, говорил он, Отец Небесный не производит ничего в этом мире, не из-за Него все цветет, наливается зерном, зачинает, рождается в мир, возникает зародыш... (Пок. Арнота Сикре)¹²²

Бог не имеет никакого отношения ни к рождению, ни к воспроизведению "преходящих" тел. Само собой разумеется, что и телесный акт тоже от князя мира сего. Естественно, Добрые Люди не признавали воплощения Сына Божьего в подобном вместилище; и они неустанно повторяли в своих проповедях, что таинство брака "изобретено Церковью Римской", и что придавать сексуальности божественное происхождение – это по сути своей богохульство. Они проповедовали только духовный брак между душой и Духом вовесть *consolament*.

¹²¹. *Supra*, прим 29.

¹²². JF 780

Можно различить в огромной ностальгии катаров по небесной родине мечту о Царствии немеркнувшего света, где его творения, наконец, вновь обретя божественное бытие, вечно пребывают в своей полноте, не подвергаясь разрыву репродукции. Добрые Люди проповедовали своим верующим о радости Царствия, где души будут резвиться как ягнята на лугу, в единении любви более полной, чем между братьями по крови, но также в ясном покое вечной природы, которой неведома репродукция:

Когда всё творение Бога-Отца, то есть все духи, соберется подле Него (в Царствии), злаки будут прорастать, расти и цвести, но не давать зерна; виноградники будут в побегах, но без плодов; деревья будут покрыты цветами и листьями, но не плодоносить... (*id*)¹²³

Это хорошо заметное очарование жизнью (вечной) без сексуального воспроизводства специфически отражается в катарском искусстве. Мы можем применить этот термин без страха: если катары не строили и не лепили ничего характерного для них, если они не поклонялись ни распятию, ни голубке, ни дарохранительницам, ни статуе Девы, то переписывали множество экземпляров Библий. До нас, правда, дошел единственный экземпляр¹²⁴, написанный на окситан, но он чудесно иллюстрирован. Интересно, что там нет ни одного изображения материальных творений: ни птицы, ни цветы не украшают поля, ни заглавные буквы, как это часто было с латинскими Библиями XIII века. Катарское искусство является геометрическим и абстрактным, а не фигуративным. Нет ни наименьшего растительного завитка, ни проклюнувшегося ростка, что, по моему мнению, является уникальным явлением. Однако, два живых существа избежали этого правила: лилия на полях; и рыба, использующаяся, к тому же, как украшение для двух заглавных букв.

Легко распознать в рыбе раннехристианский символ Христа. Кроме того, следует заметить, что во времена катаров рыба воспринималась более близкой к миру водорослей, чем животных, и считалось, что она рождается из воды, без предварительного телесного спаривания; с той же самой точки зрения, лилия, и особенно знаменитые лилии полевые Нового Завета, символизировали чистоту рождения и несексуального скрещивания. Средневековые миниатюры часто изображают в сценах Благовещения архангела Гавриила с такой лилией в руке. В этой перспективе можно понять, что катарский спиритуализм допускал образы рыбы и лилии как достойные иллюстрировать и оттенять божественный текст Писаний.

Целомудрие у катаров является одной из самых абсолютных и возвышенных христианских концепций их времени – это мечта о Царствии и вечной жизни без проблем пола и разорванности. Когда христиане, избавленные от зла и судорог этого мира, вернут себе тела света, утраченные ими после падения. Анализируя, пользуясь светом устремления к Добру, апостольский путь Добрых Людей в совокупности, и особенно их обет справедливости и правды, мы видим, что открываются еще более захватывающие перспективы. Ведь уже в этом

¹²³. JF 763

¹²⁴. Рук РА 36 Лионской муниципальной библиотеки.

мире, Добрые Мужчины и Добрые Женщины, "храмы Святого Духа", идут впереди как светлый народ Царствия.

Рациональное христианство

Но граждане Царствия смотрели на этот мир безо всякой снисходительности. Это мир, где ничто не стабильно, и все преходяще, ибо его князь, как неумелый, так и извращенный, не может создать ничего ни в Бытии, ни в вечности. Это не настоящий мир. В этом мире христиане - чужестранцы. Это - мир чужой Богу. Мир чужого бога. Все эти выражения, звучащие, словно эхо старинных гностических формулировок, мы вновь слышим из уст Добрых Людей. Катарский верующий начала XIV века сохранил для нас, благодаря инквизиторскому реестру, текст – на окситан – прекрасной молитвы устремления к Добру:

Paire sant

Dieu dreiturier dels bons esperits...

Отче Святой

Боже правый добрых духов

Ты, который никогда не лгал, не обманывал, не ошибался и не сомневался,

Не дай нам умереть в мире чужого бога,

Ибо мы не для мира, и мир не для нас,

Но дай нам познать то, что Ты знаешь,

И полюбить то, что Ты любишь.

(Показания Жоана Маури) ¹²⁵

Здесь сам собой вспоминается призыв даровать "это Добро, которым Бог нас одарил" – и которое все собрание христиан передавало новому брату или новой сестре через дыхание Духа-Утешителя. В этом мире душа начинает пробуждаться и познавать любовь Отчую только благодаря Слову Евангелия и облечению в Святой Дух. Однажды избегнув смерти в этом мире чужого бога и вернувшись в небесную родину, душа начинает сиять "вдвоятеро ярче, чем солнце этого мира".

Остановимся на искусительной мысли о катарской мистике. По крайней мере, на том, что предлагают нам тексты. *Entendensa* сияет духовной ясностью: только в Царствии совершается истинное соединение души с божественным. В этом видимом и преходящем мире нет ничего от Отца Небесного. Никогда, даже для своих, Он не проявляется в нем. Вспомним слова юного Доброго Человека Жаума Отье (против замечания о *реальном* присутствии божественного в хлебе Тайной Вечери), напоминавшего о том, что Христос призывал Свою Церковь остерегаться выдавать какое-либо "проявление зла за Бытие Божье", ибо искать Бытие Божье в этом мире – значит обманываться ¹²⁶.

¹²⁵. JF 860

¹²⁶. *Supra* p. (69). JF 932.

Ни чуда, ни божественного явления. Ничего, что можно созерцать очами телесными. Будучи спиритуалистами, стремящимися к небесным высям христианства, Добрые Люди были, по отношению к этому миру, настоящими материалистами. Для них сакрализовать видимое – заключать небесный свет в статую из камня, осколке кости или в золотой вещи – было так же немислимо, как и допускать малейшее божественное вмешательство в этот мир. Их видение видимого и преходящего мира было весьма нелицеприятным. Прах, который вернется к праху. Материя, оживленная иллюзорной и временной жизнью. Разгул бессмысленных стихий, насилия, не имеющего другой цели, кроме как причинять зло. Копшение и всплески преходящих форм, без всякого божественного провидения. Смертоносный мир. Добрые Люди не искали в нем никакого знака из иного мира. Их *entendensa del Ve* не оставляла никакого места для культа идолов, для евхаристической магии, и они не считали дурным тоном позубоскалить над "предрассудками" Церкви Римской.

"Это не Бог посылает богатый урожай, это все из-за уваживания земли..."

Так же смеялись еретики, глядя на украшенные лентами процессии, с развевающимися на ветру хоругвями, раскачивающимися величественными статуями и реликвариями, когда священники выходили на поля с кадилами и кропильницами. Что до постов и воздержаний, проповедуемых попами, то верующим не стоило особенно этим терзаться:

"Если вы едите *feresa*, (буквально, варварскую еду) то есть мясо, то все равно, делаете ли вы это в пятницу или в воскресенье – грех один и тот же, какой бы это ни был день, в пост или не в пост..."(Показания Арнота Сикре)¹²⁷

Молодому наивному верующему, защищавшему тезис о том, что статуи святых в часовнях совершают чудеса, Гийом Белибаст поставил вопрос ребром: "А ты сам видел эти чудеса?". Молодой человек ответил, что нет, но он видел человека, который видел человека, видевшего такое чудо. Тогда Добрый Человек вздохнул: "*Gafet, gafet* (мальчик, мальчик), ну как ты можешь верить, что куски дерева могут совершать чудеса?" (*id*)

С той же самой очевидностью – основанной на устремлении к Добру - "маленькая вафелька" освященной облатки представляла собой просто кусочек благословленного хлеба.

Этот своего рода предрационализм, часто не лишенный юмора, был удивительным и нехарактерным для Средневековья, - ведь в то время весь христианский мир, настоящий лес символов, дрожал от страха при ударе грома и появлении комет, вкладывал раскаленное железо в руку подозреваемому, чтобы узнать Божье решение, и искал в облаках каких-нибудь знаков Божественного гнева или одобрения. Часто комментарии Добрых Людей – вроде бы основанные на самой возвышенной метафизике – превращались в дерзкие шутки. Сам Пейре Отье, святой человек, бывший юрист графа де Фуа, не смущался шокировать

¹²⁷. JF 777

своих верующих своеобразными советами, например, по поводу крестного знамения, "которое совершают в церквях", опуская руку в чашу со святой водой:

"Это очень полезная вещь, особенно летом, чтобы отгонять мух. Ты можешь говорить еще такие слова: вот лоб, вот борода, вот одно ухо, а вот другое..." (Показания Себелии Пейре) ¹²⁸

Гийом Белибаст, который, чтобы уберечься от подозрений Инквизиции, часто должен был прикидываться добрым католиком, имел обыкновение сравнивать облатку с вафелькой, от которой отказаться может только человек, полностью лишенный аппетита. В кругу друзей, он также рассказывал, как на официальных похоронах его товарища Раймонда из Кастельно, еретического иерарха, он должен был идти во главе процессии, держа кропило, которым он тщательно кропил толпу: "Ведь от трех-четырёх капель воды не будет большого вреда. В дороге частенько и хуже приходится..." Но другие размышления выявляют и вневременной гуманизм.

Так, например, Добрый Человек, выдающий себя за католика до такой степени, что должен был часто посещать поповскую мессу, говаривал с улыбкой по этому поводу: "В конце концов, можно молиться Богу в церкви, как и в любом другом месте" ...¹²⁹

Подводя под свою спиритуальную метафизику – как бы сейчас сказали, идеалистическую – рациональный дискурс – вплоть до материализма, когда Добрые Люди говорили о вещах, видимых и преходящих – они просто пытались доходчиво перевести свое послание для христианского народа. Они также распространяли вокруг себя, даже во времена преследований, атмосферу психологической разрядки, создавая у своих слушателей благоприятное впечатление того, что, говоря о вопросах веры, Добрые Люди в равной степени обращались и к здравому смыслу.

Но верующие также знали, что им нечего бояться их Добрых Людей, что от них не исходит ни суда, ни наказания. Ни десятины, ни ареста имущества, ни отлучения, ни тюрьмы. Ни проклятия в этом мире, ни вечного осуждения в ином.

Нестяжательское христианство.

Великий план Церкви Божьей был чисто спиритуальным – всякие светские претензии были ему чужды. Ее роль состояла в спасении душ, то есть в том, чтобы помочь им в их порыве к Царствию – а не ввязываться в систему власти этого мира, не устанавливать порядок, не использовать силу во имя Бога. Поскольку этот мир не от Бога, и в божественном плане для него нет места, христиане в этом мире имеют только одну миссию – подготовить пути "новому

¹²⁸. JF 581

¹²⁹. JF 777

миру, на который они полагают свою радость и надежду" – то есть, "иному миру", Царствию.

Именно так, и еще более ясно, Пейре Отье, неутомимый Добрый Человек времен последних преследований, представляет этот вопрос. Прибывая к очагу верующих, несмотря на опасности, он и его братья не унывали; они верили в свою миссию, трудную и скромную, но чрезвычайно важную:

Бог пожелал, чтобы мы пришли именно в этот дом, ради спасения душ тех, кто здесь живет. И мы не боимся трудностей; мы ищем только лишь спасения душ. (Показания Себелии Пейре)¹³⁰

Для Добрых Людей нечего было спасать в этом мире, кроме заключенных душ. Что же до телесной тюрьмы, то она может и сгореть.

Братство душ.

Однажды, под конец августа 1321 года, Пейре Лафонт, крестьянин из Вайши, совершил ошибку. Он позволил себе вслух высказать свои мысли в присутствии товарищей. По долине Акса проходил печальный кортеж еретика Гийома Белибаста, которого вели солдаты, в кандалах, чтобы он предстал перед инквизитором Каркассона – который, само собой, должен был его сжечь. И каждый считал своим долгом возопить: Смерть еретика! Кроме Пейре Лафонта, на которого другие тут же поспешили донести инквизитору Памье.

"Но ведь еретики не делают никому зла, и я считаю, что это грех – причинять им зло..."¹³¹

"Те, кто не делает никому зла". Эта фраза в различных вариантах неоднократно появляется в показаниях перед Инквизицией. И она является прекрасным толкованием того, что представляет собой устремление к Добру – очень понятными словами. Христиане не должны, не могут причинять никому зла, "даже дьяволу", как говорил Добрый Человек Жаум. Никогда не касаться дурного дерева, даже если считается, что на нем растут благие плоды. Никогда не применять средства зла, даже ради благой цели. Свидетельство, вырвавшееся у Пейре Лафонта, является сильным эмоциональным подтверждением этой правды.

Что же касается отношения Церкви Добрых Людей к справедливости, то она не судила, то есть она не осуждала – и особенно на смерть. Устремление к Добру приобретает весь свой смысл на дороге Праведности и Истины "тех, кто не делает никому зла" – и лежит в основе проповедей, которые притягивали Гийома Белибаста, о примере апостола Павла: Не судите, потому что человек, которого вы считаете сегодня злым и плохим, однажды откроет истинную природу своей души – которая является благой. Как гонитель Савл, упав на землю, поднялся с нее святым.

¹³⁰. JF 568

¹³¹. JF 644.

Вот он, этот утопический взлет *entendensa*, выразившийся в благой природе – и природном равенстве - душ. Ангелы Божьи, создания Добра, спящие в темнице забытья, проснутся один за другим и откроют присущую им доброту. Среди них злые люди, преступники, гонители – клирики Римские, инквизиторы? – просто все еще спят, забыв свое истинное бытие, но однажды они тоже, как и другие, обнаружат свою благу природу. Слепые сегодня, завтра они откроют глаза. "Все души созданы благими и равными между собой, и все будут спасены". Потому, это плохой путь, способный привести только к еще большему злу – осуждать злого человека: вора, убийцу. Отказ катаров от смертной казни, находящий отклик даже в словах верующих, был аргументирован как ссылками на евангельские предписания, так и верой в то, что в каждом из нас спит Добрый Человек. Искра божественного света, тлеющая в глубине каждого сердца и ждущая, когда ее раздует "дыхание Святого Духа", оживляя ее – и которую пытаются мстительно затоптать.

"Добрая сокровищница нашего сердца", говорит Анонимный Трактат...

Подобные концепции на первый взгляд могут показаться чуждыми средневековой ментальности; но действительно ли мы ее знаем, эту средневековую ментальность, ведь мы можем прочесть лишь точку зрения власть предержащих того времени, которые создавали мораль и держали перо? Еретические архивы Инквизиции парадоксальным образом предоставляют слово простым людям, которые говорили на улице и в полях, и которые часто демонстрируют ясное понимание, открытый и критический дух, восприимчивый к идеям *толерантности* в буквальном смысле этого слова, а иногда, как пастух Пейре Маури, мечтают о всеобщем братстве. "Бог не желает справедливости, осуждающей на смерть¹³²... Еретики не делают зла никому¹³³... Хороший клирик, который критиковал других клириков, за это они его и сожгли¹³⁴..."

Эпохи Возрождения и Просвещения, конечно, развили эти темы с большим концептуальным богатством – но ведь они делали это на два или три столетия позже. Так что же на самом деле утопия – это старая мечта о справедливости, которая пробуждает, просвещает и формирует, или та справедливость, которая в ослеплении порочного круга, когда зло порождает зло, подавляет и карает?

- Утопия

Можно ли сказать, что великое намерение устремления к Добру является утопией? Поскольку мы уже преодолели много ступеней понимания, то можем определить катарское христианство как монотеистический дуализм, поскольку они проповедовали единого Бога, Отца Небесного, Всемогущего в бытии, но не имеющего отношения ни к происхождению зла, ни к управлению им. Этим они отличались от Римского христианства, которое – как ислам и

¹³². Пейре Гарсиас, Тулуза, 1247.

¹³³. Пейре Лафонт, Вайши, 1321.

¹³⁴. Беренгер Эскулан, Фюа, 1320.

иудаизм – представляет собой монотеистический монизм, поскольку считает, что добро и зло имеют одну причину и вписаны в один план Провидения. И если позволено упростить это мнение до карикатуры, то Добрые Люди сами это весело делали. Вот как катарский епископ Джованни де Луджио, дуалистический монотеист середины XIII века, смотрит на своих коллег, великих монистических монотеистов и их святые войны, крестовый поход против *джихада*, которые они постоянно ведут:

И сарацины, и христиане, и евреи и татары, и верующие всех иных религий мира сего, все они каждый день спорят из-за того, что между их религиями существуют огромные различия – хотя все они верят в одно начало, святое, доброе и милосердное; тем не менее, они всегда ругаются, входят в распри, осыпают друг друга оскорблениями и обращаются друг с другом со страшной жестокостью, в то время как существуют доказательства, согласно которым они должны признать, что все они – братья и дети одного Творца – потому я полагаю, что тем самым уже достаточно ясно опровергается, для мудрых, их преисполненная суеты теория... (Книга о двух началах) ¹³⁵

Является ли дуалистическая тенденция в теологии защитным механизмом против всякой жажды религиозной власти, теократических искушений и авторитарного фанатизма? Уж не по этой ли причине средневековое папство ощутило потребность окончательно уничтожить эту другую христианскую Церковь, которая, разумеется, "не делала никому зла", но непосредственно угрожала его власти над христианским народом, поскольку подрывала его светские и воинствующие претензии? Во всяком случае, это очень возможно – чтобы ответить на регулярно возникающий вопрос – если бы Церкви Добрых Людей пережили бы преследования, скажем, в некоторых регионах, и завоевали бы там большинство, то они не смогли бы в свою очередь начать применять насилие – крестовые походы, религиозные репрессии – чтобы укрепить свою власть – не перестав быть самими собой. Впрочем, достаточно легко констатировать, что во времена свободы культа в Окситании, иерархия и катарские общины в *castra*, хотя и находились долгое время в тесной связи с сеньоральными линиями, никогда не пользовались своим преимуществом, чтобы преследовать конкурентов из низшего римского клира.

Еретическое христианство не имело никаких планов на этот мир. Никаких требований светской власти, никакого тайного лобби. Потому что Иерусалим Небесный не может ни восстановиться, ни возникнуть на этой земле, по образу августиновского *Града Божьего*, и модели христианского порядка а-ля Иннокентий III – но исключительно на новой земле и новом небе, абсолютно в ином мире, достижимом скромным и тяжким трудом спасения душ. "Земля обетованная" не завоевывается мечом и не строится недостойными средствами...

Оставив этот мир несообразностям его неумелого творца, катарское христианство не пыталось установить в нем порядок. С нашей точки зрения, с нашего взгляда на расстоянии, это позитивный аспект его учения, наряду с его утверждением человеческой доброты, отказом от вечного проклятия и

¹³⁵. *Ecritures...* 166

абсолютным отвержением насилия. Будучи дуалистическим христианством, катаризм никогда не пытался найти божественные оправдания несправедливостям этого мира. Он никогда не пытался легитимизировать то, чему нет оправдания: войну, страдания и смерть аргументами необходимости некоего угодного Богу порядка, воплощаемого Его законным и эксклюзивным представителем.

Ужасы мира сего – это всегда порождение и действие зла, атрибутами которого они являются, и тем самым, обнаруживается необходимость бороться с их глубинной причиной, отказываясь в них участвовать и проповедуя Добро. И это происходило именно в тот момент, когда здание Церкви Римской строилось на понтификальной теократии и понятии священной войны – сопровождаемое криками "Так угодно Богу".

Катарское общество, которое могло существовать только как утопическое – пыталось, скорее, должным образом постоянно снижать долю зла в этом мире, чем силой навязывать то, что оно считало Добром; потому мы вновь и вновь встречаем понятие "мир" – в поцелуях, *caretats*, которыми обменивались при каждой встрече, "мир", который епископы Добрых Людей пытались соткать, где могли, в хитросплетениях окситанских сеньорий – а Добрые Женщины в своих открытых домах.

Фундаментальной утопией катаризма – и особенно в христианском контексте – была, конечно, не аскеза, посты и воздержания его общин, а то, что составляло его сущность – невозможность признать насилие дорогой к Богу, как и невозможность признать страдание – налагаемое на человека, или которое он испытывал – ни возмездием, ни искуплением. Ни праведной кары. Ни святых очистительных слез. Можно сказать, что Церкви Добрых Людей представляют собой уникальный опыт в христианстве, отвергающий всякий культ страданий, во имя истинной теологии освобождения от зла.

Конечно, можно считать это "опиумом для народа", как и все религии. Но, по примеру Христа, дорога Добрых Людей, которые поднимались прямо к свету Царствия, была вымощена только "справедливостью и правдой".

Страсти

Историческое воплощение Церковей устремления к Добру, которое мы наблюдали на протяжении двух столетий во всем их богатстве и сложности, тем не менее, было вырвано с корнем, полностью уничтожено. Нельзя завершить книгу, посвященную катарам, даже если она в основном сосредоточена на их религиозной жизни и их вере, без того, чтобы хотя бы коротко показать их историческую судьбу, завершившуюся их исчезновением под конец Средневековья.

Уничтожение ереси происходило двумя последовательными этапами. Прежде всего, война, которая загнала в подполье и уничтожила многочисленные кадры катарской Церкви, лишив их естественных защитников – окситанских

графов и сеньоров; папская Инквизиция, поддержанная французской монархией-завоевательницей, сразу же после этого накрыло население Юга сетью преследований, в то время как новые религиозные и политические обстоятельства начали по-иному формировать души и сознание.

- Крестовый поход

В поиске образа этого "множества мужчин и женщин", из которых состояли общины окситанских катарских Церквей на переломе XII-XIII вв, перед тем, как попытаться проникнуть во внутреннюю логику их культа и их веры, мы вначале поселились в их универсуме – бургах и *castra* средиземноморских сельских сеньорий.

Без сомнения, эта настоящая слаженность катарских Церквей и окситанского феодального общества была следствием их децентрализованной религиозной структуры, одновременно гибкой и прозрачной, позволявшей женщинам входить в свою среду и просочившейся вглубь семейных отношений. Еще до всякой практики монастыря в городе, способствовавшей успеху нищенствующих орденов (доминиканцев и францисканцев), орден Добрых Христиан открывал свои монастыри в деревне и даже в семьях и домах. В этих религиозных домах без затвора великие дамы, дочери ремесленников, скромные отцы и матери семейств, ставшие Добрыми Христианами в преклонном возрасте, стремились к Спасению на глазах христианского народа бурга, увлекая других собственным примером и привязанностью своих близких.

Именно этот страстный, эмоциональный характер родной и братской религии, соединенный с сильной верой Добрых Людей в их миссию божественного спасения, позволил окситанскому катаризму более ста лет сопротивляться систематическим репрессиям.

Но это были времена священной войны. Той, к которой папа Иннокентий III призвал в начале XIII века против еретического Юга, описываемой как кульминационный пункт идеологии крестовых походов, выработанной в течение более ста лет "Церковью Рима и Сито". В контексте общего наступления Римского христианства на своих границах – против византийских схизматиков, неверных сарацин в Испании, саксонских язычников в Померании – папа провозгласил настоящий крестовый поход против катаров, христианских еретиков, и против их защитников, графов, виконтов и окситанских сеньоров: крестовый поход против альбигойцев¹³⁶.

Убийство в январе 1208 г. одного из цистерианских легатов, тут же приписанное графу Тулузскому Раймонду VI, средоточию всех грехов в глазах папы, позволило Иннокентию III вынудить короля Франции, Филиппа Августа на согласие, хотя до той поры тот избегал вмешательства. Теперь, после призыва папы, король уже не мог запретить своим ближайшим французским вассалам спасти душу и земли в Лангедоке, подняв крест против своих дальних и очень

¹³⁶. О крестовом походе против альбигойцев см.: Michel Roquebert, *L'épopée cathare*. réd. 2 vol. Privat-Perrin, 2000.

теоретических южных вассалов, защитников еретиков: графов Тулузского и де Фуа, виконта Тренкавеля, сеньора Альби, Безье и Каркассона.

В июне 1209 г. крестоносная армия, возглавляемая аббатом Сито Арнотом Амори, спустилась по долине Роны. В июле 1209, после Безье, прелат одобрил примерное массовое убийство, совершившееся для устрашения всех окрестных земель: "Чудесная месть Божья совершилась, писал он папе, и все были убиты". В августе, после трех недель осады, крестоносцы вошли в Каркассон, распевая *Te Deum*, в то время, как молодой виконт, Раймонд Роже Тренкавель, согласившись стать заложником для переговоров о почетном мире, был брошен в тюрьму – где умер через два месяца. Тогда Арнот Амори избрал среди руководителей крестоносцев нового виконта Каркассона, способного быть военным руководителем сил крестоносцев: это был Симон де Монфор, граф Лейчестерский, крестоносец по призванию, вассал Франции и Англии, преданный святой Деве и Сито.

В течение двух лет, война за замки, при свете массовых костров еретиков, подчинила Монфору владения вассалов Тренкавеля - Минерву, Термез, Фанжу, Монреаль; Монтань Нуар - Отпуль, Кабарет; потом Альбигуа. В 1213 г. король Арагона, сюзерен Каркассона и шурин графа Тулузского, погиб под Мюре, тщетно пытаясь путем создания великого Южного альянса затормозить продвижение завоевателей. В 1215 г. папа Иннокентий III созвал в Латеране торжественный экуменический Собор, с целью укрепить реорганизацию христианского мира - и рассмотреть вопрос о возобновлении крестовых походов в Святую землю.

Однако, несмотря на это папское освящение, крестовый поход баронов и попытка насадить династию Монфоров-завоевателей, завершились в конце концов поражением. В 1218 г. Симон де Монфор был убит при осаде Тулузы, а законные графы одержали победу; в 1224 Каркассон был освобожден, окситанские графы и бароны вернули себе свои земли. Катарские Церкви, окруженные ореолом мученичества, были обескровлены священной войной и массовыми кострами, но не утратили своего динамизма. Под руководством своих епископов и на гребне волны новых призваний, они быстро восстановились. В 1225 г., возле Лиму, была основана пятая катарская Церковь, отделившаяся от Церквей Тулузы и Каркассе: епископство Разес.

Но королевский крестовый поход, начатый в 1226 г. Людовиком VIII, совершенно изменил ситуацию. Начиная от Каркассона, королевский сенешаль методически завоевывал виконтства Тренкавель для французской короны. Согласно Парижскому трактату 1229 года Раймонд VII Тулузский, после некоторых территориальных возмещений в Лаурагэ, в свою очередь покорился молодому Людовику IX – будущему Людовику Святому, гипотетически желая в будущем обеспечить независимость своего графства.

Провозглашенный и начатый папой, двадцатилетний (1209-1229) крестовый поход против альбигойцев, в конце концов был завершен королем и проигран окситанскими феодалами, защитниками еретиков. Однако, до религиозной победы еще было далеко: катарские Церкви были живучи, как никто. Разумеется, военная и политическая победа имела место: были перекроены, а

королевские офицеры и французские сеньоры заменили линьяжи лишенную собственности южную знать, Каркасон стал королевским сенешальством. Но победа короля, наконец, предоставила папе возможность свободы действовать – и осуществить уничтожение ереси, что и было как объективной, так и декларируемой целью крестового похода. Французское завоевание явилось необходимой предпосылкой установления Инквизиции.

Власть отныне перешла на другую сторону. Окситанские катарские Церкви утратили своих естественных защитников, и вынуждены были уйти в подполье со всей своей иерархией. На завоеванных землях установился "мир клириков и французов" – как сказал трубадур Бернар де Лабарт – и теперь осталось лишь искоренить ересь, ушедшую в подполье, с помощью трибунала религиозной полиции. Даже если граф тулузский пытался еще лет пятнадцать сопротивляться.

- Инквизиция

Смена власти в Лангедоке на французскую и королевскую позволила папству установить там, начиная с 1233 года, полицейскую бюрократию Инквизиции. Будучи религиозным трибуналом без права на апелляцию, не завися ни от кого, кроме папы и переданная в распоряжение доминиканцев и францисканцев, Инквизиция должна была исполнять двойную функцию: органа покаяния – и в этом плане ее миссия состояла в том, чтобы примирить население Юга с верой короля и папы; и полицейской институцией, призванной искоренить подпольную еретическую Церковь, все еще тайно поддерживаемую верными. Эта бродячая принудительная исповедаляня использовала также исповеди, которые она получала, в качестве судебных показаний; действуя как пример для современных тоталитарных бюрократий, она основывала свои процедуры полицейского следствия на системе всеобщего доноительства и признаний-самокритик.

Покаяние и примирение еретиков сопровождалось тяжелыми наказаниями – ношением на одежде креста бесчестья, конфискацией имущества, заключением в инвизиторский Мур; непокорных, то есть, нераскаявшихся, передавали в руки светской власти – другими словами, на костер. Трупы умерших в еретической заразе тоже получали свои приговоры: их присуждали к эксгумации и посмертному сожжению; дома, где уделяли *consolament*, разрушали, а место, где они стояли, проклинали. Приговоры инквизиторов выносились от имени Бога, верховного Судии, и выносились на всю вечность – костер означал вечное проклятие. Однако, потребовалось все же столетие господства этой чрезвычайной репрессивной системы, чтобы вытеснить подпольную Церковь из ее лесных убежищ и изничтожить защищавшие ее связи солидарности.

Сразу же после капитуляции Окситании в 1229 г., иерархия катарских Церквей Тулузен и Разес укрылись в безопасности *castrum* Монсежюр, под защитой линьяжей *фаудитов* – то есть, непокорившихся. Но Раймонд VII Тулузский потерпел поражение в новой войне против короля Франции. Падение и костер Монсежюра 16 марта 1244 г. означали конец политических и военных надежд графа Тулузского – а также структурированной катарской Церкви в Лангедоке.

Окситанская иерархия в изгнании, худо-бедно восстановилась в итальянском убежище – где, в связи с конфликтом между гвельфами и гибелинами, Инквизиции трудно было действовать в полную силу. В то же время, на родине, последним подпольным Добрым Людям все труднее было избегать полицейских облав, а новая пастырская деятельность нищенствующих орденов, доминиканцев-проповедников и францисканцев-миноритов, заменило задушенное слово Добрых Людей. В 1271 г., после смерти графини Жоаны, дочери Раймонда VII, графа Тулузского, виконтства Тренкавель были присоединены к Короне, как сенешальства королевства Франция. Королевские офицеры заменили представителей графа – которые часто втайне придерживались веры своих отцов. Лишенная всякой политической поддержки и став жертвой систематических репрессий и доминиканской пропаганды, ересь, казалось, умирала в Окситании.

Только в Пиренеях, относительно защищенных от Инквизиции, оставшейся независимой графской династией, катаризм еще сохранился. Горцы графства Фуа, городская элита и местная аристократия хранили память о Добрых Людях. Именно из этих высокогорных земель началось в последние годы XIII века настоящее и абсолютно удивительное еретическое наступление. Душой реконкисты был Пейре Отье, бывший нотариус из Акса, в высокогорном Арьеже, близкий к графу Роже Бернату III де Фуа. Зимой 1299-1300 гг., вместе со своим братом Гийомом и горсткой неустрашимых Добрых Людей, он вернулся из Италии, куда уходил получить обучение и посвящение у иерархии окситанской Церкви в изгнании. Чтобы подготовить религиозную реконкисту.

И эта реконкиста была подобна удару молнии. В течение нескольких лет катаризм вновь ожил между Пиренеями и Нижним Керси, Разес и Тулузской Гасконью. Всё выглядело так, словно бы жар веры все еще жил в сердцах верующих, нужно было только его раздуть. Следует сказать, что период был избран очень неплохой, поскольку в это время репрессивная институция находилась в глубоком кризисе – в связи с народным бунтом под названием "Каркассонское безумие". В Каркассоне, Альби, Лиму и даже Тулузе, жители городов, с консулами во главе, восставали против злоупотреблений доминиканской Инквизиции, апеллируя к королю Франции; а Филипп Красивый, находясь в апогее собственного конфликта с папой Бонифацием VIII, вроде бы склонял к ним слух. Без сомнения, за этими беспорядками стояла "катарская партия", возможно, даже «рука» графа де Фуа. Есть даже свидетельство о том, что граф Роже Бернат III де Фуа сам получил утешение из рук своего старого друга Пейре Отье перед смертью, 2 марта 1302 г., в его замке в Тараскон¹³⁷.

Но начиная с 1304-1305 гг., был восстановлен союз трона и алтаря, сделавшись сильнее, чем прежде, и бунт был подавлен. Папа назначил новых инквизиторов, более соответствующих этой должности, Жоффри д'Абли в Каркассоне, Бернарда Ги в Тулузе, сумевших возвести эту институцию в апогей ее могущества и эффективности. Отныне, вооруженная рука короля и "публичной власти" вновь поддерживали Инквизицию. Инквизиторы использовали против Добрых Людей и их подпольных сетей верующих все большее количество шпионов и согласованных полицейских операций, не колеблясь производить

¹³⁷. Показания Себелии Пейре, 1322. JF 585. Обо всем этом периоде см. A. Brenon, *Pèire Autier cit.*.

облавы целых деревень – Верден-Лаурагэ, Борн, Монтайю и т.д.- чтобы арестованные давали показания перед их трибуналом и сидели в их застенках. Для наставления христианского народа они организовывали перед кафедральными соборами ужасные *reality shows* торжественных приговоров и казней на костре нераскаившихся еретиков, вновь впавших в ересь верующих и трупов проклятых.

Борьба за выживание последней катарской Церкви была оборвана инквизиторской властью. К зиме 1309-1310 гг. Большинство подпольных Добрых Людей было поймано и сожжено, в Каркассоне и Тулузе. Сам Пейре Отье погиб на костре 10 апреля 1310 года, перед кафедральным собором Тулузы, в одно время с 17 верующими-рецидивистами. Но даже если вера еще жила в сердцах некоторых подпольных верующих, катарская Церковь погибла в лице этих последних Добрых Людей, которым некому было передать власть отпустить грехи и призывать благодать Духа Святого через возложение рук.

Через десяток с лишним лет прелат-цистерианец, Жак Фурнье, установил новый епископский престол в епархии Памье. С 1318 по 1325 г. он сам осуществлял расследования в графстве Фуа, от имени Инквизиции Каркассона. Он использовал реестры (в большинстве своем на сегодняшний день исчезнувшие) своих предшественников, и интересовался выжившими – которых преследовал даже в их бедных убежищах за Пиренеями. Эти допросы катарских верующих-горцев, осиротевших без своих пастырей, позволяют нам проникнуть в ментальный универсум как пастухов Монтайю, так и аристократов Сабартес, которые, в начале столетия, принимали Добрых Людей, верили, что они их спасут, и слушали, как Пейре Отье проповедует: "Я скажу тебе причину, по которой нас называют еретиками..."

И мы знаем также, что до самой Испании простирались последние надежды последних верующих в изгнании, жаждущих "доброе слово" последнего из Добрых Людей, Гийома Белибаста. Алчущие хорошего конца.

- Зима катаризма

Благодаря архивам Инквизиции, в особенности реестрам Жоффри д'Абли, Бернарда Ги и Жака Фурнье, которые, несмотря на свою фрагментарность, достаточно связно дополняют и уточняют друг друга, возможно создать ясный образ последнего катаризма. И когда вы видите эту картину, она предстает чрезвычайно ошеломительной. Ересь Добра в полном расцвете сил. Последняя организованная окситанская катарская Церковь, воссозданная через шестьдесят лет после Монсегюра Пейре Отье, та, которую великие инквизиторы начала XIV века безжалостно разрушили, сохранила все духовное и интеллектуальное величие "ордена святой Церкви", следующей по "пути праведности и истины" апостолов и проповедующей "устремление к Добру". Она воплотилась в достойных и харизматических служителях, при поддержке все еще многочисленных верующих, ревностных, и даже героических.

Разумеется, многие десятилетия репрессий значительно потрепали религиозные структуры еретиков. После поражения Окситании и ухода Церковей в

подполье, сгладились прерогативы епископской иерархии: каждый Добрый Мужчина, каждая Добрая Женщина в подполье получили полное право проповедовать и давать утешение. Однако, полицейские репрессии делали свое дело: аресты и костры драматически сократили количество преследуемого клира; начиная с середины XIII века, среди подпольных проповедников, которые еще скрываются в лесах и полях, не фиксируется больше ни одной Доброй Женщины. Последнее подполье кажется разбросанным и лишенным структуры. Однако, в итальянском убежище смогло продержаться ядро иерархии окситанских Церквей. Под конец столетия, в Ломбардии, жил диакон, Бернат Одуэ, называемый *Мессер Бернат*, вместе с некоторыми Добрыми Мужчинами; более того, в арагонском и гиббеллинском королевстве Сицилия был престол последнего окситанского епископа, Раймонда Изарна, который жил там с двумя товарищами и небольшой общиной Добрых Женщин. Целая сеть проводников неустанно сновала между очагами верующих в Лаурагэ и Тулузен и диаконом в Ломбардии, и между диаконом в Ломбардии и епископом на Сицилии. Это существование "пламенного ядра" Церкви, небольшого, но неповрежденного, сделало возможным безумно храброе, но внушительное предприятие Пейре Отье.

Посвященный вместе со своим братом диаконом в Ломбардии, Пейре Отье представлял высшую ступень иерархии в маленькой группе реконкисты. Он был Старшим, то есть, во времена «Золотого века», он отвечал бы за монашескую общину. И он показал, что достоин этой ответственности, как благодаря своей культуре и опыту великого юриста, так и, очевидно, своим интеллектуальным качествам и моральному превосходству. Восстановленная под его руководством Церковь неукоснительно соблюдала правила, общинную дисциплину, обряды, проповедь веры; растерзанная Церковь вернула свою славу. Пейре Отье верил в свою миссию, в необходимость выживания его Церкви в этом мире, чтобы она могла держать открытыми двери Спасения Божьего. Его вера была абсолютной: конечно, он был последним апостолом, но не мог и не хотел верить, что его дело может пропасть.

Вдохновленная своим Старшим, маленькая Церковь постоянно развивалась, она прокладывала себе путь через тернии к звездам. Она неустанно побуждала к призваниям, обучала и посвящала новых Добрых Людей – единственный способ обеспечить будущее своего предприятия. До самого конца, даже во времена худшей инквизиторской травли, туда приходили мужественные молодые люди – как его собственный сын Жаум Отье – чтобы поддержать старого запрещенного апостола: а всего их было около пятнадцати.

Эта маленькая община постоянно перемещалась по дорогам Окситании, осуществляя свое подпольное апостольское служение, и управлялась настолько строго, насколько это позволяли условия подполья. Пейре Отье восстановил все правила функционирования Церкви времен свободных окситанских епископств. Церемонии посвящения вновь стали коллективными и публичными. Решения о будущем Церкви принимались коллегиально. Старший неоднократно, и словно бы вопреки всякой осторожности, созывал настоящие соборы или синоды своей Церкви, ему удавалось собрать четырех Добрых Людей в Тулузэн и Лаурагэ, и от шести до восьми в Лиму и высокогорном графстве Фуа.

Известно, что по крайней мере одно из собраний в Лиму, где-то около 1302 года, рассматривало в своей повестке дня дисциплинарный вопрос: двое Добрых Людей, согрешивших против правил своего ордена, были посланы вместе с проводником к диакону в Ломбардию, для того, чтобы они получили повторное утешение. Пейре Отье, будучи просто Старшим Церкви, не имел такого права. В 1304 году Добрые Люди – под руководством Пейре и Жаума Отье – сочли, что реконкиста достигла такой стадии, что можно пригласить диакона из изгнания и поселить его в Тулузэн. *Мессер* Бернат на самом деле совершил такое путешествие. В самой Тулузе мы видим, как он также, согласно обряду, совершает *aparelhament* больной, получившей утешение из рук Пейре Отье. Другим существенным признаком успеха реконкисты в те же 1303-1305 годы, является то, что Добрая Женщина, Оды Буррель, называемая Жамета, посвященная в общине Добрых Женщин на Сицилии, поселилась в Тулузе – на улице Этуаль – где существовал зачаток общинного женского дома. По этим же причинам, чтобы у подпольных служителей его Церкви была достаточная база, Пейре Отье искал возможность открывать и другие тайные религиозные дома, управляемые преданными верующими женщинами – как, например, Гильельмой Маури, из Монтайю, в Рабастен¹³⁸.

Всего лишь за три или четыре года реконкисты, осуществляемой решительно и методически, маленькая группа великого возвращения в самом деле смогла развернуться, структурироваться и укрепить будущее Церкви. Успех этого предприятия неоспорим.

Столь впечатляющие результаты служат свидетельством того, что катаризм в начале XIV века не был угасающим религиозным движением, как его иногда сегодня пытаются представлять. Молниеносное катарское возрождение, последовавшее за реконкистой Пейре Отье, свидетельствует о том, что для того мира и того общества путь справедливости и правды Добрых Людей еще имел глубокий смысл, а их таинство счастливого конца представляло христианскую надежду.

Будучи харизматическим пастырем, Пейре Отье лично проповедовал и неустанно давал утешение в замках Сабартес, в хижинах Лаурагэ или в тулузских мастерских. Мы не можем обойти молчанием высокий уровень его образования, о чем, впрочем, здесь уже неоднократно говорилось. Интеллектуальное и моральное превосходство Старшего в общине Добрых Людей не порождает никаких сомнений; особенно это видно по повсеместному восхищению, которые он вызывает у верующих. Часто появляясь вместе с сыном Жаумом, он бродит по тысяче подпольных дорог, от одного очага верующих до другого. Прячась в закрытой комнате или пристройке дома, Добрые Люди умело действовали в необычной обстановке; из своих котомок они вынимали и расстилали белые салфетки и ставили свечи на простой стол, за которым ритуально благословляли хлеб, перед тем, как разделить его с гостями, и это место становилось культовым. Ведь они были носителями Святого Духа, "и сами были храмами", как говорил пастух Пейре Маури, перефразируя Послания Павла. Когда по вечерам они проповедовали для верующих в доме, туда приходили

¹³⁸. Подробности в книге A. Brenon, *Inquisition à Montailou, Cahors*, L'Hydre éditions, 2005.

соседи, которым можно было доверять. Все они, становясь на колени перед Пейре и Жаумом Отье, просили о божественном благословении, совершая *melhorier*. Потом Добрый Человек Жаум читал на окситан отрывки из Писания на этот день, а Добрый Человек Пейре комментировал их.

Проповеди Пейре и Жаума Отье были очень высокой пробы, и сравнимы с тем, что мы знаем о катарской теологии из источников XIII века. Из-за некоторых заявлений крестьян из Монтайю перед инквизитором, не так давно возникло мнение, что катаризм XIV века деградировал в фольклор: однако, тщательное изучение показывает совсем обратное. Основанная на отличном знании христианских Писаний и схоластических катарских трактатах предшественников, проповедь Пейре Отье – но также и всего собрания Добрых Людей его Церкви, в том числе и Гийома Белибаста – отмечено признаками религиозного образования высокого уровня: образования, основанного на устремлении к Добру. Переходя от одного убежища к другому, Старший никогда не расставался со своими книгами – Библиями и теологическими трактатами; особо преданные верующие перевозили их для него на спине мула или лошади.

Всё, что он проповедовал, отличалось прекрасными теологическими аргументами и несло в себе черты иронии. Молодым ученым клерком он говорил, что единственным истинным крестом Христовым является "должное покаяние и послушание Слову Божьему". Или же, что "без Бога вознило ничто" этого мира. Пастухам из Арка и ткачам из Борна он, легко используя игру слов, шутил, что "попы (*los capelans*) это все равно, что шелудивые собаки" (*cans pelants*), настолько жаждущие стричь шерсть с чужих спин, что выдирают ее вместе с кожей; и всем он впоследствии приводил метафору, что "есть две Церкви, одна бежит и прощает, другая владеет и сдирает шкуру". И что их Церковь преследуема в этом мире, как Христос и Его апостолы, потому что она – Церковь Христа и апостолов.

"Если Меня гнали, будут гнать и вас (Ио 15, 20)... Вот, Я посылаю вас как овец среди волков (Мф 10,16)"

Учение, в котором современная им реальность инквизиторской травли подтверждалась ужасным способом.

Ересь Добра умерла с последними Добрыми Людьями, смешавшись с их пеплом, в Каркассоне, на берегах Од, в Тулузе, у старого кладбища, перед кафедральным собором Сен-Этьен. Она погибла не от упадка и слабости, а в самом расцвете сил своей теологии и веры. Погибла от наиболее систематических религиозных преследований, которые только знала История, и породивших современные формы тоталитаризма.

Наиболее разоблачительной в этом смысле является простая фразеология инквизиторских приговоров. Приведем здесь несколько отрывков одного из десятков подобных приговоров, содержащихся в реестре Бернарда Ги. В сентябре 1313 года верующий Пейре Раймонд дез Уго объявил голодовку в застенках Мура Тулузы, куда он был брошен на пожизненное заключение в апреле 1310 года. В тот же день, когда он был осужден, его брат и золовка, вместе с пятнадцатью другими верующими, были сожжены как вновь впавшие в ересь.

Скорее всего, через несколько дней был сожжен Добрый Человек Пейре Отье. Он, Пейре Раймонд, в кандалах и застенках влачил жалкое существование, все думая об отречении, к которому его вынудили.

А через три с лишним года в этом каменном мешке, он решил уйти в небо. Он отказался от "хлеба скорби и воды страданий" своей темницы. Он громко заявил, что был и остается верным вере Пейре Отье и его друзей, и в этой вере он хочет жить и умереть. Он достиг того, к чему стремился: инквизитор вызвал его из застенков на допрос, зафиксировал его нераскаянность и вторичное впадение в ересь, и предал его в руки светской власти. И он ушел через огонь.

" Ты, Пейре Раймонд дез Уго...отрекся от ереси, судебным порядком... затем, как собака, возвращающаяся к своей блевотине, не боясь добавить к своим прежним грехам новые, и вовсе не страшись суда Божьего, ты вновь впал...в ересь, от которой ты отрекся; и эту ересь ты сам исповедал перед нами, и ты заявил нам об этом на манер столь же мерзостный, сколь и неблагочестивый....

Item, относительно Пейре Отье, умершего еретика, которого в свое время публично осудили судом Церкви, потом привели к костру, и он был сожжен светской властью, а также относительно товарищей по секте и по вере означенного еретика Пейре, ты говорил и утверждал, что они Добрые люди и Добрые христиане, и что их вера благая, а секта истинная, и ты говорил, что в ней ты хочешь жить и умереть... И ты говорил, что веришь, что означенный еретик Пейре Отье спасен...

Item, ты говорил, что если бы ты мог встретить на своем пути... какого-нибудь еретика... из его секты, то ты бы хотел быть принятым в их чин и секту, по их обычаю и их правилам, которые Святая Церковь Римская считает проклятыми и заразными, и которые она осудила. *Item* ... ты вновь утверждаешь перед нами, что никогда не покинешь эту веру, которая является всего лишь неверием и лицемерием, но что ты желаешь хранить ее, и в ней хочешь жить и умереть.

Все эти заблуждения, а скорее, наваждения, и лицемерие, а также другие, которые ты бесстыдно исповедал перед нами, и продолжаешь упорствовать в них, и отказываешься взять свои слова назад... в лицемерии своей очерстневшей души.

Вследствие этого мы, господа инквизитор и епископ, ради Бога и чистоты правой веры, положи перед собой священное Евангелие, чтобы наше суждение было вынесено от имени Бога, и чтобы наши глаза видели праведно...чтобы больная овца не заражала здоровых овец отары Господней, этим публичным актом объявляем, провозглашаем и сим приговором называем тебя еретиком и также рецидивистом, поскольку ты впал в ересь, от которой прежде отрекся. И поскольку святая Мать-Церковь больше ничего не может с тобой сделать, по причине твоих проеступлений... мы передаем тебя в руки светской власти.

(Приговор Пейре Раймонда дез Уго, 20 сентября 1313)¹³⁹

Вся ересь Добра была целиком передана в руки светской власти.

¹³⁹. Тер. А. Brenon, *Choix hérétique...* 44-47.

Заключение

Ересь Добра, сложная и отточенная религиозная система, строилась на убедительной и связной внутренней логике. Мы попытались сделать всё возможное, чтобы подступиться к ней, но, естественно, не исчерпали всех ее аргументов, сопоставляя древние слова с нашими сегодняшними взглядами, поднимаясь словно по винтовой лестнице, от подножия башни к ее вершине, глядя на все тот же пейзаж, но всякий раз с большей и большей высоты – пока не достигли последней террасы *entendensa*, откуда взгляд может увидеть новое небо и новую землю. Словно та верхняя терраса замка Кагельбо, где Добрый Человек Гийом Белибаст – последний из Добрых Людей – апрельским днем 1321 г., отданный на милость графского правосудия и Инквизиции, уже смутно видел город золотой и сорок восемь ангелов, которые препроводят его к Отцу Небесному.

Средневековая и рафинированная формулировка старой гностической мечты была частью, разработанной и завершенной теологии. Она была типом христианской рефлексии и практики, естественная связность которых говорит о древности, даже об архаизме. В катаризме нет ничего от революционного порыва спонтанного энтузиазма, от внезапной реакции на конкретный исторический кризис. Конечно, контекст романской спиритуальности, появление христианской идеологии великой битвы, придало ему силу и смысл; но его стройная религиозность явно имеет более древние корни. Даже эволюционировав вместе с великими интеллектуальными дебатами того времени – из которых вместе со схоластикой проклюнулись, первые почки преднаучной мысли - он все равно хранил черты ранней христианской традиции. Балансируя между ностальгией по Церкви апостолов и Царствию Отца Небесного, он, однако, смог укорениться, пока это позволяло соотношение сил, особенно в тулузской Окситании, в исполненном динамизма христианском обществе. После столетия преследований, его последние монахи все еще происходили из социальной и интеллектуальной элиты своего времени. Доброжелательность его теологии освобождения от зла смогла влиться своим ручейком в огромный поток Гуманизма.

Однако, эта прекрасно разработанная христианская религиозная система полностью исчезла, была искоренена из Истории в XIII веке во Франции и Германии, в XIV веке в Окситании и Италии, в XV веке в Греции и Боснии. Не осталось ничего, кроме ярлыков победителей, очерняющих ее память, а также нескольких книг ее собственной теологической рефлексии, открытых совсем недавно. А в реестрах Инквизиции сохранились имена и некоторые жесты сотен, тысяч ее приверженцев.

Но сегодня нельзя больше заявлять, как это делала еще в начале XX века историография с католическими тенденциями, не имевшая никаких, кроме средневековых цистерцианских и доминиканских других источников, и озабоченная тем, чтобы сгладить шероховатости инквизиторской системы, что катаризм умер вполне естественной смертью, источенный изнутри свойственной ему "внутренней доктринальной слабостью". Сегодня историки подобной направленности лучше формулируют свои тезисы, говоря о "многочисленных факторах": принимая во

внимание все ту же утрату интеллектуальной силы, катаризм не мог избежать смерти, поскольку он вышел из моды и был превзойден появлением нищенствующих орденов, обновивших духовность христианства францисканской мистикой и *новой* пастырской деятельностью доминиканцев. Значит, катаризм умер, отказавшись войти в "современность" монархического и томистского порядка?

Эти гипотезы, как бы интересны они ни были, тем не менее, грешат тенденцией нарушить логический порядок, поменяв местами причины и следствия. Не в связи ли с тем, что еретикам заткнули рот, так успешно развивалась пастырская деятельность Братьев-Проповедников? К тому же, эти гипотезы не выдерживают серьезной исторической критики, основанной на изучении совокупности источников. Разумеется, упомянутые многочисленные факторы, и многие другие, сыграли свою роль в исчезновении катаризма. Но не видеть прекрасной связности религиозных построений еретиков и затушевывать ужасную реальность репрессивной машины, заведенной в Средневековье – значит отказываться от самого метода критической истории.

Почему всегда именно еретик остается подозрительным и обвиняемым? Стоит ли во всем поддакивать институции, которая отказывалась терпеть само его существование, которая его искоренила?

Здравый смысл горных деревень еще в 1320-х годах демонстрировал ясное видение этой проблемы; вот в чем, среди прочего, признавалась инквизитору некая Азалаис из Кассу:

"Гильельма говорила у очага, и мы все это слышали, что еретики были Добрыми Людьями, и что они держатся своей веры лучше, чем мы, католики, нашей; что они вернее спасутся в своей вере, чем мы, католики, в нашей; что Церковь преследует их потому, что у нее слишком много власти; и что если бы Церковь их не преследовала, то их было бы намного больше, чем других людей..." (Показания Азалаис Буррет, 1321)¹⁴⁰

Если бы катаров не преследовали, разве бы они исчезли? Но как религиозные преследования смогли уничтожить столь солидную и пассионарную систему катарской религиозности?

Если бы мы заглянули в конец XIII века, через три поколения непрерывных репрессий, после крестового похода и Инквизиции, то увидели, что этого недостаточно для искоренения ереси. В 1297 г., когда Пейре Отье и его брат Гийом отправились в Италию, чтобы получить просвещение и посвящение, возрождение, восстановление и новое распространение ереси были еще объективно весьма возможны. Существование нетронутого ядра Церкви, *ordenament de sancta Gleisa*, позволяли это сделать, при прочих благоприятных обстоятельствах – жар веры в людях был еще жив, а политическая поддержка графа де Фуа ограничивала деятельность Инквизиции.

¹⁴⁰. JF 698.

Но двадцать лет спустя все было иначе. Когда сожгли Пейре Отье и всех его братьев, то тем самым обрекли на смерть сам безупречный и хрупкий катаризм. Последние преследования затоптали искры: погребло все без остатка. Связи между верующими были разорваны, подполье разгромлено, а последние живые силы истреблены. Даже Церковь в изгнании, отсеченная от связи с родиной, которая ее питала, ненадолго их пережила.

Достаточно было, чтобы Инквизиция смогла уничтожить, одного за другим, каждого из последних Добрых Людей. В день, когда сожгли последнего из этих мужественных людей, прекрасно образованных, воспитанных и посвященных в горниле опасности, даже если вера еще жила в сердцах осиротевших верующих, Церковь погибла.

В катарской Церкви никакое спонтанное призвание не имело смысла без посвящения епископа, наследника апостолов - или, в крайнем случае, Доброго Человека, которому была делегирована власть отпускать грехи. Связанная жесткостью своей церковной структуры и апостольских обетов, катарская Церковь могла сломаться, но не согнуться: неприспособленная, не смотря на героизм своих служителей и верных, к условиям длительного подполья, Церковь "кротких, смиренных и гонимых" не могла, оставаясь сама собой, защищаться теми же средствами, что и ее Римская противница. "Бежать и прощать" – слишком слабое оружие против силы тех, "кто владеет и сдирает шкуру". Особенно когда количество еще живых апостолов стремительно сокращается. После экстраординарной эпопеи Пейре Отье, у катаризма не было другого шанса.

Эти последние, оставшиеся, прекрасно это понимали. Это понимали Пейре Отье и Гийом Белибаст, которым верующие в страхе задавали жестокие вопросы: если не будет больше Добрых Людей, как мы спасем свои души? И тогда подпольные пастыри искали и находили ответ в глубине "доброй сокровищницы своего сердца": если верующий сознательно заключит *convenensa*, то в момент смерти, даже одинокой, к нему явится "духовный Добрый Человек, то есть ангел", который даст ему утешение...

Они не могли вообразить, не могли поверить, что дорога Спасения в этом мире может закрыться, а Церковь Божья может исчезнуть. Однако *Sancta Gleisa* все же исчезла.

Несмотря на псевдо-пророчество Белибаста - "но через семь сотен лет лавр вновь зазеленеет из пепла мучеников" -, которое не является средневековым пророчеством, а просто лозунгом современной эзотерики, никакая катарская Церковь не может возродиться из этого пепла, иначе она возродилась бы из пепла последнего костра. Инквизиторы прекрасно знали свое дело, когда, отдавая тело на костер, проклинали души на всю вечность и навсегда осуждали их память. "Они пошли прямо из огня мира сего в пламень адский", наставительно завершил свой рассказ о костре Монсегюра хронист Гийом де Пюилоран. "Их имена вычеркнуты из Книги Жизни", добавил тулузский

доминиканец Гийом Пельиссон. Однако, инквизиторы просчитались, поскольку сами навечно вписали их в будущее, в собственных реестрах допросов тех, кому они хотели заткнуть рот.

И в конце концов, может быть, этот лавр зазеленеет просто из Истории, из пробуждения критического сознания и памяти, которую разделим мы с вами?